

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ПРОБЛЕМЫ
БРАКА
СЕМЬИ
И ДЕМОГРАФИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“

ВЫПУСК 4

СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Handwritten signatures and notes:
~~Генеральный директор~~
~~Заместитель директора~~
~~Секретарь~~
~~С. С. Сидоров~~

Институт демографии
ГУ-ВШЭ

БИБЛИОТЕКА

USSR ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF SOCIAL RESEARCH
SOVIET SOCIOLOGICAL ASSOCIATION

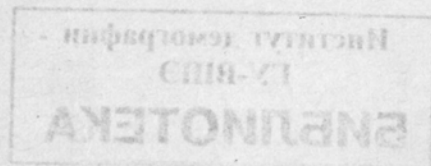
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ КОНКРЕТНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
СОВЕТСКАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ

SOCIAL RESEARCH

Volume 4

PROBLEMS OF MARRIAGE,
FAMILY AND DEMOGRAPHY

«НАУКА»
PUBLISHINGHOUSE
MOSCOW
1970

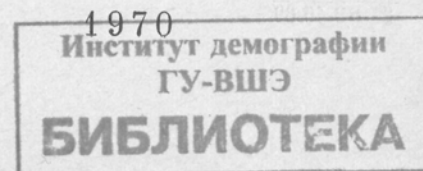

СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выпуск 4

ПРОБЛЕМЫ БРАКА, СЕМЬИ
И ДЕМОГРАФИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
МОСКВА

Редакционная коллегия:

Г. В. Осипов, А. Г. Харчев, Э. А. Янкова

В. И. ЛЕНИН О СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ЖЕНЩИН

Э. А. ЯНКОВА

Социальная активность, под которой в марксистской социологии понимается активность в самых разнообразных сферах жизнедеятельности общества (в производстве, общественно-политической жизни, в быту и др.), является одной из основных характеристик свободного человека. В процессе активной социальной деятельности происходит приобщение каждого члена общества к историческому созиданию, превращение его в сознательного субъекта культурно-исторического развития.

Именно поэтому формирование всесторонне развитой, творческой, социально активной личности составляло и составляет одну из важнейших задач социалистической революции на всех этапах ее осуществления. Ленин неоднократно указывал, что к активному, сознательному, социально значимому творчеству будет привлечена вся масса трудящихся, в том числе и трудящиеся женщины, ибо только в этом случае социалистическая революция победит полностью и окончательно. «...Социализма, — писал В. И. Ленин, — не может ввести меньшинство — партия. Его могут ввести десятки миллионов, когда они научатся это делать сами»¹.

В ноябре 1918 г., выступая на I Всероссийском съезде рабочих, Ленин подчеркивал особое значение для судеб социализма активной деятельности женщин: «Из опыта всех освободительных движений замечено, что успех революции зависит от того, насколько

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 53.

ко в нем участвуют женщины»². Он говорил: «Не может быть социалистического переворота, если громадная часть трудящихся женщин не примет в нем значительного участия»³.

«Пролетариат не может добиться полной свободы, — писал В. И. Ленин в феврале 1920 г., — не завоевывая полной свободы для женщин»⁴.

Под свободой Ленин понимал при этом не только и не столько политическую свободу, равноправие женщины с мужчиной перед законом, сколько фактическое равенство ее во всех сферах жизнедеятельности общества и, в первую очередь, фактическое и равное участие ее в общественно полезном труде, в управлении общественным производством, государством и всей общественной жизнью страны в целом. «...Надо, чтобы женщина-работница добилась не только по закону, но и в жизни равенства с мужчиной-работником»⁵, — разъяснял В. И. Ленин.

Однако, если равноправие женщины с мужчиной перед законом было провозглашено уже в первые месяцы существования Советской власти, когда, по словам Ленина, был произведен в законодательстве, касающемся женщин, самый решительный переворот и когда из тех законов, которые ставили женщину в положение подчиненное, в Советской республике не осталось камня на камне, осуществление фактического равенства потребовало длительного исторического периода. «...Чем *чище*, — пишет В. И. Ленин в работе «Великий почин», — очистили мы почву от хлама старых, буржуазных, законов и учреждений, тем яснее стало для нас, что это только очистка земли для постройки, но еще не самая постройка»⁶.

Для постройки была необходима борьба длительная, требующая коренной переделки общественной техники и нравов. Но Ленин не сомневался, что эта борьба кончится полной победой коммунизма⁷. Уверенность В. И. Ленина основывалась на анализе исторических закономерностей развития. Угнетение одного пола другим, отмечает он в лекции «О государстве», возникло в ходе общественного развития⁸. В процессе дальнейшего развития вызревают и предпосылки освобождения женщины.

Становление нового человека, как известно, происходило в процессе общих социалистических преобразований общества, осуществлялось в ходе создания научно-технической базы социализма и совершенствования общественных отношений. Именно в ходе социалистического строительства преодолевалась противополож-

ность развития общества и личности и шло превращение каждого члена общества, в том числе и трудящейся женщины, в творца, в сознательного субъекта культурно-исторического процесса, для которого все его жизненные проявления — суть самовыражения и самоутверждения как человека.

«Только тогда, когда мы от мелких хозяйств перейдем к общему и к общей обработке земли»⁹, — говорил В. И. Ленин, произойдет полное освобождение и раскрепощение женщин. «Отменив частную собственность на землю и почти целиком отменив ее и на фабрики и заводы, Советская власть стремится к тому, — указывает Ленин, — чтобы все трудящиеся, не только партийные, но и беспартийные, и не только мужчины, но и женщины, принимали участие в этом хозяйственном строительстве. Это начатое Советской властью дело может быть двинуто вперед только тогда, когда вместо сотен женщин по всей России в нем примут участие миллионы и миллионы женщин»¹⁰.

Особое значение В. И. Ленин придавал самостоятельному участию масс, в том числе и женщин, не только в общественном производстве, но и в повседневном управлении. В этом участии он видел основное проявление человека как личности: «...для нас важно привлечение к управлению государством поголовно всех трудящихся»¹¹.

В то же время Ленин неоднократно отмечал, что для превращения трудящейся женщины в сознательного субъекта культурно-исторического развития необходимо осуществление культурной революции: сразу же после политического переворота перед нами встали задачи культурные¹². При этом целью культурной революции Ленин считал отнюдь не только ликвидацию неграмотности и приобретение определенного уровня знаний трудящимися, не только обобществление средств духовного производства и перераспределение культурных ценностей в пользу широких народных масс, но прежде всего формирование нового человека, не только овладевшего духовными ценностями и знаниями, но и освоившего их, умеющего применять их на практике в целях преобразования природы и общества.

Овладевание необходимыми для этого знаниями и духовными ценностями он рассматривал лишь как условие роста социальной активности человека, подчеркивая, что «государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно»¹³. В. И. Ленин

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 186.

³ Там же, стр. 185.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 158.

⁵ Там же, стр. 157.

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 23.

⁷ См. там же, стр. 26.

⁸ См. там же, стр. 68.

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 186.

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 204.

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 53.

¹² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 168—169.

¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 21.

писал: «Цель: всю трудящуюся массу, и мужчин и *ж е н щ и н* *о с о б е н н о*, провести через участие в Р[абоче]-Кр[естьянской] Ин-сп[екции]... Участие это сделать различным, смотря по степени развития участников: начиная с роли «послуха» или свидетеля или понятого или учащегося для неграмотных и совершенно неразвитых рабочих и крестьян,— кончая всеми правами (или почти всеми) для грамотных, развитых, *испытанных* так или иначе»¹⁴.

В работе «Удержат ли большевики государственную власть?» В. И. Ленин, развивая свое учение о значении социальной активности для развития личности, писал: «Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством... Мы требуем, чтобы *обучение* делу государственного управления велось сознательными рабочими и солдатами и чтобы начато было оно немедленно, т. е. к обучению этому немедленно *начали* привлекать всех трудящихся, всю бедноту»¹⁵.

Ленин считал, что необходимо немедленно начать обучение широких масс трудящихся делу управления государством, под которым вождь революции понимает не только и не столько приобретение общих и профессиональных знаний по управлению, сколько будничную ежедневную работу. Пропагандируя демократический принцип организации, он разъяснял: этот принцип «значит, что каждый представитель массы, каждый гражданин должен быть поставлен в такие условия, чтобы он мог участвовать и в обсуждении законов государства, и в выборе своих представителей, и в проведении государственных законов в жизнь»¹⁶.

В марте 1917 г. в «Письмах из далека» Ленин, перечисляя характерные черты «пролетарской милиции» и, в частности, ее массовый состав, писал: «Такая милиция развила бы те функции, которые, говоря ученым языком, относятся к ведению «полиции благосостояния», санитарный надзор и т. п., привлекая к подобным делам поголовно всех взрослых женщин. А не привлекая женщин к общественной службе, к милиции, к политической жизни, не вырывая женщин из их отупляющей домашней и кухонной обстановки, *нельзя* обеспечить настоящей свободы, *нельзя* строить даже демократии, не говоря уже о социализме»¹⁷.

Несколько позже, формулируя задачи пролетариата в революции, Ленин снова обращается к проблеме социальной активности женщины: «Без привлечения женщин к самостоятельному участию не только в политической жизни вообще, но и к постоянной,

поголовной общественной службе нечего и говорить не только о социализме, но и о полной и прочной демократии. А такие функции «полиции», как попечение о больных, о беспризорных детях, о здоровом питании и пр., вообще не могут быть удовлетворительно осуществлены без равноправия женщины на деле, а не на бумаге только»¹⁸.

8 марта 1919 г. в «Заметках о реорганизации Государственного контроля» Ленин подчеркивает огромное значение для контроля систематического участия в нем понятых из пролетарского населения с обязательным участием $\frac{2}{3}$ женщин, которые могли бы осуществлять проверку жалоб граждан, вести борьбу с волокитой, уделять внимание повышению производительности труда и увеличению количества продуктов¹⁹. Он отмечает и необходимость привлечения женщин к контролю за учетом и распределением продуктов, товаров, материалов, топлива.

Однако Ленин и в этой будничной работе нацеливает на творчество, на проявление социальной активности, на осуществление функций контроля и организации, т. е. на формирование чувства хозяина своего предприятия, своего государства, ибо видит в этом процессе основной путь становления личности. Одновременно он подчеркивает и необходимость осуществления женщиной профессионально руководящей работы, которая в силу своей особенности наиболее полно выявляет творческие потенции и формирует активность человека: «Нет сомнения, что среди работниц и крестьянок имеется во много раз больше, чем нам известно, *организаторских талантов*, людей, обладающих умением наладить практическое дело...»²⁰ Для каждой трудящейся женщины, по мнению Ленина, необходимо сделать политику доступной, а для части наиболее активных женщин и профессиональным занятием²¹.

Приветствуя Всероссийское совещание губженотделов 6 декабря 1920 г., В. И. Ленин говорил: «Участие женщин в партийной и советской работе приобретает гигантское значение именно теперь, когда война кончилась, и мирная организаторская работа выдвинулась — надеюсь, на долгое время, — на первый план. А в этой работе женщины должны сыграть первую роль, и они, конечно, сыграют ее»²².

Требование участия женщин в политической работе Ленин рассматривал как главнейшее требование большевизма. «Главное, основное в большевизме и в русской Октябрьской революции, — считал он, — есть втягивание в политику именно тех, кто был

¹⁴ Ленинский сборник, VIII, стр. 25—26.

¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 315.

¹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 156—157.

¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 43.

¹⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 165.

¹⁹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 541.

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 24.

²¹ См. там же, стр. 203.

²² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 84.

всего более угнетен при капитализме... Они сами, эти массы, берут в свои собственные руки политику, то есть дело строительства нового общества. Дело трудное, массы забиты и задавлены капитализмом, но иного выхода из наемного рабства, из рабства капиталистов нет и быть не может. А втянуть в политику массы нельзя без того, чтобы не втянуть в политику женщин. Ибо женская половина рода человеческого при капитализме угнетена вдвойне»²³.

В связи с огромным теоретическим и методологическим значением, которое придавал Ленин формированию социальной активности женщин на производстве и в общественно-политической жизни, осуществлялась практическая работа партии и Советской власти среди самых различных категорий не только работниц, но и не участвующих в общественном производстве женщин.

Так, определяя существенные черты нового человека, подчеркивая значение для его характеристики социальной активности, Ленин писал в связи с выборами в Московский Совет: «Надо, чтобы женщины-работницы приняли большее участие в выборах»²⁴. Ответом на этот призыв явился рост удельного веса женщин среди депутатов Московского Совета, рост сознания и активности женщин. В ответ на постоянные требования Ленина о широком привлечении мужчин и «особенно» женщин к работе в рабоче-крестьянской инспекции, а также массового участия женщин во всех отраслях народного хозяйства, в котором он видел основной путь становления нового человека, растет производственная и общественная активность женщин во всех сферах жизни Советского государства.

В. И. Ленин считал, что непосредственно общественный характер труда на производстве, работа на благо всего общества, участие в управлении производством, всеми делами общества и государства сформирует всесторонне развитую, творческую, социально активную личность женщины, будет способствовать окончательному преодолению отчуждения женщины от общества, становлению ее фактического равенства с мужчиной. Соответственно учению Ленина о механизмах процесса формирования личности была разработана система воспитательной работы среди женщин. Эта работа явилась не только критерием проверки истинности ленинской политики, но и, в свою очередь, способствовала дальнейшему развитию теории.

Огромную роль в повышении социальной активности женщин, в подготовке их к сознательной, творческой, созидательной деятельности должны были сыграть и сыграли, например, так называемые делегатские собрания — своеобразные очаги воспитательной работы среди самых широких кругов женщин первых лет

социалистической революции, ростки будущей широкой общественной деятельности женщин. В этих собраниях участвовали не только работницы, служащие и крестьянки, принимавшие непосредственное участие в общественной жизни страны, но и домашние хозяйки, жены рабочих и служащих. Каждая делегатка представляла интересы своих избирателей и являлась проводником воспитательного воздействия на них ряда социальных институтов. В программу работы делегатских собраний включались не только обсуждения докладов на важнейшие политические темы, дискуссии по актуальным проблемам социалистического строительства, социальный анализ практической деятельности местных советов, кооперации, профсоюзов, отдельных хозяйственных предприятий, учреждений, но и участие делегатов в практической деятельности различных организаций.

Так, специальным постановлением Совета Народных Комиссаров, подписанным В. И. Лениным, о порядке оплаты делегатов за время их работы в отделах Совета, был узаконен фактически институт практиканток, специальная школа государственного управления.

Огромное значение для формирования социальной активности женщин имели и женские советы в целом, призванные, по мысли Ленина, осуществлять большую агитационную и пропагандистскую работу среди наиболее отсталой части женщин.

О росте социальной активности женщин может свидетельствовать их широкое участие в собраниях, митингах, демонстрациях, принимавших часто формы всенародного волеизъявления. Отмечая большое значение этих новых форм социальной активности народа, Ленин указывал, что социализм ставит вопрос не только об использовании представительной демократии, но и о создании целого ряда принципиально новых форм вовлечения народа в управление. Интересно при этом подчеркнуть, что любая общественная организация, любая общественная кампания первых лет Советской власти, будь то общество «Долой неграмотность», или «Общество безбожников», или праздничная манифестация, всю свою деятельность она всегда подчиняла основной цели — осуществлению социалистического строительства, социалистической революции, одной из гуманнейших задач которой была задача формирования нового человека, способного строить социализм и жить при социализме.

Таким образом, основной путь осуществления фактического равенства женщины с мужчиной и формирования личности женщины Ленин видел в превращении ее в сознательного творца и созидателя истории, в повышении ее социальной активности. Социальная активность женщины справедливо расценивалась при этом как свидетельство того, что марксистско-ленинское мировоззрение стало сознательным ее убеждением, органически вошло в ее культуру, образ жизни; более того, социальная активность

²³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 368.

²⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 157.

женщин рассматривалась как проявление полной идентификации ее потребностей, интересов, установок с потребностями, интересами, установками общества в целом.

Именно поэтому социальная активность женщины означала формирование целостного человека, активно, самостоятельно, свободно и всесторонне творящего свою собственную общественную жизнь.

В то же время Ленин считал, что формирование личности женщины зависит не только от привлечения ее к общественному производству, к политике, к управлению всеми делами общества, но и от изменения ее бытовых ролей. «Женщина продолжает оставаться, — писал он с болью, — *домашней рабыней*, несмотря на все освободительные законы, ибо ее давит, душит, оупляет, принижает *мелкое домашнее* хозяйство, приковывая ее к кухне и к детской, расхищая ее труд работою до дикости непроизводительною, мелочною, изнервляющею, оупляющею, забивающею»²⁵.

«Вы все знаете, что даже при полном равноправии, — говорил Ленин, перечисляя задачи женского рабочего движения в Советской республике на IV Московской общегородской беспартийной конференции работниц 23 сентября 1919 г., — остается все же эта фактическая придавленность женщины, потому что на нее сваливают все домашнее хозяйство. Это домашнее хозяйство в большинстве случаев является самым непроизводительным, самым диким и самым тяжким трудом, какой осуществляет женщина. Это труд чрезвычайно мелкий, не заключающий в себе ничего, что сколько-нибудь способствовало бы развитию женщины»²⁶.

Необходимость кардинальной реконструкции домашнего хозяйства Ленин считал теоретически бесспорной, называя ее «расчисткой почвы» для социалистической постройки. «Настоящее освобождение женщины, настоящий коммунизм, — писал он, — начнется только там и тогда, где и когда начнется массовая борьба (руководимая владеющим государственной властью пролетариатом) против этого мелкого домашнего хозяйства, или, вернее, *массовая перестройка* его в крупное социалистическое хозяйство»²⁷.

Общественные учреждения быта (столовые, ясли, детские сады) Ленин считал средствами, которые «на деле способны освободить женщину, на деле способны уменьшить и уничтожить ее неравенство с мужчиной, по ее роли в общественном производстве и в общественной жизни»²⁸.

Более того, общественные учреждения бытового обслуживания он считал ростками такого быта, основной функцией которого

должна была стать функция воспитательная (воспитание всесторонне развитого, социально активного человека — человека, бытовые роли которого находятся в полной гармонии с его общественными ролями). Общественные учреждения быта должны были, таким образом, не только революционизировать домашнее хозяйство, но и оптимизировать деятельность человека в быту.

Механизм изменения структуры домашнего хозяйства и семейно-бытовых ролей женщины, по мысли Ленина, должен был состоять в передаче всех оупляющих, механических, нетворческих видов домашнего труда (стирки, приготовления пищи, уборки помещений) учреждениям общественного быта. Именно поэтому Ленин, придавая большое значение пропаганде лучшего опыта работы новых общественных учреждений обслуживания, призывал: «...описывать наилучшие столовые или ясли, чтобы ежедневными настояниями добиваться превращения некоторых из них в образцовые, чтобы рекламировать их, описывать подробно, какая экономия человеческого труда, какие удобства для потребителей, какое сбережение продукта, какое освобождение женщины из-под домашнего рабства, какое улучшение санитарных условий достигается при *образцовой коммунистической работе*, может быть достигнуто, может быть распространено на все общество, на всех трудящихся»²⁹.

Разъясняя значение новых учреждений быта для процесса формирования личности женщины, В. И. Ленин писал: «Эти средства не новы, они созданы (как и все вообще материальные предпосылки социализма) крупным капитализмом, но они оставались при нем, во-первых, редкостью, во-вторых, — что особенно важно — либо *торгашескими* предприятиями, со всеми худшими сторонами спекуляции, наживы, обмана, подделки, либо «акробатством буржуазной благотворительности», которую лучшие рабочие по справедливости ненавидели и презирали»³⁰. Более того, эти средства никогда не преследовали цель изменить структуру социальных ролей женщины, ибо капитализм никогда не ставил и не ставит своей задачей осуществление социального равенства, формирование всесторонне развитого, творческого, социально активного человека. В условиях капиталистического общества сфера общественной деятельности по-прежнему считается сферой жизнедеятельности мужчины, где он играет основные роли, а сфера быта — сферой женщины.

«Чтобы заниматься политикой, — писал Ленин, — при старом капиталистическом обществе требовалась особая подготовка, и потому участие женщины в политике, даже в самых передовых и свободных капиталистических странах, было ничтожное»³¹. Женщина

²⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 24.

²⁶ Там же, стр. 201—202.

²⁷ Там же, стр. 24.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, стр. 25.

³⁰ Там же, стр. 24.

³¹ Там же, стр. 203.

по-прежнему видит свое единственное общественное призвание в роли хозяйки, обслуживающей бытовые потребности своей семьи.

Именно в силу этого общественные учреждения быта рассматриваются при капитализме как учреждения, призванные лишь облегчить, а отнюдь не революционизировать быт.

В социалистическом обществе, по мнению Ленина, они призваны оптимизировать структуру быта, создать условия для выполнения женщиной творческих, социально значимых функций не только в обществе, но и в семье. Советские женщины свой престиж усматривают в сочетании общественной деятельности с деятельностью организатора дома, досуга семьи, с воспитанием детей. Подчеркивая особую заинтересованность в организации нового быта самих женщин, В. И. Ленин призывал их не только проявлять инициативу в организации учреждений нового быта, но и в организации общественного контроля за деятельностью этих учреждений.

В то же время Ленин призывает изыскивать внутренние резервы, облегчающие быт женщины: «Очень немногие мужья, даже из пролетариев, думают о том, как сильно они могут облегчить тяготы и заботы жены или даже совсем снять их с нее, если бы захотели помочь в «женской работе». Но нет, ведь это же противно «праву и достоинству мужа». Он требует, чтобы у него был отдых и комфорт. Домашняя жизнь женщины — это ежедневное принесение себя в жертву в тысячах ничтожных мелочей. Старое право господства мужа продолжает жить в скрытом виде. Его рабыня объективно мстит ему за это — тоже в скрытом виде: отсталость женщины, отсутствие у нее понимания революционных идеалов мужа ослабляет его бодрость и решимость в борьбе. Это есть те крохотные черви, которые незаметно, медленно, но верно подтачивают и грызут»³².

В связи с этим Ленин отмечает, что рациональное разделение труда в быту и бытовых ролей членов семьи позволит оптимизировать вне рабочее время женщины и тем самым облегчить ей выполнение творческих социально значимых функций. «Наша коммунистическая работа среди женских масс, наша политическая работа включает в себя значительный кусок воспитательной работы среди мужчин. Мы должны вытравить старую рабовладельческую точку зрения до последних мельчайших корней ее»³³. Призывая к пропаганде новой структуры быта, к большой разъяснительной работе среди широких масс не только женщин, но и мужчин, В. И. Ленин всегда подчеркивал, что эти меры — паллиатив, что революция быта состоит в его индустриализации, в обобществлении всех не творческих, механических, отупляющих работ.

Решение «женского вопроса» Лениным, таким образом, всегда осуществлялось в русле общесоциальных задач, составляло одну из таких задач и было подчинено цели создания материально-технической базы социализма, совершенствования общественных отношений и формирования всесторонне развитой, творческой, социально активной личности женщины.

Недаром опыт решения «женского вопроса» в СССР рассматривается мировой общественностью как важнейший социальный эксперимент современности, впервые поставленный в СССР и затем повторенный в других социалистических странах. Учение Ленина о формировании социальной активности женщин во всех сферах жизнедеятельности общества — не только в сфере общественного производства, общественно-политической жизни, но и в быту — составляет существо этого эксперимента, кардинально отличающегося от социальных экспериментов, проводимых в настоящее время во многих странах мира, в том числе и от так называемого шведского эксперимента, не ставящего целью формирование целостной личности женщины и направленного лишь на облегчение ее домашних обязанностей.

³² «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 5. М., 1969, стр. 54.

³³ Там же, стр. 55.

НАСЕЛЕНИЕ СССР ЗА 50 ЛЕТ

Б. Ц. УРЛАНИС

Накануне Великой Октябрьской социалистической революции в нашей стране в современных ее границах проживало около 163 млн. чел.¹

Первые годы существования молодой Республики Советов были очень тяжелыми. Интервенция, гражданская война, эпидемия тифа и «испанки», голод — все это привело к повышению смертности и снижению рождаемости. Численность населения уменьшилась к началу 1922 г. до 153 млн. чел.

В восстановительный период, который завершается к 1926 г., раны, нанесенные гражданской войной, заживают; затем народ берется за выполнение первых пятилеток. Естественный прирост населения в это время составляет несколько миллионов человек в год.

Перед Великой Отечественной войной численность населения Советского Союза достигла 199 млн. чел.²

В битве с германским фашизмом погибло 10 млн. советских солдат и офицеров. Миллионы людей были брошены в ямы Бабы-Яра, сожжены в печах Освенцима и Майданека, погибли голодной смертью в Трестлинке, Дахау, Бухенвальде и других местах массового уничтожения гражданского населения гитлеровскими изуверами. Сотни тысяч мирных советских граждан погибли во время блокады Ленинграда, от воздушных бомбардировок, на фашистской каторге в Германии. Потери гражданского населения оп-

¹ См. Б. Ц. Урланис. Динамика населения России накануне Октября. — «Ученые записки кафедры статистики ВЗЭИ», 1967, стр. 183. В указанное число не входят немцы, проживавшие тогда на территории нынешней Калининградской обл. и японцы, проживающие на территории Южного Сахалина. В Справочнике «Народное хозяйство СССР» (1961; стр. 7) также для 1917 г. дана цифра 163 млн., но без указания даты, к которой она относится.

² Б. Ц. Урланис. Рост населения в СССР. М., 1966, стр. 20.

ределяются в 10 млн. чел. Общие потери в годы войны измеряются огромной цифрой — 20 млн. чел.

Во время войны резко снизилась рождаемость. Лишь к весне 1956 г., спустя 11 лет после окончания войны с фашистской Германией, численность населения достигла довоенного уровня.

К началу 1968 г. в Советском Союзе проживало 237 млн. чел. Таким образом, несмотря на многочисленные бедствия, которые обрушивались на наш народ, прирост населения за 50-летие составлял 45%.

За этот период из крупнейших европейских стран только в Испании процент прироста населения был несколько выше, чем в Советском Союзе (табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности населения ряда крупнейших стран мира

Страна	Численность населения (млн. чел.) к концу		Прирост за 50 лет, %	Страна	Численность населения (млн. чел.) к концу		Прирост за 50 лет, %
	1917 г.	1967 г.			1917 г.	1967 г.	
Франция	39	50	28	Пакистан . . .	53*	108	104
Великобритания	40	56	40	Индонезия . . .	50	109	118
Италия	37	52	41	ОАР	13	32	146
Испания	21	32	52	Канада	8	20	150
Япония	56	100	79	Турция	12	34	183
США	103	200	94	Бразилия . . .	29	87	200
Индия	250*	510	104	Мексика	14	44	214

* Показана численность населения в границах современного государства.

В неевропейских странах темпы роста населения были весьма значительными, что объясняется их меньшим участием в обеих мировых войнах, миграционными процессами (США, Канада), высоким уровнем рождаемости.

В Советском Союзе за последние полвека наблюдается неравномерность роста населения. Районы, оказавшиеся в оккупации, пострадали в годы войны гораздо больше, чем остальная часть страны.

Кроме того, в ряде районов происходили интенсивные миграционные процессы. Существенные различия наблюдались и в уровне рождаемости у народов СССР. В Европейской части страны числен-

Таблица 2

Динамика численности населения СССР
(млн. чел.)

Год	Европейская часть*	Азиатская часть	Всего
1917	142,0	21,0**	163,0
1939	157,4	34,3	191,7
1959	162,3	46,5	208,8
1968 (I.VII)	179,4	58,4	237,8

* Включая Закавказские республики.

** Цифра определена приближенно. В Сибири и Средней Азии на 1.I 1914 г. проживало, согласно статистическим ежегодникам России за 1915 г., 21,1 млн., а по данным Бюллетеня ЦСУ (№ 55 за 1921 г.) — 20,0 млн. чел. (см. В. Э. Ден. Новая Европ. а. М., 1922, стр. 101), но в 1914 — 1917 гг. население несколько возросло, а дореволюционные данные являются преувеличенными.

ность населения увеличилась на одну четверть, а в Азиатской — почти в три раза³ (табл. 2).

Значительно возросло население закавказских республик: к 1917 г. в них проживало лишь около 6 млн., а в конце 1967 г. — 12 млн. чел.

Численность населения союзных республик Средней Азии (включая Казахскую ССР) за 50 лет Советской власти возросла почти в три раза:

К началу года	Млн. чел.	К началу года	Млн. чел.
1917	11,0	1959	23,0
1926	13,8	1968	31,5
1939	16,6		

Конечно, известную роль здесь играло заселение районов целины прибывшими из Европейской части СССР, но в основном этот

³ Если считать, что на юге граница между Европой и Азией проходит по Маньчжурской впадине, то весь Кавказ, т. е. все три закавказские республики и Северный Кавказ, отойдет к Азии. Этой границы придерживалась русская дореволюционная статистика. С точки зрения географии, южной границей Европы считается Кавказский хребет. Тогда в Азиатской части СССР на Кавказе оказываются три союзные республики: Грузинская, Азербайджанская, Армянская, а Северный Кавказ входит в состав Европейской части СССР. Наконец, в публикациях ЦСУ СССР весь Кавказ относится к Европе. На востоке границей между Европой и Азией, с точки зрения географии, остается Уральский хребет и р. Урал. Однако в расчетах ЦСУ СССР к Европе причисляется часть территории, находящаяся к востоку от Уральского хребта (Свердловская и Челябинская обл.), к Азии причисляется часть территории, находящейся к западу от р. Урал; к Азиатской части относятся пять союзных республик, Дальневосточный, Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский районы и часть Уральского района (Курганская обл.).

рост объясняется огромным снижением смертности при стабилизации высокого уровня рождаемости.

В темпах роста населения всех союзных республик за последние 27 лет наблюдаются существенные различия (табл. 3).

Таблица 3

Сравнительная характеристика динамики роста населения союзных республик

Республика	Численность населения (млн. чел.) к началу		Прирост за 30 лет, %	Республика	Численность населения (млн. чел.) к началу		Прирост за 30 лет, %
	1940 г.	1970 г.			1940 г.	1970 г.	
Казахская . . .	6,1	12,9	111	Грузинская . .	3,6	4,7	30
Киргизская . . .	1,5	2,9	93	Эстонская . .	1,1	1,4	27
Таджикская . . .	1,5	2,9	93	Латвийская . .	1,9	2,4	26
Армянская . . .	1,3	2,5	92	РСФСР	110,1	130,1	18
Узбекская . . .	6,6	12,0	82	Украинская . .	41,3	47,1	14
Туркменская . .	1,3	2,2	69	Литовская . .	2,9	3,1	7
Азербайджанская	3,3	5,1	54	Белорусская .	9,0	9,0	0
Молдавская . . .	2,5	3,6	44				

Так, в Белоруссии произошло даже некоторое снижение численности населения, так как она особенно пострадала от войны. В РСФСР численность населения возросла на 1/6. Незначителен рост населения в Прибалтийских республиках и на Украине. В Казахстане же население удвоилось.

Различия в темпах роста численности населения союзных республик вызваны не столько миграционными процессами, сколько различным уровнем рождаемости и влиянием войны. Об изменениях в национальном составе Советского Союза можно судить по данным переписей 1926, 1939 и 1959 гг.⁴ (табл. 4).

У шести национальностей за период 1939—1959 гг. имела место убыль населения. Это было либо результатом войны (евреи, белорусы, прибалтийские народы), либо объяснялось миграционным процессом (например, многие поляки репатриировали в Польшу). Снижение численности населения мордвы объясняется главным образом ассимиляцией этой народности с русскими.

Для некоторых национальностей данные 1939 и 1959 гг. не сравнимы с данными 1926 г., так как Прибалтийские республики, Западная Белоруссия и Западная Украина и Бессарабия в то время были отторгнуты от Советского Союза.

⁴ См. «Численность и расселение народов мира». М., 1962, стр. 64.

Сдвиги в национальной структуре населения СССР за последние десятилетия могут быть получены только после глубокого анализа итогов переписи населения 1970 г.

До революции более $\frac{4}{5}$ населения страны проживало в сельской местности. За последние полвека в результате бурных темпов

Таблица 4

Динамика численности крупнейших (свыше 500 тыс. чел.) народов СССР

Народы	1926 г.*	1939 г.	1959 г.	Рост (или убыль) в 1959 г. по сравнению с 1939 г., %
	млн. чел.			
Русские	77,8	100,9	114,1	13,6
Украинцы	31,2	35,6	37,3	4,6
Белорусы	4,7	8,3	7,9	—4,4
Узбеки	3,9	4,8	6,0	24,3
Татары	3,3	4,3	5,0	15,1
Казахи	4,0	3,1	3,6	16,8
Азербайджанцы	1,7	2,3	2,9	29,1
Армяне	1,6	2,2	2,8	29,4
Грузины	1,8	2,2	2,7	29,6
Литовцы	0,0 ₄	2,0	2,3	14,4
Евреи	2,6	4,6	2,3	—51,1
Молдаване	0,3	2,1	2,2	7,4
Немцы	1,2	1,4	1,6	13,5
Чуваши	1,1	1,4	1,5	7,2
Латыши	0,2	1,6	1,4	—14,1
Таджики	1,0	1,3	1,4	9,9
Поляки	0,8	1,7	1,4	—20,3
Мордва	1,4	1,5	1,3	—11,8
Туркмены	0,8	0,8	1,0	23,3
Башкиры	0,7	0,8	1,0	17,1
Эстонцы	0,2	1,1	1,0	—13,5
Киргизы	0,8	0,9	1,0	9,4
Удмурты	0,5	0,6	0,6	3,1
Марийцы	0,4	0,5	0,5	4,5

* В границах до 17. IX 1939 г. Данные округлены.

роста нашей промышленности удельный вес городского населения значительно возрос. Правда, в первые годы революции несколько миллионов человек переехало в деревню, спасаясь от голода. На-

чиная же с 1921 г. население городов систематически увеличивается не только абсолютно, но и относительно:

Год (на начало)	Удельный вес городского населения (%)	Год (на начало)	Удельный вес городского населения (%)
1917	18	1939	32
1920	15	1959	48
1926	18	1968	55

Таким образом, удельный вес городского населения увеличился втрое. В абсолютных числах рост был еще более значителен: если в 1917 г. в городах проживало 29 млн., то к началу 1968 г. — 131 млн. чел., т. е. в 4,5 раза больше. В последние 15 лет весь прирост населения Советского Союза «уходит» на прирост населения городов и рабочих поселков.

Численность сельского населения не только стабилизировалась, но даже несколько уменьшилась наряду с ростом сельскохозяйственной продукции, что свидетельствует о повышении производительности труда в совхозах и колхозах нашей страны.

Наибольший темп роста населения среди городов — «миллионеров» обнаружил Новосибирск (табл. 5). За ним идет Горький, население которого возросло в 10 раз. Менее других растет Ленинград, население которого вынесло тяжелейшую блокаду.

Таблица 5

Рост населения в крупнейших (более 1 млн. чел.) городах СССР (тыс. чел.)

Город	1914 г.	К началу 1967 г.	Город	1914 г.	К началу 1967 г.
Москва	1763	6507	Ташкент	232	1196
Ленинград	2119	3706	Горький	112	1125
Киев	521	1413	Харьков	245	1120
Баку	232	1239	Новосибирск . . .	75*	1064

* Более 75 тыс. (не считая войск). Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь, т. 28, стр. 767.

Возникло много крупных городов, которых до революции вообще не существовало, например, Караганда (к началу 1970 г. 522 тыс. жителей), Магнитогорск (364 тыс.), Новомосковск (134 тыс.), Комсомольск (218 тыс.), Ангарск (204 тыс.), Братск (155 тыс.), Вожежский (142 тыс.), Тольятти (251 тыс.). Многие города, которых не было даже и в 1939 г., сейчас имеют уже десятки тысяч жителей.

В международной статистике принято считать большим город с населением более 100 тыс. Таких городов у нас до революции было 29, а к началу 1969 г. стало 208. По числу больших городов Со-

ветский Союз занимает первое место в мире, опередив США, которые несколько десятилетий назад опередили в этом отношении Великобританию.

Городов-миллионеров до революции у нас было только два — Москва и Петербург. В настоящее время таких городов 10. Наши города продолжают бурно расти. К 1980 г. более $\frac{2}{3}$ населения будут составлять горожане.

Неузнаваемо изменилась социальная структура населения нашей страны. До революции небольшая социальная верхушка присваивала подавляющую часть национального дохода и фактически распоряжалась судьбой всего народа, прозябавшего в темноте и невежестве.

Помещичья и капиталистическая верхушка в дореволюционной России, фактически управлявшая страной, составляла вместе с членами своих семей всего $\frac{1}{40}$ населения (табл. 6). На кулацкие слои приходилась $\frac{1}{5}$. Остальная масса населения была представлена бедняцко-середняцкими хозяйствами, пролетариями и ремесленниками города и села.

За истекшие полстолетия классовая структура населения значительно изменилась (табл. 7).

В 1928 г., в период завершения нэпа, колхозы были еще небольшими островками в общем море единоличных хозяйств; $\frac{1}{20}$ всего населения составляли возродившиеся кулаки, владельцы торговых и мелких промышленных предприятий.

В настоящее время социальная структура населения однородна; она включает рабочих, колхозников, интеллигенцию и служащих. Удельный вес рабочего класса непрерывно повышается. Если до революции рабочие составляли примерно $\frac{1}{7}$ всего экономически активного населения страны, а перед войной — более $\frac{1}{3}$ всего

Таблица 6*

Классовый состав населения России в 1913 г.

Классы и группы	Млн. чел.	%
Крупная буржуазия, помещики, высшие чины и пр.	4,1	2,5
Зажиточные мелкие хозяева	31,5	19,0
Беднейшие мелкие хозяева	42,0	25,3
Полупролетарии	55,6	33,6
Пролетарии	32,5	19,6
Всего	165,7	100,0

* Составлена на основе ленинских принципов группировки населения И. Ю. Писаревым. См. его книгу «Население и труд». М., 1936, стр. 33—34.

занятого населения, то в настоящее время удельный вес рабочего класса превысил уже половину всего числа трудящихся. Наряду с этим увеличивается удельный вес интеллигенции, что является закономерным результатом технического и культурного прогресса страны. Удельный вес колхозного крестьянства снижается в связи

Таблица 7

Динамика классового состава населения СССР (%)

Классы и группы	1913 г.*	1928 г.	1939 г.	1936 г.
Рабочие и служащие	17,0	17,6	50,2	75,4
Колхозное крестьянство и кооперированные кустари	—	2,9	47,2	24,6
Крестьяне-единоличники и не-кооперированные кустари	66,7	71,9	2,6	—
Буржуазия, помещики, торговцы и кулаки	16,3	4,6	—	—

* В границах до 17. IX 1939 г.

с ростом производительности труда в колхозах и преобразованием некоторого числа колхозов в совхозы.

До революции $\frac{3}{4}$ всех трудящихся были заняты в сельском хозяйстве и менее $\frac{1}{10}$ — в промышленности.

После революции резко увеличился удельный вес населения, занятого в промышленности. В результате капитальной реконструкции народного хозяйства возрос также удельный вес работников, занятых в строительстве, неуклонно растет число лиц, занятых в сфере обслуживания.

Одновременно удельный вес населения, занятого в сельском хозяйстве, сокращается.

Если до войны более половины всех трудящихся было занято в сельском хозяйстве, то в настоящее время — уже менее трети (табл. 8).

Важной характерной чертой в отраслевой структуре населения является увеличение удельного веса сферы обслуживания. Если в 1940 г. из каждых 100 занятых лишь около 12 чел. приходилось на сферу обслуживания, то в 1965 г. — уже 19 чел., т. е. в 1,5 раза больше. Удельный вес сферы обслуживания будет возрастать и далее. Этот процесс является вполне закономерным. Рост производительности труда в сфере материального производства позволит использовать часть людей для лучшего обслуживания населения.

До революции подавляющая часть населения, состоящая из крестьянства, можно сказать, не имела никакой профессии, каждый крестьянин был «и швец, и жнец, и на дуде игрец». Подобный уни-

Таблица 8

Отраслевая структура населения СССР (% к общему числу работников)

Отрасль	1940 г.	1966 г.	Отрасль	1940 г.	1966 г.
Промышленность	21	30	Просвещение	3,5	7
Строительство	2	6	Здравоохранение	2	4
Сельское и лесное хо- зяйство	54	31	Наука и искусство . . .	0,5	3
Транспорт	4,4	7	Госаппарат и аппарат общественных органи- заций	3	2
Связь	0,6	1	Жилищно-коммуналь- ное хозяйство	4	3
Торговля	5	6	Прочие отрасли		
Общественное питание } Заготовки, снабжение }					

версализм не мог выявить профессиональных склонностей крестьянства. Среди городского населения удельный вес разнорабочих, не имевших какой-либо квалификации, был также велик. Даже в 1926 г. из всей 82-миллионной массы экономически активного населения только 6,3 млн. чел. могло быть причислено к категории населения, имеющего занятие, которое требует определенных навыков или определенного образования.

Вместо прежнего крестьянина-универсала перепись 1959 г. зарегистрировала 353 тыс. комбайнеров, 2035 тыс. трактористов, 4134 тыс. животноводов и т. п. Удельный вес работников, обладающих квалификацией, в 1959 г. составил 73% от всех занятых вместо 8% в 1926 г. В настоящее время подавляющее большинство трудящихся имеет определенную профессию, что является серьезным фактором роста производительности труда, а также важным источником морального удовлетворения своей работой.

Особенно возросло число лиц, занимающихся интеллектуальным трудом (табл. 9).

К сожалению, невозможно сравнить нынешние показатели с данными 1917 г. из-за отсутствия переписи. К 1917 г. число учителей, инженеров и т. п., конечно, увеличилось, но не очень значительно. Так, например, к 1913 г. стало 28 тыс. врачей (включая зубных). Даже если предположить, что и число учителей и т. п. также возросло вдвое, то за истекшие 50 лет учителей стало больше в 15 раз, инженеров — более чем в 200 раз, ученых — в 25 раз, врачей — в 20 раз. Значительно менее возросло число юристов.

Наша страна обогатилась многомиллионными массами высококвалифицированных рабочих в промышленности и строительстве (табл. 10).

Наряду с ростом числа квалифицированных рабочих сокращается численность неквалифицированных работников. Так, напри-

Таблица 9

Рост численности работников интеллектуального труда (тыс. чел.)

Профессия	1897 г.	1966 г.
Учителя, преподаватели высших и средних учебных заведений	79	2530
Врачи (без военврачей)	14	578
Инженеры	4	1789
Ученые	3*	169**
Юристы	9	105

* Включая литераторов.

** Имеются в виду все лица с ученой степенью по данным на 1. I 1967 г.

Таблица 10

Численность рабочих промышленности (тыс. чел.)

Профессия	1948 г.	1965 г.
Машинисты, мотористы и их помощники	290	1242
Газосварщики, электросварщики . .	66	360
Наладчики, настройщики автоматов и станков	76	262
Станочники по металлу	505	1336
Электромонтеры	206	641
Шоферы	182	336

мер, число землекопов только за 6 лет (1959—1965 гг.) уменьшилось со 135 тыс. до 97 тыс., грузчиков, возчиков и т. п. — с 532 тыс. до 341 тыс., число забойщиков, крепильщиков, проходчиков — с 366 тыс. до 321 тыс. Тяжелый труд все больше заменяется механизированным. Дальнейшее развитие автоматизации и механизации приведет к постепенному стиранию различий между физическим и умственным трудом. Труд рабочего, стоящего за пультом управления и наблюдающего за показателями работы механизмов, по своему характеру гораздо ближе к труду инженера, чем, например, к труду шахтера, отбивающего уголь вручную.

До революции подавляющая часть населения была неграмотна. Даже многие квалифицированные рабочие не умели ни читать, ни писать. Например, в 1914 г. в Петербурге на заводе Розенкран-

ца (ныне «Красный Выборжец») из шести рабочих, подписавших протокол испытания подъемного крана, четыре вместо подписей поставили кресты⁵.

Единственная перепись населения, проведенная в 1897 г., свидетельствует о том, что грамотных среди сельского населения старше 10 лет было в среднем 23% (табл. 11). Это означает, что более

Таблица 11

Грамотность сельского населения России в 1897 г. (%)*

Возраст	Мужчины	Женщины	Оба пола	Возраст	Мужчины	Женщины	Оба пола
10—19	41,4	17,1	29,1	40—49	28,0	9,3	19,1
20—29	38,5	14,7	25,9	50—59	22,5	8,2	15,3
30—39	31,7	11,7	22,9	60 и старше	17,1	7,2	12,1

* «Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.» СПб., 1905.

³/₄ крестьян и крестьянок были неграмотными. В. И. Ленин писал, что «массы народа... были ограблены в смысле образования»⁶.

Сопоставление с данными 1917 г. можно осуществить лишь приближенно. По материалам земских подворных переписей, проведенных накануне первой мировой войны и охвативших 11 млн. сельского населения, лишь около 33% крестьян старше 9 лет было грамотны⁷.

Таблица 12

Изменение грамотности населения (возраст 9—49 лет)

Год	Мужчины	Женщины	Оба пола	Год	Мужчины	Женщины	Оба пола
1897	40,3	16,6	28,4	1939	93,5	81,6	87,4
1926	71,5	42,7	56,6	1959	99,3	97,8	98,5

Сдвиги в культурном уровне населения страны за последние полвека колоссальны. По переписи 1959 г. почти все население грамотно (табл. 12). Неграмотными остались преимущественно хронически больные (слепые, глухонемые и т. д.), а также некоторая часть очень пожилых людей.

⁵ См. «Неделя», 1967, № 6, стр. 3.

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 127.

⁷ В среднем по обследованным губерниям — 24,7%. Предполагая, что такой процент действителен для всего населения, умножаем на 1,33 (в соответствии с долей населения 0—8 лет).

В общем, Советский Союз уже задолго до своего 50-летнего юбилея практически стал страной всеобщей грамотности.

В уровне образования также произошли коренные изменения. В 1914/15 г. в общеобразовательных школах всех видов обучалось 9,7 млн. учащихся, а в 1966/67 г. — более 48 млн. Еще разительнее картина роста числа учащихся в средних специальных учебных заведениях и училищах. Если в 1914/15 г. в них училось 160 тыс. чел., то в 1966/67 г. — 6,0 млн., т. е. в 37 раз больше. Примерно во столько же раз увеличилось число студентов: со 127 тыс. в 1914/15 г. до 4,1 млн. в 1966/67 г. В настоящее время студентов почти столько же, сколько до революции было учащихся во всех четырех классах начальных школ министерства народного просвещения.

В десятки раз возросло число специалистов, занятых в различных отраслях народного хозяйства. Если в 1913 г. было 54 тыс. работающих со средним специальным образованием, то к концу 1966 г. — 7,7 млн. чел. Число специалистов с высшим образованием возросло со 136 тыс. в 1913 г. до 5,3 млн. к концу 1966 г. Ежегодно наше народное хозяйство пополняется более чем миллионом специалистов, вносящих свежую струю молодости и энтузиазма во все сферы материального производства и обслуживания.

Огромные изменения произошли в условиях воспроизводства населения. Для дореволюционной России были характерны высокая рождаемость и высокая смертность. Детей появлялось на свет много, но большинству из них предстояла лишь короткая жизнь.

Крестьянки рано выходили замуж и рожали столько детей, сколько допускала физиология женского организма. В среднем женщина рожала 6—8 детей. Коэффициент рождаемости равнялся 45,5%. Женщина в возрасте от 20 до 30 лет рожала каждые 2—3 года. Такой уровень рождаемости отражал общественное положение женщины в дореволюционной России. Как правило, женщина была неграмотна, не имела никаких общественных интересов, кругозор ее был узок.

Великая Октябрьская социалистическая революция внесла коренные изменения. Женщина получила свободный доступ к образованию, к знаниям, у нее появились широкие общественные интересы и стремления, она стала активным строителем нового общества. При таких условиях возникла практика «внутрисемейного планирования», «контроля над рождаемостью» или, лучше сказать, сознательного материнства и отцовства.

При социализме рождаемость должна неминуемо снижаться. Это предвидел еще А. Бебель: «В вопросе о населении в будущем обществе решающее значение приобретает более высокое, более свободное положение, которое тогда займут все наши женщины без исключения. У интеллигентных и энергичных женщин — об исключении не говорим — нет склонности давать жизнь большому чис-

лу детей по «божьей воле» и проводить лучшие годы своей жизни в состоянии беременности или с ребенком на груди»⁸.

Предсказания Бебеля оправдались. Коэффициент рождаемости в нашей стране по сравнению с дореволюционным временем упал. В 1968 г. он составил 17,2%. Правда, это в известной мере объясняется отдаленными последствиями войны: 1942—1944 гг. характеризуются низкой рождаемостью и последующие 20—25 лет — сокращением числа женщин, вступающих в брак и рождающих первого ребенка. Однако главная причина не в этом. Снижение рождаемости в нашей стране связано с изменением в социальном положении женщин.

Несмотря на значительное снижение рождаемости, расширенное воспроизводство населения в целом по Советскому Союзу обеспечено отчасти в результате огромного снижения детской смертности (табл. 13).

Таблица 13

Показатели воспроизводства населения в СССР
(на 1000 женщин) в 1964—1965 г.

Возраст	Родилось в течение 5 лет	В том числе девочек	Поправка на смертность женщин	Родилось девочек с учетом смертности
15—19	118,5	57,6	0,956	55,1
20—24	788,0	383,0	0,952	364,6
25—29	694,5	337,7	0,947	319,6
30—34	477,5	232,1	0,940	218,2
35—39	254,5	123,7	0,932	115,3
40—44	101,5	49,3	0,922	45,5
45—49	21,0	10,2	0,908	9,3
				1127,6

Каждая тысяча женщин в 1964—1965 гг. оставляла 1128 девочек в качестве своих «заместительниц». Следовательно, коэффициент чистого воспроизводства равняется 1,13, т. е. каждое данное поколение на 13% больше уходящего. Этот коэффициент в республиках Средней Азии, в Азербайджане и Армении значительно выше, в Прибалтийских республиках, на Украине и в ряде областей РСФСР ниже среднего уровня. В связи с этим возникает необходимость в принятии мер по повышению рождаемости в Европейской части Советского Союза.

⁸ А. Бебеля. Женщина и социализм. М., 1959, стр. 578.

По сравнению с дореволюционным уровнем средняя продолжительность жизни в СССР поднялась более чем в два раза (табл. 14).

Таблица 14

Средняя продолжительность жизни*

Год	Мужчины	Женщины	Оба пола
1896—1897	31	33	32
1926—1927	42	47	44
1954—1955	61	67	64
1964—1965	66	74	70

* См. «СССР в цифрах в 1967 году». М., 1968, стр. 147.

Особенно снизилась в Советском Союзе смертность грудных детей. Число детей, умерших на первом году жизни (из 1000 родившихся), в 1966 г. уменьшилось по сравнению с 1913 г. в 10 раз*.

1913	269	1960	35
1938	161	1965	27
1950	81	1966	26

* См. «СССР в цифрах в 1967 году», стр. 12.

Таким образом, приведенные в статье данные свидетельствуют о значительных структурных изменениях населения СССР, происшедших за 50 лет Советской власти. Эти изменения коснулись размещения населения по территории Советского Союза, распределения его в городах и сельской местности (характеризующего процесс урбанизации страны), социальной, отраслевой и профессиональной структуры населения, роста культуры народа и, наконец, характера воспроизводства населения.

ДИНАМИКА ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЗДОРОВЬЯ И СОСТОЯНИЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Б. Я. СМУЛЕВИЧ

В условиях социализма забота о здоровье населения — одна из основных задач государства.

Изучение заболеваемости в СССР проводится по материалам обращения людей за медицинской помощью, на основе активного выявления ранних форм заболеваний при массовых профилактических осмотрах и в процессе широкой диспансеризации населения.

Для определения здоровья населения и дифференцированного исследования влияния на здоровье социально-экономических и других факторов пользуются системой таких показателей, как физическое развитие, заболеваемость, временная и постоянная нетрудоспособность, смертность, включая и причины смерти.

Так, статистика причин смерти характеризует заболеваемость со стороны безвозвратных потерь. Но снижение смертности может быть следствием изменения летальности при неизменной или даже возросшей заболеваемости (например, туберкулезом), а также увеличения удельного веса болезней с низкой летальностью (психические болезни). Таким образом, показатель смертности не всегда указывает на уровень, структуру и динамику заболеваемости. Значительно полнее здоровье населения характеризуется данными статистики заболеваемости. Полнота, качество и дифференцированность учета заболеваемости определяются прежде всего развитием сети лечебно-профилактических учреждений, уровнем их специализации, а также уровнем культуры населения.

Для полной характеристики здоровья населения советская статистика применяет комплексный метод, т. е. использует всю систему показателей, учитывая, что роль каждого из них различна в условиях разных возрастов. Например, статистика физического развития имеет особое значение для молодого возраста, значение статистики заболеваемости возрастает в условиях низкой смертности и летальности и т. д.

Изучая влияние социальных факторов на здоровье, необходимо учитывать, что, как заметил норвежский психиатр Х. Аструп, в свя-

зи с прогрессом медицины соматические болезни не дают столь ясной картины значимости социальных условий для здоровья, как болезни психические. Значение отдельных болезней для социальной диагностики неодинаково¹.

Сопоставим некоторые показатели здоровья населения в настоящее время и до революции. Отсутствие государственной службы здравоохранения, недостаток врачей, больниц, низкая доступность медицинской помощи значительно ограничивали в ту пору выявление больных; учет заболеваемости осуществлялся всего лучше там, где была развита земская медицина. Среди земских врачей было немало людей прогрессивных. По типу воспроизводства населения (высокая рождаемость и высокая смертность) и по типу патологии (высокая инфекционная и эпидемическая заболеваемость) дореволюционная Россия сравнима с современными развивающимися странами.

В 1913 г. в России было зарегистрировано более 72 тыс. случаев заболеваний оспой, 184 тыс. — сыпным тифом, 324 — холерой и 535 — чумой, 1 млн. 200 тыс. — сифилисом (77 на 10 тыс. населения); число больных туберкулезом в крупных городах составляло 2,0—2,5%. 18% общего числа обратившихся за медицинской помощью в 1914 г. приходилось на болезни органов пищеварения, 16% — на заразные болезни, 11% — на болезни органов дыхания, 9% — на болезни кожи, 8% — на паразитарные болезни, 7% — на травмы и 31% — на другие заболевания. В 92 городах России, где имела врачевная регистрация смерти, 18% умерло от болезни органов пищеварения, 15% — от острых заразных болезней, 14% — от болезней органов дыхания и 12% — от туберкулеза².

Война, интервенция и разруха значительно ухудшили положение. Достаточно сказать, что на фронтах первой мировой войны

¹ Заболеваемость инфекционными (например, гнойными) болезнями кожи связана с санитарно-культурными условиями. Научно-методическое бюро санитарной статистики Министерства здравоохранения РСФСР, сообщив о сокращении этих заболеваний за 12 лет в 2,7 раза, объясняет это улучшением санитарных условий. В частности, в 1964 г. продано стиральных машин в 5 раз больше, а мыла туалетного — в 2,4 раза больше, чем в 1958 г. В результате снизилось число желудочно-кишечных заболеваний (в 3 раза), гельминтозов (в 4,2 раза) и т. п. Динамика острых инфекций верхних дыхательных путей зависит от контактирования различных групп населения: густоты пассажирских перевозок, числа детей, посещающих ясли, детсады, школы, числа посещений кино и театров (увеличилось в 1950—1965 гг. в 2,8 раза на одного жителя города и села) и т. д. Число зарегистрированных легких заболеваний растет в связи с возросшей доступностью медицинской помощи и повышением уровня культуры населения. Например, в г. Иванове в 1955 г. грипп и катар верхних дыхательных путей составляли 19,6%, т. е. почти 1/5 всех первичных обращений в поликлинику. См. В. К. Овчаров. Условия и тенденции заболеваемости и их связь с уровнем и динамикой смертности в СССР. — «Вопросы народонаселения и демографической статистики». М., 1966 стр. 76.

² См. В. К. Овчаров. Условия и тенденции заболеваемости..., стр. 70—71.

Россия потеряла 1200 тыс. убитыми, во время интервенции 1918—1922 гг. — более 600 тыс. убитыми³. Значительно увеличилось число людей, обращавшихся за медицинской помощью.

Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало созданию государственной системы охраны народного здоровья. В социалистическом обществе здравоохранение не ограничивается определенным ведомством, оно основывается не только на медицинских, но и на социально-экономических мероприятиях.

Социалистическое строительство представляет собой единый многогранный процесс, в котором планы развития народного хозяйства, здравоохранения, просвещения, социального обеспечения связаны в единое целое, целью которого является благо человека, а здоровье — важнейшим условием успеха. Вместе с тем забота о здоровье трудящихся, об их правильном трудоустройстве, об охране труда, о рациональном воспроизводстве населения, о подготовке смены и т. д. — это весьма важные факторы повышения производительности труда и роста благосостояния работников.

Уже первые декреты Советского правительства о мире, о земле, о восьмичасовом рабочем дне, о ликвидации неграмотности имели глубокую связь с делом улучшения здоровья народа.

Средняя продолжительность рабочего дня взрослых рабочих в промышленности уменьшилась с 9,9 часа в 1913 г. до 6,93 часа в 1963 г., с учетом же сокращения рабочего дня в предвыходные и предпраздничные дни и с учетом праздничных дней сверх обычных выходных — до 6,67 часа.

Реальные доходы рабочих и служащих (из расчета на одного работающего) увеличились в 1964 г. по сравнению с 1940 г. в 2,24 раза, а реальные доходы колхозников — в 3 раза. Заработная плата возросла намного больше, чем цены на товары и оплату услуг. Доля расходов на квартирную плату и коммунальные услуги, составлявшая до революции более 20% бюджета рабочих, а в ряде случаев $\frac{1}{3}$ заработка, теперь уменьшилась в 5—6 раз.

Рабочие СССР получают значительные суммы из общественных фондов в виде выплат по социальному страхованию, различных пособий, пенсий, стипендий, оплаты отпусков, бесплатного обучения, бесплатного медицинского обслуживания и т. д. Все выплаты и льготы, получаемые рабочими промышленности и строительства сверх индивидуальной заработной платы, увеличились в 1963 г. по сравнению с 1913 г. (в сопоставимых ценах) примерно в 25 раз⁴.

³ Б. Ц. Урланис. Войны и народонаселение Европы. М., 1960, стр. 100, 149, 181.

⁴ См. В. К. Овчаров. Условия и тенденции заболеваемости..., стр. 72—73.

Таблица 1

Показатели здравоохранения (конец года)*	1913	1940	1950	1965
Число врачей (без военнослужащих), тыс.	28,1	155,3	265,0	554,2
Средний медицинский персонал, тыс.	46	472	719	1692
Число врачей на 10 тыс. чел. населения	1,8	7,9	14,6	23,9
Больничные койки (без коек в госпиталях), тыс.	208	791	1011	2226
То же на 10 тыс. чел. населения	13	40	56	96
Расходы на здравоохранение и физкультуру, млрд. руб.	—	0,9	2,1	6,7

* «Народное хозяйство СССР в 1965 году». М., 1966, стр. 604.

Реальные доходы колхозников (денежные и натуральные) от общественного и личного хозяйства, включая средства, используемые на увеличение неделимых фондов и запасов колхозов, в 1963 г. возросли по сравнению с доходами трудящихся-крестьян дореволюционной России более чем в 7 раз. Выплаты и льготы колхозному крестьянству в СССР из общественных фондов, включая пенсии, пособия многодетным, расходы на бесплатное обучение, медицинское обслуживание и другие виды социально-культурного обслуживания, в 1963 г. сравнительно с 1913 г. увеличились из расчета на одного работающего (в сопоставимых ценах) примерно в 40 раз.

За годы Советской власти значительно улучшилось питание населения. Обследование бюджета семей рабочих текстильной промышленности в дореволюционный период и в 1962 г. показывает, что потребление мяса увеличилось в 2,5 раза, молока — в 4,5, рыбы — в 2,3, яиц — в 3,8, сахара — в 3 раза.

Повышение уровня здоровья населения связано с жилищным строительством, значительно опережавшим у нас рост населения. За годы Советской власти численность городского населения увеличилась в 4 раза, а жилищный фонд в городах — более чем в 6 раз (1128 млн. м² в 1963 г. против 180 млн. м² в 1913 г.).

Рост общей и санитарной культуры также явился важным условием укрепления здоровья населения. В стране ликвидирована неграмотность, прежде распространенная более чем среди $\frac{3}{4}$ населения. На каждую тысячу жителей 1. 1 1965 г. приходился 81 чел. с высшим, незаконченным высшим и средним специальным образованием, тогда как в 1913 г. — лишь 2 чел. с образованием⁵.

О мероприятиях, относящихся непосредственно к охране здоровья, говорит динамика показателей здравоохранения (табл. 1).

⁵ Там же, стр. 74—75.

Таблица 2

Заболевание (на 10 тыс. чел.)	1913 г.	1928 г.	Заболевание (на 10 тыс. чел.)	1913 г.	1928 г.
Тиф сыпной	8,1	2,1	Дизентерия	34,9	9,6
» возвратный	2,2	0,3	Малярия	216,6	232,3
» брюшной и паратиф	27,5	7,5	Дифтерия	34,4	5,6
			Скарлатина	31,0	23,0

Показательны в этом отношении и данные о заболеваемости острыми инфекционными болезнями в дореволюционной России и в СССР (табл. 2).

Вскоре после революции были ликвидированы оспа, холера, чума; большие успехи были достигнуты в борьбе с паразитарными болезнями.

В Москве, где велся наиболее полный учет, заболеваемость сифилисом снизилась с 206 (на 10 тыс. жителей) в 1913 г. до 84 в 1926 г. и 22 в 1932 г. Заболеваемость туберкулезом с временной утратой трудоспособности уменьшилась с 8,9 случая (на 100 работающих) в 1925 г. (по 19 отраслям промышленности) до 2,3 в 1931 г. Смертность от туберкулеза в Москве упала с 236 на 100 тыс. населения в 1915 г. до 147 в 1931 г.

В 30-х годах в Советском Союзе были успешно решены основные научные и организационные проблемы борьбы с малярией. Если в 1934 г. в СССР было зарегистрировано более 9,5 млн. случаев этого заболевания, а в 1940 г. — 3,2 млн., то в 1950 г. их насчитывалось лишь 761 тыс., в 1955 г. — 36 тыс., а с 1960 г. регистрировались лишь единичные случаи⁶.

В дореволюционной деревне, с ее низким жизненным уровнем, примитивным бытом, низкой культурой населения, была широко распространена трахома. Даже по официальным (неполным) данным за 10 лет (с 1904 по 1913 гг.) число заболевших трахомой повысилось на 60%, составив в 1913 г. — 63,3 случая на 10 тыс. чел. населения. В некоторых районах, например в Нижегородской губ., 77 % татарского и 39 % мордовского населения было поражено трахомой. Теперь она практически ликвидирована. В Белорусской ССР в 1961 г. со свежими формами трахомы I и II степени было зарегистрировано 11 больных, в Коми АССР — 4, в Мордовской АССР — 4, в Красноярском крае — 2, в Горьковской обл. — 4 и т. д. За советский период в Чувашии сократилось число трахоматозных больных на 61%, в Татарии — 89%, в Калмыкии — 75 % и т. д. Число признанных негодными к действительной служ-

бе из-за трахомы среди призывавшихся в 1935 г. почти в 10 раз ниже, чем в 1913 г.: на 1000 чел. в Горьковской (б. Нижегородской) обл. в 1913 г. — 30,17, в 1935 г. — 0,25; в Татарии в 1913 г. — 21,70, в 1935 г. — 7,25⁷.

Еще в 1927 г. не имелось области, в которой не были бы обнаружены больные трахомой не только среди сельской, но и среди городской молодежи. А уже в 1935 г. не оказалось ни одного трахоматозного среди призываемых молодых рабочих в 11 областях и республиках, по которым имелись материалы.

Другая болезнь нищеты и бескультурья — чесотка; даже по заниженным данным официальной статистики, зарегистрированные в 1913 г. больные чесоткой составляли 3,4 % всего населения (336,8 на 10 тыс. населения).

В советский период повышение материального уровня жизни и улучшение санитарно-бытовых условий привели к сокращению кожных заболеваний — и чесотки в первую очередь. Так, в Татарской АССР число заболеваний чесоткой сократилось в 1933 г. по сравнению с 1913 г. в 23 раза, или на 95,6 %.

Призывники, страдающие грыжей в такой тяжелой форме, при которой они признавались негодными к военной службе, составляли от 0,5 до 1,5 %. Всего же больных грыжей среди рабочих и крестьянской молодежи призывного возраста в царской России было в 9—10 раз больше, чем после революции. Уже в период реконструкции число больных грыжей среди рабочих и крестьянской молодежи сократилось по сравнению с 1913 г. по отдельным районам на 80—96 %. Если в 1927 г. страдающих грыжей было в селе в несколько раз больше, чем в городе, то к 1935 г. эти различия ослабли, а в некоторых районах почти сгладились.

Вторая мировая война нанесла большой вред здоровью трудящихся и прежде всего детей.

За время оккупации, например, Воронежской обл. никакой профилактической работы по борьбе с детскими инфекциями не велось. Предохранительные прививки против дифтерии не проводились, в результате чего в 1943 г. заболеваний дифтерией наблюдалось в 2,5 раза больше, чем в 1940 г.

Разрушение водопроводной и канализационной сети, большая скученность, отсутствие бань, мыла, недостаток белья, а часто и воды во время войны способствовали распространению инфекционных заболеваний, особенно сыпного тифа, который к тому же искусственно распространялся гитлеровцами. Только по Воронежской обл. было разрушено 68 больниц на 4200 коек, 67 амбулаторий и поликлиник, 12 родильных домов, 90 постоянных яслей на 4584 места. Всего фашисты разрушили и разграбили 6 тыс. больниц,

⁶ См. В. К. Овчаров. Условия и тенденции заболеваемости..., стр. 72.

⁷ А. Б. Шевелев. Сдвиги в здоровье трудящихся в СССР. — «Здоровье и здравоохранение трудящихся СССР». М., 1936, стр. 31.

33 тыс. поликлиник, диспансеров и амбулаторий, 976 санаториев и 656 домов отдыха⁸.

После войны советский народ восстановил разрушенное. Общая смертность городского населения СССР снизилась в 1964 г. по сравнению с 1940 г. в 2,9 раза, а смертность от болезней органов пищеварения — почти в 14 раз, от инфекционных болезней — в 17 раз, в частности от скарлатины — в 220 раз, дифтерии — в 224 раза и кори — в 139 раз, коклюша — в 188 раз⁹. Это результат снижения заболеваемости и летальности, т. е. общих и медицинских мероприятий.

Изменилась динамика общих демографических показателей (табл. 3).

Таблица 3

Год	На 1000 чел. населения			Умерло в возрасте до года (на 1000 родившихся)	Год	На 1000 чел. населения			Умерло в возрасте до года (на 1000 родившихся)
	родилось	умерло	прирост			родилось	умерло	прирост	
1913*	47,0	30,2	16,8	273	1950	26,7	9,7	17,0	81
1926**	44,0	20,3	23,7	174	1964	19,6	6,9	12,7	29
1940	31,2	18,0	13,2	182	1965	18,4	7,3	11,1	27

* В границах СССР до 17. IX 1939 г.

** В современных границах СССР.

Приведем данные по ранней детской смертности, уровень которой весьма чувствителен к социальным условиям (уровень культуры, условия беременности, родовспоможения и т. п.): в Москве в 1957 г. на 1000 родившихся приходилось 10 случаев ранней детской смертности в семьях и 10 — служащих¹⁰.

Средняя продолжительность жизни в СССР повысилась по сравнению с дореволюционным периодом (табл. 4).

За годы Советской власти ликвидировано отставание национальных районов — бывших царских колоний. В среднеазиатских республиках население до революции было почти лишено медицинской помощи, например в Туркмении в 1913 г. на 1042 тыс. жителей приходилось всего 70 врачей, т. е. один врач обслуживал более 10 тыс., тогда как по стране врачей в среднем на 10 тыс. было 1,8. В 1965 г. на 10 тыс. приходилось врачей: по СССР — 23,9, по Туркменской ССР — 21,2. Если число врачей по стране вырос-

⁸ См. «Санитарные последствия войны и мероприятия по их ликвидации». М., 1947, стр. 23.

⁹ Л. А. Брушлинская. Значение статистики заболеваемости в оценке здоровья населения. — «Вопросы народонаселения и демографической статистики». М., 1966, стр. 89.

¹⁰ См. Р. Б. Коган. Ранняя детская смертность в Москве. — «Вопросы охраны материнства и детства», 1961, № 10.

Таблица 4

Год	В среднем	Мужчины	Женщины	Год	В среднем	Мужчины	Женщины
1896—1897*	32	31	33	1958—1959	69	64	72
1926—1927**	44	42	47	1964—1965	70	66	74
1955—1956	67	63	69				

* По 50 губерниям Европейской России.

** По Европейской части СССР.

ло к 1965 г. по сравнению с 1940 г. в 3 раза, то в Казахской ССР — в 4, а в Киргизской ССР — в 5 раз.

В дореволюционной России существовали лишь губернские санитарные бюро и в некоторых городах — санитарные врачи, выполнявшие карантинные функции; санитарно-гигиенические лаборатории исчислялись единицами.

В СССР основана единая государственная санитарная организация, создан ряд научно-исследовательских институтов для разработки научных основ санитарного и эпидемиологического законодательства, приняты законодательные акты о борьбе с эпидемиями, об обязательном санитарном контроле за водоснабжением, канализацией, ассенизацией, об охране зеленых насаждений, о санитарной охране жилищ и др.

В 1935 г. была образована Всесоюзная государственная санитарная инспекция, что способствовало усилению санитарного контроля над всеми отраслями народного хозяйства. Постепенно сложился наиболее рациональный тип комплексного учреждения — санитарно-эпидемиологическая станция.

В СССР насчитывалось в 1940 г. 1943 санитарно-эпидемиологические станции, в 1950 г. — 5756, а в 1960 г. — 4843 (укрупненных). Увеличилось число врачей санитарно-противоэпидемической группы: в 1940 г. — 12,5 тыс., в 1965 г. — 36,3 тыс.

Санитарное просвещение, привитие гигиенических навыков, борьба с суевериями и вредными привычками — составная часть работы всего медицинского персонала. Методическое руководство санитарным просвещением осуществляют Институт и дома санитарного просвещения. Число домов санитарного просвещения в СССР возросло с 2 в 1920 г. до 212 в 1940 и до 343 в 1961 г.¹¹

В настоящее время в стране насчитывается около 1500 университетов здоровья и свыше 200 факультетов здоровья при народных университетах культуры. Для пропаганды медицинских знаний широко используются также радио, кино, телевидение и печать. Тираж журнала «Здоровье» увеличился с 50 тыс. экз. в 1955 г. до 800 тыс. в 1961 и 8 млн. в 1967 г.

¹¹ БМЭ, т. 30, стр. 1134.

До революции в России имелось лишь 36 курортов и 60 санаториев на 3 тыс. мест. Курортное лечение было недоступно массам трудящихся. После революции курорты были национализированы и переданы трудящимся. Число санаториев в СССР непрерывно растет (табл. 5).

Таблица 5

Показатели, *	1913 г.	1939 г.	1950 г.	1965 г.
Санатории круглосуточные	60	1838	2070	2175
В них коек, тыс.	3	240	255	394
В том числе санатории детские . .	14	957	1027	1146
В них коек, тыс.	~0,3	95	95	135
Санатории-профилактории	—	328	679	1398
В них коек, тыс.	—	15	23	70
Дома отдыха (без однодневных) . .	—	1270	891	806
В них коек, тыс.	—	195	128	206
Пансионаты, тыс.	—	—	—	138
В них коек, тыс.	—	—	—	37

* «Народное хозяйство СССР в 1965 году», стр. 606; БМЭ, т. 30, стр. 1113—1114.

В царской России насчитывалось всего 9 женских и детских консультаций и 550 мест в яслях; в крупных городах существовало несколько детских больниц, часть которых содержалась на средства филантропических организаций; для нужд беременных женщин и рожениц было всего 7,5 тыс. коек. Акушерскую помощь при родах оказывали частнопрактикующие акушерки и повитухи.

На территории нынешних Узбекской, Киргизской, Казахской и Туркменской ССР имелось лишь 116 коек для рожениц. Только 5,2% беременных получали в дореволюционное время медицинскую помощь при родах.

31. I 1918 г., т. е. в первые же месяцы своего существования, Советское правительство издало декрет об охране материнства и детства. Запрещалось использовать женщин на тяжелых работах, отказывать в приеме на работу, увольнять или снижать зарплату из-за беременности или кормления ребенка грудью, привлекать беременных женщин и кормящих матерей к сверхурочным и ночным работам; были установлены обязательный оплачиваемый отпуск до и после родов — 112 дней (при нормальных родах), дополнительные перерывы через каждые 3,5 часа для кормления ребенка и т. д. Начали осуществляться мероприятия по борьбе с преждевременными родами. Для оздоровления была организована

обширная сеть кабинетов гигиены и физического развития девочек.

Большое внимание уделяется в СССР новорожденным. После выписки из родильных стационаров, где для новорожденных созданы специальные отделения, дети поступают под наблюдение детских поликлиник-консультаций.

Охрана материнства и детства начинается с антенатальной охраны плода. Антенатальной профилактикой занимаются женские консультации, которые наблюдают за здоровьем всех беременных, начиная с ранних сроков беременности (до 3 мес.), и проводят лабораторные исследования (анализ мочи, крови, рентгеноскопия грудной клетки, исследование крови на токсоплазмоз, листериоз, резуспринадлежность и др.). Широко применяется патронажное обслуживание беременных на дому.

При женских консультациях созданы так называемые школы матерей, где женщины изучают режим, который необходимо соблюдать во время беременности и родов, а также обучаются уходу за новорожденным. Совместно с работниками здравпунктов или с сотрудниками медико-санитарных частей промышленных предприятий эти школы разрабатывают планы санитарно-гигиенических и оздоровительных мероприятий и следят за их выполнением. Перевод женщин на более легкую работу, правильную расстановку их на работе врачи проводят совместно с руководителями предприятий и профсоюзными организациями, при широкой помощи общественного актива. На предприятиях, где работает свыше 500 женщин, созданы специально оборудованные «комнаты личной гигиены», которые обслуживаются медсестрой. Систематическое наблюдение за здоровьем женщин позволяет предупредить заболевания, способствует нормальному течению беременности и рождению здорового ребенка. Все беременные рожают в условиях стационара.

Детские консультации работают в тесной связи с женскими консультациями. На последнем месяце беременности женщину на дому посещают участковый врач-педиатр и патронажная сестра; они знакомятся с будущей матерью, с условиями ее жизни, дают необходимые советы. Работники консультации, получив извещение из родильного дома о выписке роженицы, идут к ней и устанавливают постоянное наблюдение за здоровьем ребенка. Участковые педиатры и сестры обеспечивают проведение профилактических прививок детям против оспы, дифтерии, туберкулеза, коклюша, полиомиелита, кори. Совместно с педиатрами работают врачи других специальностей: стоматологи, отоларингологи, офтальмологи, дерматологи, хирурги, рентгенологи.

Рост медперсонала и числа учреждений по охране материнства и детства в СССР показан в табл. 6.

Особое значение придается окончательному искоренению венерических болезней.

Таблица 6

Показатели, тыс. *	1913 г.	1940 г.	1950 г.	1965 г.
Акушеры-гинекологи	—	10,6	16,6	35,4
Педиатры	—	19,4	32,1	71,7
Фельдшерицы и акушерки	—	12,8	42,0	79,3
Акушерки	—	68,1	66,5	171,4
Женские консультации, детские консультации и поликлиники	0,009	8,6	12,0	19,3
Койки для беременных и рожениц	7,5	147,0	143,0	227,0
Койки для больных детей:				
туберкулезных	—	5,3	10,2	29,2
инфекционных	—	31,9	43,8	75,8
неинфекционных	—	52,5	79,1	247,8
Число детей в постоянных садах, яслях и яслях-садах	4,55	1953	1788	7673

* «Народное хозяйство СССР в 1965 г.», стр. 605, 745, 746, 750.

В дореволюционной России в 1913 г. в городах было зарегистрировано на каждые 100 тыс. населения 1803 случая сифилиса всех форм и 1262 случая гонорреи. Но поскольку существовало всего 12 кожно-венерических амбулаторий, учет венерических заболеваний, видимо, очень мало отражал действительную картину, особенно на селе. В ряде районов был широко распространен «бытовой» сифилис.

В СССР борьба с венерическими и кожными заболеваниями осуществляется специальными диспансерами и кабинетами. Число коек в них и врачей-дерматовенерологов изменилось с 1940 г. следующим образом (тыс.) *:

	1940 г.	1950 г.	1965 г.
Койки для кожно-венерических больных	15,4	30,0	36,0
Врачи-дерматовенерологи	4,8	9,2	10,3

* «Народное хозяйство СССР в 1965 г.», стр. 745, 750.

Среди явившихся к призыву в Красную Армию в 1935 г. из 28 областей только в 4 оказались больные сифилисом; число больных среди сельской молодежи снизилось на 40—80% по сравнению с 1927 г.

Вторая мировая война привела к резкому повышению числа венерических заболеваний, главным образом на оккупированной территории, из-за высокой пораженности ими солдат германской армии, злонамеренного распространения болезней среди местного населения, террора в отношении больных. В Киеве за первый квар-

тал 1941 г. было зарегистрировано 7 случаев свежего сифилиса, а за 1942 г. — 167 (по неполным данным). Число заболеваний острой формой гонорреи составило 209 за первый квартал 1942 г. и 1277 за весь год. В Одессе при вполне точной регистрации было учтено в 1940 г. 84 случая свежего сифилиса, а в 1942 г., по неполным данным, — 878 случаев. По данным Полтавской больницы, 89,3% находившихся на излечении больных женщин заразились от немецких солдат и офицеров, а 6,9% — от полицейских, жандармов и т. д.¹²

После второй мировой войны борьба с венерическими болезнями продолжалась. Об этом можно судить по изменению числа больных с впервые установленным диагнозом (на 100 тыс. чел. населения) *:

Год	Активный сифилис	Острая гоноррея
1950	24,7	81,6
1955	5,6	71,4
1961	1,5	55,4

* БМЭ. т. 30, стр. 1110.

В период 1950—1961 гг. заболеваемость активными формами сифилиса снизилась почти в 17 раз. В 52 областях, краях и автономных республиках в 1961 г. было выявлено 1—3 случая свежего сифилиса, а в 33 — ни одного. Для выявления больных венерическими болезнями проводятся профилактические медицинские осмотры, например в 1964 г. осмотрено 6,4 млн. чел.

Еще более ощутимых успехов добились советские врачи в борьбе с туберкулезом.

В 1914 г. существовало всего 43 туберкулезных диспансера, из них 36 — на территории современной РСФСР, 5 — УССР, 2 — БССР¹³. Судить о заболеваемости туберкулезом можно было лишь на основании данных о призывниках, среди которых больных оказывалось от 5 до 10%. В 1913 г. на 1000 призываемых было признано негодными по туберкулезу легких от 4,05 (на территории Северного Кавказа) до 18,98 (на территории нынешней Калининской обл.). Первая мировая война еще более ухудшила положение. Так, по данным С. А. Новосельского, на 10 000 жителей г. Вильно умерло от туберкулеза легких в 1909—1913 гг. 164, а в 1917 г. (немецкая оккупация) — 1266 чел., т. е. почти в 8 раз больше¹⁴.

Борьба с туберкулезом в государственном масштабе, улучшение условий труда и быта привели уже в годы первых пятилеток к значительному снижению заболеваемости. Так, несмотря на более строгий отбор, в 1935 г. больных туберкулезом, признанных

¹² «Санитарные последствия войны...», стр. 167—174.

¹³ См. А. Б. Шевелев. Сдвиги в здоровье трудящихся в СССР, стр. 49.

¹⁴ «Вопросы демографической и санитарной статистики». М., 1938, стр. 189.

негодными к военной службе, оказалось по большинству районов в 10—20 раз меньше, чем в 1913 г. В Северокавказском крае, например, их оказалось 0,38, а в Калининской обл.—0,70 на 1000 чел.¹⁵

О больших усилиях по борьбе с туберкулезом после второй мировой войны говорит быстрый рост числа коек для больных туберкулезом: с 84,0 тыс. в 1940 г. и 85,5 тыс. в 1950 г. до 259,2 тыс. в 1965 г., т. е. в 7,6 раза. Число врачей в эти же годы с 3,9 тыс. и 9,4 тыс. выросло до 21 тыс., т. е. в 5,6 раза¹⁶.

В СССР имеется 19 научно-исследовательских институтов туберкулеза. Борьба с туберкулезом продолжается. В частности, с каждым годом расширяется противотуберкулезная вакцинация детей и подростков (тыс.) *:

1940	816	1960	15 203
1950	3021	1961	16 734
1955	5261		

* БМЭ, т. 30, стр. 1102.

В связи с затуханием туберкулезного процесса было переведено из группы с активной формой болезни в группу с неактивными формами в 1955 г. 9,6% взрослых больных, 20% подростков и 28,5% детей, в 1961 г.—12,9% взрослых больных, 27,1% подростков и 37,8% детей.

Значительно снизилась заболеваемость среди детей, как показали медицинские осмотры поступающих в первый класс городских школ *:

	1955 г.	1960 г.	1961 г.
Всего осмотрено, тыс.	1157	1692	1803
Из них больных (на 1000 чел.):			
туберкулезной интоксикацией	7,0	3,3	2,8
локальными формами туберкулеза . .	7,5	2,8	2,6

* БМЭ, т. 30, стр. 1103.

Резко снизилась заболеваемость туберкулезом и смертность от него среди городского населения (показатели 1950 г. = 100) *:

Год	Заболеваемость	Смертность
1955	65,5	37,6
1960	49,0	25,0
1961	47,2	22,8

* БМЭ, т. 30, стр. 1103.

Одной из важнейших проблем здравоохранения являются профилактика и лечение сердечно-сосудистых заболеваний, особенно

в настоящее время. В связи со снижением рождаемости и сокращением смертности населения повышается доля лиц пожилого возраста, страдающих этими болезнями. Наиболее распространена гипертония.

После Великой Отечественной войны в СССР был разработан комплекс лечебно-профилактических мероприятий, включающих трудоустройство больных гипертонией, а также регулирование их режима, включая применение разнообразной терапии. Хороший эффект дает лечение в профилакториях в течение 1—2 мес. без отрыва от производства.

По данным 42 городов РСФСР, в 1958 г. атеросклероз занимал второе место (после гипертонической болезни) среди сердечно-сосудистых заболеваний, выявленных у обратившихся в лечебно-профилактические учреждения. Для профилактики и лечения атеросклероза применяется рациональное питание и т. п.

В целях улучшения экстренной терапевтической помощи и лечения больных инфарктом миокарда на станциях «Скорой помощи» создаются специальные бригады, автомобильные парки станций комплектуются специально оборудованными машинами.

Основной организационной формой работы по профилактике заболеваний сердца и сосудов является диспансерное обслуживание — раннее выявление больных на профилактических осмотрах, динамическое наблюдение за ними, своевременное проведение необходимых профилактических и лечебных мероприятий, а также достаточное по срокам стационарное лечение в больницах и санаторно-курортных учреждениях.

В борьбе с сердечно-сосудистыми заболеваниями важное значение имеет улучшение условий труда и быта (рациональное использование трудовых ресурсов, подходящий выбор профессии, ее перемена по указанию врача в нужный момент), гигиена населенных мест (озеленение, снижение вредно влияющего шума, очистка воздуха от дыма и выхлопных газов и т. д.), а также рациональная организация отдыха и питания на гигиенической основе, физическое воспитание, занятия спортом.

Комплексная терапия ревматизма включает санаторно-курортное и стационарное лечение, а также диспансерное наблюдение. Разработана система борьбы с детским ревматизмом. Эти задачи выполняет сеть детских антиревматических кабинетов, которые руководят выявлением, учетом, диспансеризацией и лечением больных. Важно правильно организовать этапное лечение заболевшего ревматизмом ребенка. В острый период заболевания он находится в течение 1,5—2 мес. на больничной койке, затем его переводят в детский санаторий на 4 мес., где дети не только лечатся, но и занимаются в школе. После выписки дети вновь поступают под наблюдение антиревматического кабинета.

О динамике впервые диагностированных сердечно-сосудистых и ревматических заболеваний в городах РСФСР (показатели

¹⁵ А. Б. Шевелев. Сдвиги в здоровье трудящихся в СССР, стр. 27—28.

¹⁶ «Народное хозяйство СССР в 1965 году», стр. 745, 750.

1955 г. = 100) говорят следующие данные (на 1000 чел. населения) *:

	1956 г.	1957 г.	1958 г.	1959 г.	1960 г.
Сосудистые поражения мозга	109	109	109	113	117
Атеросклероз сердца (включая грудную жабу и инфаркт миокарда)	109	107	110	107	116
Гипертония	108	93	108	98	94
Ревматизм	96	79	79	71	67
В среднем	107	99	102	96	96

* БМЭ, т. 29, стр. 833—834.

Борьба со злокачественными опухолями — одна из труднейших задач современной медицины. В СССР в 1962 г. было 19 научно-исследовательских онкологических институтов, 253 диспансеров и 1930 диспансерных отделений и кабинетов в больницах и поликлиниках. Совет Министров СССР принял в 1959 г. специальное постановление «Об усилении научных исследований по раку». О быстрых темпах роста сети онкологических учреждений можно судить по увеличению числа коек для онкологических больных: в 1940 г. — 1,7 тыс., в 1950 — 12,2 тыс., в 1960 — 24,2 тыс., в 1965 г. — 34,5 тыс., т. е. за 25 лет число коек возросло в 23 раза.

Смертность горожан от злокачественных новообразований повысилась у мужчин с 79,6 (на 100 тыс.) в 1940 г. до 124,5 в 1960 г. и у женщин с 79,7 до 119,6. Показатели смертности с поправкой на постарение показывают увеличение смертности у мужчин на 29%, а у женщин на 7,9% в основном от злокачественных новообразований органов дыхания.

С целью раннего выявления заболеваемости проводятся массовые профилактические осмотры населения пожилого и среднего возраста. В 1961 г. было осмотрено 38 млн. чел., в результате чего было выявлено 39 тыс. новых больных злокачественными опухолями и 373 тыс. больных, страдающих предраковыми заболеваниями.

Чтобы определить, как влияют социальные факторы на здоровье, особенно важно изучить динамику психических заболеваний.

Следует заметить, что условия крупнейших городов отнюдь не являются наиболее благоприятными для нервно-психических заболеваний. По данным психоневрологических диспансеров Москвы, где учет поставлен лучше, число впервые выявленных психических заболеваний было следующим *:

	1940 г.	1959 г.
Всего	54,39	33,95
В том числе:		
шизофрения	5,5	3,27
эпилепсия	3,5	1,14
психозы предстарческий и старческий . . .	1,2	1,14
» инфекционные и вирусные	0,8	0,22

	1940 г.	1959 г.
сифилис мозга	0,6	0,12
наркомания	0,9	0,1
орган. поражения центр. нервн. системы .	3,6	1,5
олигофрения	1,1	0,82
невроты и реактивные состояния	16,4	6,34

* БМЭ, т. 30, стр. 1111.

Таким образом, заболеваемость психическими болезнями в СССР сравнительно невелика, и по большинству нозологических форм заболеваний имеется тенденция к снижению. Это определяется улучшением общих социальных условий в стране, ростом экономики и культуры, отсутствием безработицы, нищенства, проституции, уверенностью советских людей в будущем, отсутствием озбоченности и тревоги, ликвидацией или резким снижением ряда инфекций (сифилис, малярия и др.), гигиеной труда и отдыха.

Выступая против ученых, утверждающих, что рост нервно-психических заболеваний — неотъемлемый спутник современной цивилизации, Х. Аструп приводит пример СССР. Он пишет, что вместе с социалистическим способом производства меняется не только экономическая основа, но и вся структура общества и сами люди¹⁷. Иными словами, принцип «человек человеку — волк» заменяется принципом содружества, конкуренция — взаимопомощью, чувством коллективизма, уверенностью в завтрашнем дне, т. е. создаются важнейшие факторы для психического здоровья.

В борьбе за снижение психической заболеваемости большую роль играет система здравоохранения *.

	1940 г.	1950 г.	1955 г.	1960 г.	1961 г.**	Прирост, %
Психоневрологические диспансеры	50	71	111	157	167	293
Койки для психически больных, тыс.	82,9	70,9	106,2	162,2	175,0	212
Число врачей-психиатров	2408	3119	4783	6389	7063	295

* БМЭ, т. 30, стр. 1111 — 1112.

** Данные 1961 г. в % к 1940 г.

Летальность в психоневрологических стационарах, определяемая отношением числа умерших к числу лечившихся, в 1961 г. составляла 1,43% против 2,15% в 1955 г., 7,0% в 1928 и 9,4% в 1913 г.

В конце приведем показатели физического развития. Они являются тоже характеристикой санитарного состояния населения,

¹⁷ Ch. Astrup. Nervöse Erkrankungen und soziale Verhältnisse. Berlin, 1958.

их динамика за определенный период представляет в известной степени итог изменений заболеваемости, нетрудоспособности и т. д.

Разумеется, следует учитывать, что не все заболевания и не в одинаковой степени оказывают влияние на физическое развитие.

Изучение физического развития в дореволюционные годы проводилось только по немногим губерниям и носило случайный характер. Поэтому и сопоставление здесь возможно только по очень ограниченному числу районов.

По сравнению с имеющимися данными уже в начале восстановительного периода можно отметить некоторое улучшение физического развития. Этот процесс усилился в годы социалистической реконструкции. Материалы Центрального управления народнохозяйственного учета (ЦУНХУ) по динамике физического развития призываемых на военную службу показали, что молодые рабочие основных промышленных районов и молодые крестьяне из национальных республик уже в начале второй пятилетки имели в среднем больший вес, чем их сверстники в начале реконструктивного периода.

Так, например, крестьянские юноши призыва 1935 г. по большинству областей весили на 1,5—2,0 кг больше и имели на 1—2 см больше окружность груди, чем призывники 1927 г.

Общее улучшение физического развития выражается не только в повышении среднего веса и объема груди, но и в увеличении числа физически развитых людей. Наиболее красноречивы в этом отношении данные о физическом состоянии призывников, которые были признаны негодными в связи со слабым физическим развитием (на 1000 призываемых) (табл. 7).

Уже в годы первых пятилеток наблюдается, таким образом, уменьшение числа лиц со слабым физическим развитием.

Война нанесла удар по здоровью и физическому развитию населения. Тяжелые лишения не могли пройти бесследно для дет-

Таблица 7*

Края и области РСФСР	1913 г.	1935 г.	Края и области РСФСР, республики СССР	1913 г.	1935 г.
Азово-Черноморский край	15,5	0,46	Московская обл.	29,64	0,86
Западно-Сибирский край	2,76	0,44	Саратовская »	20,93	0,36
Северокавказский край	7,15	0,51	Татарская АССР	23,54	1,77
Воронежская обл.	16,96	0,84	Белорусская ССР	19,30	1,37
Горьковская »	9,41	1,24	Азербайджанская ССР	9,02	0,40
Ивановская »	13,79	0,84	Грузинская »	12,23	0,54
			Армянская »	19,60	1,21
			Казахская »	6,92	0,58

* А. Б. Шевелев. Сдвиги в здоровье трудящихся в СССР, стр. 22.

Таблица 8*

Год	Рост, см		Вес, кг		Окружность груди, см	
	мальчики	девочки	мальчики	девочки	мальчики	девочки
1926—1927	72,5	71,0	9,430	8,800	46,9	46,1
1937	74,4	72,8	9,813	9,121	43,8	45,5
1946	75,3	74,0	10,500	10,074	48,9	47,7
Прирост**	101	104	111	114	101	103

* БМЭ, т. 30, стр. 1039.

** Данные 1956 г. в % к 1923—1927 гг.

ского организма, естественный процесс его развития был нарушен, особенно у детей младшего возраста. Так, по данным Института педиатрии, число 6—12-месячных детей, отстающих в росте, увеличилось к концу войны до 33%, отстающих в весе — до 21%. В возрасте 1—2 лет отмечено отставание в росте у 21% и в весе у 29% детей¹⁸. Наблюдавшееся у школьников в довоенные годы постоянное улучшение физического развития сменилось заметным

Таблица 9*

Показатели	Возраст, лет	1930 г.	1957—1958 гг.	Прирост, %	Показатели	Возраст, лет	1930 г.	1957—1958 гг.	Прирост, %
Мальчики					Девочки				
Рост, см	4	98,1	100,4	102,3	Рост, см	4	97,6	98,5	100,9
	5	105,1	107,4	102,2		5	103,1	106,8	103,6
	6	110,1	113,5	103,1		6	103,6	112,4	102,6
	7	115,8	117,1	101,1		7	114,1	117,9	103,3
Вес, кг	4	14,6	16,4	112,3	Вес, кг	4	13,8	15,7	113,8
	5	15,5	18,3	118,1		5	14,8	17,9	120,9
	6	17,5	20,2	115,4		6	16,2	19,3	119,1
	7	19,1	21,3	111,5		7	18,7	21,4	114,4
Окружность груди, см	4	52,6	56,4	107,2	Окружность груди, см	4	50,6	54,9	108,6
	5	53,2	58,7	110,3		5	51,4	57,5	111,9
	6	55,1	60,4	109,6		6	52,9	58,0	109,6
	7	56,3	61,6	109,4		7	54,8	60,2	109,9

* БМЭ, т. 30, стр. 100.

¹⁸ «Санитарные последствия войны», стр. 134.

ухудшением. В годы войны среди детей чаще наблюдались расстройства питания в форме гипотрофии и дистрофии, рахит, причем в более тяжелой форме.

Несмотря на большой урон, нанесенный стране второй мировой войной, в 1956 г., в связи с улучшением условий жизни и усилением охраны здоровья детей, показатели физического развития превосходили довоенные. Об этом свидетельствует физическое развитие детей в возрасте 1 года в Москве (табл. 8).

Дети дошкольного возраста (Свердловск) в 1957—1958 гг. заметно превосходили по своему физическому развитию детей 1930 г. (табл. 9).

О дальнейшем значительном улучшении физического развития детей школьного возраста свидетельствуют увеличение роста от 5 до 12 см, веса от 2 до 10 кг, окружности груди от 2 до 5 см, особенно у рабочих девушек-подростков: в 1960 г. 15-летние имели лучшее физическое развитие, чем 18-летние девушки в 1923 г.

Положительные сдвиги в физическом развитии населения отмечаются во всех союзных республиках, у всех народов СССР.

Динамика показателей здоровья и состояние здравоохранения в СССР наглядно свидетельствуют о том, что социализм — это реальный гуманизм, что в социалистическом обществе главная работа государства — благо человека.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ БОЛЬШИХ ГОРОДОВ И АГЛОМЕРАЦИЙ

М. Л. СТРОНГИНА

Для современного общества характерен быстрый рост городских форм жизни. За последние полтора века удельный вес населения всего мира, проживающего в городах, где более 20 тыс. жителей, возрос почти в 9 раз, а в городах с числом жителей свыше 100 тыс. — почти в 8 раз. За тот же период население земного шара возросло в 2,64 раза, тогда как темпы его роста в городах с числом жителей более 5 тыс. повышались в 10 раз быстрее (в 26,3 раза). Если в городах с числом жителей более 100 тыс. население возросло в 1800—1850 гг. на 75%, то в 1850—1900 гг. — на 220% и в 1900—1950 гг. — на 250%.

Аналогичные процессы происходят и в нашей стране. Анализ данных переписей населения показывает дальнейшее неуклонное укрупнение городов. При этом большие города растут значительно быстрее малых и средних.

Число больших городов за последние четыре десятилетия увеличилось более чем в 7 раз, а численность проживающего в них населения — в 8 раз, в то время как число малых городов выросло лишь в 2 раза и численность их жителей — в 2,4 раза. Средние города росли несколько быстрее, чем малые, но значительно медленнее, чем большие. Особенно быстро росли города с населением свыше 500 тыс. чел. Удельный вес последних возрос по их числу более чем в 11 раз, а по численности их жителей — в 9 раз.

Приведенные цифры свидетельствуют о стремительных темпах урбанизации в нашей стране. Поэтому выявление главных черт этого социально-экономического процесса, выработка критериев и самого понятия «урбанизация» представляются важной и актуальной задачей демографической науки.

Общепринятая характеристика урбанизации на основе роста численности городского населения и числа городов — этого традиционного демографического показателя — дает представление лишь относительно общих масштабов и динамики процесса.

Советские эконом-географы В. В. Покшишевский и В. М. Гохман пишут: «Урбанизация понимается как процесс повышения роли городов в жизни страны, района и т. д., что внешне обычно наиболее обще выражается как рост доли городского населения. Урбанизированность — степень, уровень развития городской жизни (показателем ее может служить, например, процент городского населения). Таким образом, первый термин выражает процесс, второй — состояние, достигнутое в этом процессе»¹. Так же характеризуется урбанизация и в другой работе по городской проблематике: «Процесс урбанизации, сопровождающий индустриальное развитие большинства стран мира, выражается прежде всего в общем повышении удельного веса городского населения за счет миграции из села, что является экономически закономерным следствием роста промышленного производства»². Существо урбанизации в этом случае сводится в основном к пониманию ее как процесса простых миграционных перемещений населения из сельской местности в городскую и оценке естественного прироста в городских поселениях. Г. М. Лаппо предлагает другие критерии: усиление роли больших городов в экономике, политике и культуре страны, рост агломераций, интенсивное развитие трудовых межселенных связей³.

Города возникали и росли на протяжении многих веков. Но характер города, его социальная структура, пространственные формы, функциональное назначение, роль в экономической и общественной жизни страны существенно видоизменялись.

Главной особенностью современной стадии урбанизации можно считать пространственное расширение городов, интенсивное вторжение промышленно-городской культуры в окружающие сельские территории. Формы и методы, свойственные промышленности (расширение процессов механизации тяжелых и трудоемких сельскохозяйственных работ, рост доли товарной продукции в валовой, постепенная интеграция с рынком и др.), все больше проникают в сельскохозяйственное производство. Среди сельского населения наблюдается рост занятий несельскохозяйственного типа, а следовательно, постоянно растет численность населения, занятого несельскохозяйственным трудом, т. е. «скрытого городского населения». Урбанизация в наши дни охватывает, таким образом, не только городскую, но и сельскую среду.

Правда, бурный рост несельскохозяйственного населения в сельских местностях происходил и в период развития капитализ-

ма. В. И. Ленин писал: «...отвлечение населения от земледелия выражается в России в росте городов... пригородов, фабрично-заводских и торгово-промышленных сел и местечек, а также и в неземледельческом отходе»⁴. Детально изучив этот процесс, В. И. Ленин отметил, что «индустриальное население в России значительно превышает своими размерами городское население»⁵.

В настоящее время прослойка сельского несельскохозяйственного населения весьма велика, особенно в районах, где промышленное производство более развито по сравнению с сельским хозяйством. В Центральном, Северо-Западном, Восточно-Сибирском, Дальневосточном экономических районах большая часть трудоспособного населения, проживающего в сельской местности, используется отнюдь не на сельскохозяйственных работах⁶.

В Свердловской обл. эта прослойка составила 48% всего сельского населения, в Горьковской — примерно 36%, в Кировской — 33%⁷. В Московском пригородном районе свыше 70% сельского населения составляют рабочие, служащие и члены их семей. Большая их часть (почти 500 тыс. чел.) выезжает на работу в городские поселения⁸. По данным на 1. I 1960 г., в сельских местностях Горьковской и Кировской обл. насчитывалось 60 тыс. чел., работающих в городских поселениях⁹.

Среди жителей сельских местностей, занятых трудом вне сельского хозяйства, можно выделить три типа: 1) население пригородных зон больших городов или населенных пунктов вокруг малых и средних городов, которое выезжает на работу в эти близлежащие к ним города; 2) лица, которые работают непосредственно в своих селах или в пределах сельских территорий, но заняты на предприятиях промышленно-городского характера по своему функциональному назначению (на транспорте, строительстве, в снабженческо-сбытовых организациях и др. имеются объекты частично расположенные на селе: небольшие промышленные предприятия, транспортные отделы, ремонтно-технические станции и т. д.); 3) лица, функционально связанные с деятельностью сельского общества, но занятые несельскохозяйственным трудом — работающие в общественно-культурных учреждениях на селе, в сельской торговле, а также в управлении.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 581.

⁵ Там же, стр. 523.

⁶ «Вопросы размещения производства в СССР». М., 1965, стр. 180.

⁷ Б. С. Хорев. Географические особенности сельского «несельскохозяйственного» населения. — «Вопросы географии населения СССР». М., 1961, стр. 131, 133.

⁸ Г. М. Лаппо. Современное расселение и пути развития городов в Московском пригородном районе. — «Планировка и застройка больших городов». М., 1961, стр. 93.

⁹ Б. С. Хорев. Географические особенности..., стр. 125.

¹ В. В. Покшишевский, В. М. Гохман. Проблема гиперурбанизации в развитых капиталистических странах и ее географические аспекты. — «Научные проблемы географии населения». М., 1967, стр. 151.

² «Пути развития малых и средних городов». М., 1967, стр. 3.

³ Г. М. Лаппо. Урбанизация в капиталистических странах Европы. — «Вопросы географии». Города мира, 1965, сб. 66, стр. 78, 80, 87.

Процесс распространения несельскохозяйственных занятий в сельских местностях происходит в мире почти повсеместно.

Обследование зоны тяготения Нью-Йорка показало, например, что более 75% мужчин старше 14 лет, проживающих в сельских районах около Нью-Йорка, имели несельскохозяйственное занятие.

По данным переписи 1960 г., в Польской Народной Республике главным источником существования почти $\frac{1}{3}$ сельского населения (31,2%) являлись несельскохозяйственные занятия¹⁰.

Происходят заметные изменения в социально-профессиональной структуре населения городов и окружающих территорий, особенно пригородов больших городов, где формируется категория так называемых «крестьян-рабочих». Польский социолог С. Новаковский считает, что: «Это люди, пребывающие в двух средах. Они проживают в деревне, где имеют небольшое хозяйство, и ежедневно ездят на работу в город. Часть из них периодически проживает в городе, оставляя семью... в деревне»¹¹. В результате этого процесса все большие группы населения осваивают городской образ жизни, и городская культура все глубже проникает в деревенский быт.

Каковы же основные критерии урбанизации? Исследователи выделяют несколько критериев, дающих комплексную оценку современной урбанизации как социально-экономического процесса¹².

Первый критерий урбанизации принято называть «демографическим». Это рост численности городского населения по отношению ко всему населению данной территории, а также увеличение плотности населения.

Второй критерий, «экономический» — рост профессий, характерных для города. Чем больше число лиц, занятых несельскохозяйственным трудом, тем выше степень урбанизации. В Польше уровень урбанизации территории, определенный на основе этого критерия, в среднем на 16% выше уровня, измеренного показателем «демографическим». Эта разница в некоторых воеводствах страны особенно высока, например в Опольском (30%).

В Катовицком воеводстве уровень урбанизации, определенный экономическим показателем, равен примерно 92% при среднем в Польше показателе — 64%, т. е. здесь достигнут уровень наиболее развитых индустриальных районов мира¹³. Таким образом,

второй критерий существенно дополняет характеристику урбанизации и выражает экономическое содержание этого процесса.

Третий критерий урбанизации отражает специфические особенности общественного потребления культурных благ, расширение радиуса воздействия так называемой городской культуры. Показателем урбанизации в этом случае является использование населением средств массовой информации, центров науки, культуры, искусства.

Четвертым показателем урбанизации является образование системы крупных промышленно-городских центров на определенной территории, так называемых городских агломераций, столь характерных в наши дни для большинства стран мира.

Пятым показателем урбанизации служит рост всякого рода технических средств, облегчающих условия труда и жизни человека: развитие транспорта, оснащенность средствами строительства, развитие сферы бытового обслуживания.

Определение урбанизации на основе перечисленных критериев, не исчерпывая всех сторон развития этого сложного социально-экономического процесса, позволит выяснить реальные масштабы его и охарактеризовать территорию как городскую или сельскую.

Урбанизация касается не только экономических параметров, но и «человеческого поведения» — возникает новый «стиль жизни», изменяется способ жизни людей, их социально-психологический облик.

Урбанизация значительно шире понятия городской формы расселения. Для современной урбанизации характерно распространение городских агломераций, в которых имеются урбанизированные сельские территории с небольшими поселениями (жители последних не занимаются сельским хозяйством, а, как правило, выезжают на работу в город). В состав этих территорий входят также сельскохозяйственные зоны с довольно высоким уровнем специализации и интенсификации вследствие близости к городам. В этих зонах агломераций происходит сближение сельскохозяйственного и промышленного труда (внедрение процессов механизации сельскохозяйственного производства, близость рынка и т. д.).

Другая специфическая черта агломераций — стремительное пространственное расширение городов. Этот процесс проявился в быстром росте численности населения, проживающего на пригородных территориях, что сопровождается нередко абсолютным падением числа жителей городского центра (как это было с лондонским Сити) или его крайне замедленным ростом. Такие изменения в пространственном размещении населения городов часто происходят параллельно с изменениями в размещении промышленного производства — «субурбанизацией».

Субурбанизация отражает изменение социально-профессиональной структуры населения, проживающего вне официальной

¹⁰ R. Turski. Zjawiska urbanizacji wsi i tendencji deglomeracji miast jako przestanki ewolucji osadnictwa w Polsce. — «Program Badan», 1963, z. 4.

¹¹ С. Новаковский. Социология города и процессов урбанизации в послевоенной Польше. — «Социологические проблемы польского города». М., 1966, стр. 25.

¹² Критерии урбанизации подробно охарактеризованы польским социологом К. Пржецлавским (K. Przecławski. Miasto i człowiek. Warszawa 1966, s. 14—37).

¹³ K. Przecławski. Miasto i człowiek, s. 25.

городской черты. Рост пригородов происходит не только в результате перемещения населения из города, но и в результате захвата городом окружающих сельских поселений, жители которых и составляют новые социальные группы, уже не связанные с сельским хозяйством.

В агломерациях концентрируется значительная часть «скрытого городского населения», формирующегося в ходе урбанизации и размещающегося главным образом в пригородах больших городов (т. е. зонах, территориально слившихся с ними) и в сельской местности, входящей в зону их влияния.

Трансформация старых сельских населенных мест в спутники городов с интенсивными трудовыми и культурно-бытовыми взаимосвязями с центром, превращение многих сел в поселения смешанного типа с сочетанием сельскохозяйственных и городских функций, сгущение их сети в зонах больших городов, а также пространственное расширение «субурбанизированных территорий» привели к тому, что границы между городом, окружающей его урбанизированной зоной и сельской местностью стали менее отчетливыми.

Сложившаяся в настоящее время статистическая практика во многих странах, в том числе и в СССР, не учитывает этих новых социально-экономических процессов. Разработка единого понятия современного города необходима. Четкая дефиниция самого понятия «город» позволит дать более обоснованное определение и понятию «агломерация», поскольку основу формирования агломераций составляет изменение социально-пространственной формы их центров — городов.

Наиболее часто дискутируется вопрос о главном критерии понятия «город» (величина, структура, характер выполняемых функций и т. д.). В настоящее время при изучении городских общностей чаще всего используются такие критерии, как статистический (численность населения), демографический (темпы роста), формально-правовой (правовое положение), историко-генетический (происхождение, период возникновения), административный, критерий степени влияния социально-экономических функций и др.

«Город, — писал советский эконом-географ П. И. Дубровин, — есть пространственное общественное образование, являющееся местом массового расселения людей и средоточия их общественно полезной деятельности в любых ее формах, кроме получения первичных процессов сельского хозяйства как единственного занятия населения и охоты, и организованное в постоянно действующий хозяйственно-строительный комплекс, рассчитанный на обслуживание быта и деятельности связанного с ним населения в соответствии с уровнем развития производительных сил»¹⁴. В этом опре-

делении города подчеркнуты: массовость расселения, средоточие общественно полезной деятельности несельскохозяйственного характера, коммунально-хозяйственная организованность¹⁵.

В. Г. Давидович предлагает считать главным признаком города значение его народнохозяйственных функций (промышленное производство, внешний транспорт, административно-хозяйственные и культурные функции неместного значения, функции организации отдыха и лечения) и их величину, показателем которой считается численность населения города. Численность населения рассматривается как синтетический показатель, примерно пропорциональный численности градообразующих кадров, т. е. занятых в промышленности, на транспорте и т. д. Этот показатель характеризует преобладание на данной территории городских функций по сравнению с сельскими. По мнению Давидовича, населенный пункт можно считать городским, если доля самостоятельного населения, занятого сельским хозяйством, не превышает 25%¹⁶.

Официальная статистика в нашей стране подразделяет населенные пункты на городские и сельские по численности и занятиям населения. Эти показатели различны в союзных республиках, так как у нас нет единой методологии в определении понятия «город», причем критерии на местах могут быть самыми разными, в том числе и чисто административными.

Общим для всех приведенных определений оказывается критерий, который можно было бы определить как тип занятий населения. Социально-профессиональная дифференциация населения, характеризующая, например, ростом занятых трудом промышленно-городского характера, позволяет более точно определить численность городского населения и отделить городскую территорию от сельской, особенно в пригородах больших городов и в зонах их влияния.

Нельзя не согласиться с В. Г. Давидовичем, который выделяет другой важный признак города — его организующую роль, адми-

¹⁵ Эти признаки свойственны были еще городам доиндустриального периода. Город всегда противопоставлялся сельской местности. В конце XIX в. немецкий ученый Ф. Ратцель противопоставлял сельские виды деятельности, основанные на земледелии и животноводстве, городским, опирающимся на промышленность и торговлю, и сельские индивидуальные жилища, менее плотно сдвинутые, — компактным городским. По его мнению, при числе жителей менее 2 тыс. «скопления» утрачивают городской характер. Так, города у Вагнера — «пункты концентрации торговли», у Рихтгофена — «группировки, где обычные средства к существованию обеспечиваются концентрацией таких видов деятельности, которые не связаны с земледелием, а в первую очередь с торговлей или промышленностью». В. Кристаллер также делает упор на торговлю, административную деятельность и мелкое ремесло. (Цит. по: Ж. Б о ж ё - Г а р н ь е, Ж. Ш а б о. Очерки по географии городов. М., 1967, стр. 37.)

¹⁶ В. Г. Д а в и д о в и ч. О развитии сети городов СССР за 40 лет. — «Вопросы географии». География городских и сельских поселений, 1959, сб. 45, стр. 45.

¹⁴ П. И. Д у б р о в и н. Агломерация городов. — «Вопросы географии». География городских и сельских поселений, 1959, сб. 45, стр. 23.

нистративно-хозяйственное и культурно-политическое руководство жизнью окружающего района. Оба критерия могут быть использованы для определения как большого города, так и малого. Конечно, у больших городов связи с тяготеющими к ним зонами более сложны и многообразны, но это не меняет существа дела.

Определяя границы города, П. И. Дубровин выдвигает признак сплошного расселения и признак единства коммунально-хозяйственной организации, которые тоже характеризуют городские поселения независимо от их величины: даже в случае пространственного расширения больших городов, происходит субурбанизация — пригороды сливаются с городом, образуя непрерывно застроенную территорию, и включаются в общую систему городского хозяйства.

Итак, чтобы охарактеризовать территорию как городскую, следует определить тип занятий населения, роль этой территории как центра окружающего района, компактность застройки, способность включаться в систему городского хозяйства.

Ранее широко распространенный в социологической литературе критерий определения города с точки зрения развития в нем специфического «городского образа жизни» утратил значение вследствие проникновения в деревню средств «массовой культуры» — радио, телевидения, книг и т. д. Выдвигается другой критерий — городской «стиль жизни»: отсутствие непосредственной пространственной близости между людьми, вызывающей особое психологическое родство между ними, меньшая роль традиций, более высокая мобильность в пространстве, изменение типа семьи (два поколения) и т. д.

Польский социолог А. Валлис считает специфической чертой города (в отличие от деревни) структуру его «социального пространства»: наличие разработанного в архитектурном и планировочном отношении центра, дифференциация архитектурных форм в связи с их функциональным и социально значимым смыслом, наличие широких возможностей постоянного развития пространственной структуры, выполнение различного рода экономических и политических задач по отношению к окружающим социальным образованиям. Правда, и сам Валлис считает, что эти признаки еще «не являются определением города»¹⁷.

Эти и другие попытки дать определение города как современного социального образования свидетельствуют, что на смену точечному большому городу приходит качественно новый пространственный комплекс, состоящий из плотно заселенного ядра и тяготеющих к нему территорий.

До начала XX в. термин «агломерация» применялся для обозначения концентрации населения в городах. Этот термин ввел А. Вебер¹⁸. По мере развития урбанизации под агломерацией

стали понимать территориальное образование¹⁹. Термин «городская агломерация» получил наиболее широкое распространение в нашей стране. Вот одно из типичных определений: «Городскими агломерациями называются компактные скопления городов и других населенных мест, которые в процессе своего роста сближаются ...и между которыми резко усиливаются многообразные хозяйственные, трудовые и культурно-бытовые взаимосвязи»²⁰.

Аналогично этому и определение В. Г. Давидовича. Рассматривая процесс формирования и распространения групповых форм расселения, он пишет, что «каждая такая группа состоит из одного или нескольких «центров тяготения» и их спутников, связанных с ними общностью жизни населения — взаимным трудовым и культурно-бытовым (или только культурно-бытовым) тяготением, достаточно интенсивным»²¹.

Польский социолог Б. Малиш характеризует агломерацию «как сложную систему, в которой существует зависимость поселенческих территорий от различных мест работы при явном преобладании одного из них»²². Удачно также определение агломерации американским экономистом Д. Боугом: «Метрополитенский центр, или современный большой и комплексный город, осуществляет организующее и связующее влияние на социальную и экономическую жизнь обширной территории, выходящей далеко за пределы его официальных границ, и посредством этого доминирует над всеми другими сообществами внутри этого района»²³.

Итак, в приведенных определениях агломерации можно выделить следующие черты: 1) формирование агломерации как сложной системы населенных мест; 2) наличие специфических свя-

¹⁹ В 1915 г. П. Геддес впервые ввел термин «конурбация» (P. Geddes. *Cities in Evolution*. New and Revised Ed. London, 1949, p. 14). Польский социолог Б. Малиш определяет конурбацию как своего рода агломерацию агломераций, представляющую собой «многократно сложную систему, в которой многие места работы разной степени концентрации воздействуют на различные поселенческие территории без явного преобладания одного из центров» (B. Malisz. *Wstęp do teorii układów osadniczych*. — *Materiały Szkoleniowe, Planowanie Przestrzenne* 1963, z. 1). Создателем термина «мегалополис», близкого к понятию «конурбация», предполагал Л. Мамфорда. Однако наиболее полное толкование этого термина дал Д. Готтман. Понятие «мегалополис» употребляется в основном в США для определения системы агломераций. Например, так названа территория от Бостона до Вашингтона, на которой проживает около 50 млн. чел. (J. Gottmann. *Megalopolis or Urbanization of the Northeastern Seaboard*. — *Economic Geography*, 1957, p. 33; *Megalopolis*. N. Y., 1961).

²⁰ Д. И. Богорад. Задачи изучения и регулирования роста городских агломераций. — «Научные проблемы географии населения». М., 1967, стр. 101.

²¹ В. Г. Давидович. О закономерностях и тенденциях городского расселения в СССР. — «Вопросы географии». Города мира, 1965, сб. 66, стр. 29.

²² B. Malisz. *Wstęp do teorii układów osadniczych...*, z. 1.

²³ D. Bogue. *The Structure of the Metropolitan Community. A Study of Dominance and Subdominance*. Ann Arbor, 1949, p. 6.

¹⁷ A. Wallis. *Sociologia Wielkiego Miasta*. Warszawa, 1967, s. 148.

¹⁸ А. Вебер. Рост городов в XIX ст. СПб., 1903.

зей — трудовых и культурно-бытовых, скрепляющих агломерацию; 3) принцип доминирования единого центра.

П. И. Дубровин, кроме того, считает, что в агломерациях «слагаются наиболее сложные формы специализации городов-участников»²⁴. О. С. Пчелинцев также отмечает формирование сети населенных пунктов вблизи больших городов как «узкоспециализированных звеньев урбанизированного целого», причем эта сеть «может сохраняться лишь благодаря их территориальной близости»²⁵. Специализация населенных мест может носить как промышленный, так и непромышленный характер («город — спальня», зона отдыха, научный центр и т. д.) В состав агломерации входят населенные пункты различного функционального назначения, тяготеющие к крупным центрам.

Оба автора приходят в общем к единому выводу: «агломерация городов, взятая в целом, имеет свою внутреннюю функциональную структуру», так что необходима «строгая специализация отдельных функциональных зон». Характерная черта агломерации (по их мнению) — наличие в их составе сельскохозяйственных территорий. Дубровин пишет: «Всякая агломерация является территориальным комплексом... и включает в себя, кроме городов и населенных мест городского типа, еще и окружающие их территории с внегородскими формами хозяйственного освоения... Но и сельскохозяйственные территории... переключаются почти целиком на задачу обслуживания города или городов с изменением направления сельского хозяйства, создавая для этого чисто пригородные формы полеводства и животноводства. Сельские населенные места при этом реорганизуются на городской лад с возникновением промежуточных форм застройки»²⁶. Пчелинцев также считает, что «с развитием обширных урбанизированных районов создается материальная база для непосредственных контактов сельского хозяйства с промышленностью, для подлинного их соединения... Таким образом, новая социально-пространственная форма (урбанизированные районы.— М. С.) неудержимо «теснит» старые формы деревни и города»²⁷. О. С. Пчелинцев выделяет еще одну черту агломераций — «замену компактной планировки на свободную и отсутствие четко выраженных границ»²⁸. Эта особенность проявляется в формировании различных территориальных зон: 1) ядро агломерации — непрерывно застроенная территория, в которую в большинстве случаев входит пространственно разросшийся боль-

шой город — «субурбанизированная зона»; 2) города и поселки, тяготеющие к большому городу, но отделенные от него определенным пространством; 3) сельские территории; 4) зоны отдыха и т. д.

Следовательно, городские агломерации — не случайное аморфное образование, а специфическое единство с четкой внутренней функциональной и территориальной структурой. Это — новая форма городского расселения. Поэтому целесообразно выделить наиболее существенные ее черты.

В СССР понятие городской агломерации еще не получило официального и прежде всего статистического признания. Известны лишь две попытки определить границы агломераций (В. Г. Давидович и Г. М. Лаппо, а также А. Г. Кругликов), но авторы не указывают критерии, которыми они пользовались (см. таблицу).

Численность (тыс. чел.)* населения крупнейших** агломераций СССР

Центр агломерации	Население центра агломерации	Население всей агломерации		Центр агломерации	Население центра агломерации	Население всей агломерации	
		по Давидовичу и Лаппо	по Кругликову			по Давидовичу и Лаппо	по Кругликову
Москва	6008,8	7884	7200,0	Ташкент	911,9	1070	931,7
Ленинград . .	2900,0	3679	3321,2	Баку	642,5	1025	971,1
Донецк . . .	699,2	1409	1058,8	Днепропетровск	660,1	1001	—
Горький . . .	942,0	1372	985,0	Челябинск . . .	689,0	987	849,7
Харьков . . .	934,1	1322	1000,0	Свердловск . . .	778,6	971	839,5
Киев	1104,3	1281	—	Новосибирск . .	886,5	944	—
Куйбышев . .	807,4	1134	870,2				

* В. Г. Давидович, Г. М. Лаппо. Вопросы развития городских агломераций в СССР.—«Современные проблемы географии». М., 1964, стр. 44; А. Г. Кругликов. Сверхбольшие города и городские агломерации мира в 1959—1961 гг.—«Вопросы географии». Города мира, 1965, сб. 66, стр. 197—203.

** Свыше 800 тыс. чел.— данные на 15.I 1959 г.

А. Г. Кругликов принимает за агломерацию «такое непрерывное городское образование, части которого не отделяются друг от друга сколько-нибудь значительными сельскохозяйственными или неиспользуемыми территориями»²⁹, забывая, что агломерация состоит не только из зон сплошной городской застройки, но и обширных сельскохозяйственных зон, мест отдыха и т. д.

²⁹ А. Г. Кругликов. Сверхбольшие города..., стр. 197.

²⁴ П. И. Дубровин. Агломерация городов, стр. 30.

²⁵ О. С. Пчелинцев. Экономическое обоснование размещения производства. М., 1966, стр. 246, 249.

²⁶ П. И. Дубровин. Агломерация городов, стр. 33—34.

²⁷ О. С. Пчелинцев. Рациональное размещение производства и проблема больших городов.—«Вопросы философии», 1961, № 2, стр. 91.

²⁸ О. С. Пчелинцев. Экономическое обоснование..., стр. 246—247.

Необходимо включить в определение современной агломерации принцип доминирующей, командной роли больших городов. В этой связи важно уточнить и понятие современного «большого города»³⁰: компактная планировка субурбанизированной зоны, изменение социально-профессиональной структуры населения пригородов, единство системы городского хозяйства, сохранение разработанного в архитектурном и планировочном отношении центра, возможность пространственного расширения и усиление экономического, культурного и т. д. влияния на окружающую территорию.

С точки зрения территориально-хозяйственной целостности процесс агломерации характеризуется наличием главного города — обычно наибольшего и наиболее комплексного из всех городов системы. Он является промышленным, торговым и культурным центром агломерации, накладывая отпечаток на формирование промышленной структуры тяготеющих к нему поселений по характеру своих хозяйственных функций, по трудовым связям (жители наиболее близко расположенных к главному городу поселений работают в нем), по культурно-бытовым связям (жители этих поселений часто посещают главный город в культурно-бытовых целях). Два последних типа связей называются связями по населению. Населенные пункты агломерации, в которых сконцентрированы предприятия тяжелой промышленности, имеют собственные «зоны тяготения», включающие города и поселки.

Итак, агломерация — новая форма городского расселения, которая представляет собой сложную систему населенных пунктов различного функционального назначения, связанных в единое экономическое целое трудовыми и культурно-бытовыми связями.

Это определение агломерации охватывает только наиболее общие черты, присущие ей как социально-пространственной форме современной урбанизации. Разработка более полного определения требует дальнейшего исследования.

БРАК: ИДЕАЛ И РЕАЛЬНОСТЬ

А. Г. ХАРЧЕВ, К. Л. ЕМЕЛЬЯНОВА

Выявить соотношение между представлением о будущем супружестве и реальностью брака — такова цель проведенного исследования. Основной материал был получен методом интервью, часть — методом наблюдения. Все опрошенные регистрировали брак в Ленинградском дворце бракосочетания.

Вопросник интервью состоял из разделов, касающихся социально-демографической характеристики опрашиваемых (возраст, социальное происхождение, национальность, образование и т. д.); предбрачной жизни, времени вступления в брак, обстоятельств и продолжительности предбрачного знакомства; взаимоотношений молодоженов с родителями и условий жизни молодоженов после брака; брачного выбора (какие качества будущего супруга сыграли решающую роль) и степени его соответствия представлениям об идеальном супружестве; характера ожиданий, связанных с заключением брака, и реальных отношений, сложившихся между супругами.

Всего было опрошено 50 женщин, которые были заранее информированы о цели интервью. Интервью проводилось К. Л. Емельяновой в виде беседы. Результаты имеют локальное значение.

Демографическая характеристика интервьюируемых (в %):

Возраст	Образование	Социальное положение
до 25 лет — 28	среднее — 52	служащие — 68
25 — 27 » — 18	незаконченное	рабочие — 20
28 — 30 » — 30	высшее — 40	учащиеся — 8
31 — 33 » — 12	высшее — 8	домохозяйки — 4
34 и старше — 12		

Общая характеристика браков:

Средний брачный возраст	Соотношение брачных возрастов	Процент смешанных браков (к общему числу)
жены — 21,3 года	± 1 год — 22	по национальности — 30
мужа — 23,5 »	муж старше — 68	по социальному положению — 8
	жена » — 10	

³⁰ Имеется в виду город с населением более 100 тыс. чел.

Все опрошенные в настоящее время живут и работают в Ленинграде: 33 из них являются его уроженками, 17 приехали из деревень или небольших городов.

Предбрачные отношения (в %):

Продолжительность предбрачного знакомства		Познакомились	
до 2 мес.	— 10	у соседей	— 8
2 — 3 »	— 14	на совместной учебе (работе)	— 26
4 — 6 »	— 12	в библиотеке	— 6
7 мес. — 1 год	— 26	на отдыхе	— 38
1 — 2 года	— 20	у приятелей	— 14
более 2 лет	— 18	у родных	— 2
		случайно	— 6

Устойчивой зависимости между этими данными и социально-демографическими характеристиками опрошенных не обнаружено. Так, наименьший период предбрачного знакомства отмечен у пар, относящихся и к рабочим, и к служащим, имеющим как среднее, так и высшее образование. Вместе с тем более трети всех обследованных браков заключено после сравнительно короткого знакомства (полгода и менее), а более половины — после знакомства, продолжавшегося в течение года.

Только около трети знакомств возникло при регулярном общении будущих супругов (соседство, совместная работа или учеба). В большинстве же случаев взаимное узнавание происходило во время свиданий, особенно если предбрачное знакомство продолжалось 3 мес. и менее (11 из 12 случаев). Это позволяет сделать вывод о возможности введения в практику услуг посреднических бюро и газет, в которых помещались бы объявления о желательных знакомствах.

Вопрос о заключении брака так же, как и о добрых отношениях, решался прежде всего заинтересованными сторонами. Однако большинство опрошенных нами женщин и их будущих супругов перед регистрацией представляли друг друга родителям и испрашивали у них разрешения на брак. Исключения из этого составляют лишь пятую часть всех случаев и объясняются боязнью родительского неодобрения или же тем, что «родители живут вне Ленинграда».

Фактически $\frac{1}{7}$ всех браков женщин и $\frac{1}{3}$ мужчин не получили одобрения родителей (сюда можно еще прибавить какое-то число браков, заключению которых родители воспрепятствовали) (в %):

	Родители невесты	Родители жениха
Одобрили брак	76	60
Возражали против брака	12	28
Родители умерли	12	12

Родители жениха не одобряли его выбор в значительно большем числе случаев, нежели родители невесты — выбор своей доче-

ри. Соответственно молодые люди в значительно большем числе случаев игнорировали родительское неодобрение, чем их подруги.

Чтобы выяснить соотношение между ожиданиями женщин, вступающих в брак, и действительностью брака, были поставлены следующие вопросы (ответы на них в %):

Соответствовал ли ваш жених представлениям о будущем избраннике, которые сложились у вас до знакомства с ним?		«Что вы больше всего ценили в своем муже до вступления в брак?»	
соответствовал	— 74	силу, мужественность	— 44
не совсем	— 6	ум	— 64
не соответствовал	— 20	любовь к работе	— 46
		веселый нрав	— 44
		серьезность	— 58
		общественный почет, хорошее отношение к нему других	— 40

Поскольку все опрашиваемые заявили, что вышли замуж по любви, им ставился вопрос: «Верили ли вы, вступая в брак, что ваша любовь продлится всю жизнь?» Ответили (в %): да — 70, нет — 30. Ответы можно истолковать и так, что в первом случае (да) жизнь оправдала надежды, возлагавшиеся на супружество, во втором нет.

Чтобы получить более конкретную информацию, выяснялись обстоятельства, касающиеся супружеских взаимоотношений, а также отношений между супругами и другими членами семьи. Прежде всего выяснялась степень изменения духовной и физиологической сторон супружества в процессе совместной жизни (таблица — данные в %).

Чувство	Духовная близость		Физическая близость	
	жена	муж	жена	муж
Усилилось . . .	58	52	56	52
Осталось прежним	8	14	24	30
Ослабло	16	12	16	18
Исчезло	18	22	4	—

При заключении брака все опрошенные считали любовь основным фактором, связывающим их с супругом. В период опроса, когда 40 опрошенных состояли в браке от 3 до 8 лет и 10 — в течение 9 лет и более, таким фактором назывались: любовь (58%), общность духовных интересов (58%), дети (70%), привычка (44%), экономические соображения (34%).

Многие из опрошенных называли одновременно несколько факторов, но никто из них при этом не соединял любовь и экономические соображения и только четверо назвали вместе любовь и привычку. Именно эти два фактора (экономические соображения и

привычка) наименее совместимы с любовью. Вот почему 20 из 50 опрошенных женщин считают вполне возможной супружескую неверность своего мужа и столько же женщин (обычно это одни и те же лица) полагают, что они вправе, состоя в браке, вступить в интимные отношения с человеком, который им понравится.

Не претендуя на исчерпывающее объяснение этих метаморфоз в супружеских отношениях, обратимся прежде всего к условиям жизни супругов (в %).

В период опроса жили	Сразу после заключения брака жили
у родителей жены — 6	у родителей жены — 50
» » мужа — 4	» » мужа — 20
в отдельной квартире	отдельно — 30
государственной — 48	На средства
кооперативной — 8	только свои — 48
в отдельной комнате — 30	Помогали
в общежитии — 2	родители жены — 28
снимают комнату — 1	» мужа — 16
	» жены и мужа — 8

Таким образом, часть молодоженов после свадьбы оказывается в стесненных жилищных и материальных условиях и материальной зависимости от старшего поколения. Можно, конечно, какую-то часть ответственности за это возложить на самих молодоженов, поскольку некоторые из них слишком рано вступают в брак. Но браки, в которых жениху 18—19 лет, составили лишь $\frac{1}{7}$ общего числа исследованных. К тому же, вряд ли целесообразно слишком уж противодействовать ранним бракам, так как в качестве их альтернативы могут выступать внебрачные половые отношения среди молодежи.

Конфликты молодоженов со своими родителями (особенно матерями) не проходят бесследно для супружеских отношений даже в тех случаях, когда молодожены стараются как-то оградить свою жизнь от недоброжелательного вмешательства. В исследованной совокупности отец жены (тесть) был жив в 26 случаях, мать жены (теща) — в 44, из этого числа плохие отношения мужа с тестем зафиксированы в 4, с тещей — в 8 случаях. Отец мужа (свекор) был жив в 30 случаях, мать мужа (свекровь) — в 42, из них плохие отношения жены со свекром зафиксированы в 4, со свекровью — в 12 случаях. Процент невелик, но все же достаточно ощутим.

Важный этап в развитии супружеских отношений — появление детей. Рождение ребенка, конечно, эмоционально обогащает и укрепляет супружество, но и ставит перед супругами ряд новых проблем, решение которых требует определенных материальных и психологических усилий.

Из 50 обследованных супружеских пар 11 были бездетны, 32 имели по 1 ребенку, 6 — по 2 ребенка и 1 — 4 детей. В 9 случаях

(из 39) детей желала только жена, в 16 — только муж, в 12 — оба; в 2 случаях ребенок появился вопреки желанию родителей.

Появление первого ребенка: в год заключения брака — 10 случаев (из 39)	Детей воспитывают: оба супруга — 9 случаев (из 39)
через год — 18 »	только жена — 22 »
» 2 года — 7 »	теща — 7 »
» 3 и более — 4 »	тесть — 1 »

Таким образом, число семей, вовсе не имеющих детей или ограничивающихся лишь одним ребенком, значительно; часть супругов стремится переложить воспитание детей на старшее поколение; большинство мужей самоустраивается от воспитательной деятельности, что порождает «скрытую безотцовщину», пагубно отражающуюся и на эмоционально-психологической близости супругов и на формировании характера ребенка.

Подобное «разделение труда» между женой и мужем повторяется и в осуществлении второй важнейшей функции семьи — ведении домашнего хозяйства.

Домашнее хозяйство ведут (в %):	Инициаторы ссор:
оба супруга — 10	муж — 11 случаев (из 37)
в основном жена — 50	жена — 22 »
теща — 26	оба супруга — 2 »
тесть — 10	родители — 2 »
не ведут — 4	

Как свидетельствуют приведенные данные, в половине семей женщина имеет фактически «двойной рабочий день»: на производстве и дома, а следовательно, двойную затрату времени, физических и психических сил. В результате многие женщины рано стареют, не имеют времени следить за собой, утрачивают женственность и привлекательность, становятся сварливыми и раздражительными. В 37 семьях из 50 обследованных систематически бывают ссоры и конфликты.

Если говорить о «брачном цикле» (добрачное ухаживание, выбор супруга, заключение брака, рождение первого ребенка и т. д.), то основные опасности подстерегают брак на том этапе цикла, который следует непосредственно за свадебным торжеством. В этот период молодожены сталкиваются с новыми и весьма сложными для них материальными и психологическими проблемами и нуждаются подчас в большей помощи и внимании со стороны общест-венности, чем та, которую они получают.

Таковы, в общих чертах, главные проблемы, от решения которых зависит преодоление отмечающегося в настоящее время несоответствия между идеалом брака и реальным процессом развития брачных отношений в значительной части городских семей.

К ВОПРОСУ ОБ ЭТИЧЕСКОЙ МОТИВАЦИИ БРАКА

З. И. ФАЙНБУРГ

Исследование проблемы мотивации брака имеет большое теоретическое и практическое значение, так как позволяет раскрыть взаимодействие биологического и социального в человеке, взаимосвязь сознательного и неосознанного в его поведении.

Вместе с тем мотивация брака является специфическим мерилем положения личности в данном историческом общественном организме, отражением сложных и многообразных человеческих отношений.

Мотивы вступления в брак и этическая самооценка взаимоотношений в браке исследовались в 1966—1967 гг. у студентов I и IV курсов (871 чел.) Пермского политехнического института (ППИ) и у работников (рабочие — 1774 чел., служащие — 453, ИТР — 316 чел.) Пермского отделения Свердловской железной дороги (Пермское отделение ж. д.)¹. Опрос проводился на основе строго районированной выборки.

Правоммерно сводить мотивацию брака к трем основным факторам: собственно биологическому, социально-культурному и экономическому.

Все три мотива взаимосвязаны; характер их взаимоотношений обусловлен степенью и типом социального и культурного развития данной социальной совокупности людей.

Социалистическое общество открывает в мотивации брака новый этап, поскольку снижается значение экономических мотивов

брака, которые преодолеваются по мере перехода к распределению по потребностям. Это вызывает соответственные изменения в структуре семьи и в ее формах. Однако в данном случае мы ограничимся лишь анализом мотивации брака в настоящий момент.

Биологическая мотивация брака бесспорно сама по себе безразлична к социальному. Однако та или иная степень социально-культурного развития обуславливает различные формы, различные направления и выражения сексуальных потребностей.

Ответы работников Пермского отделения ж. д. и студентов ППИ на вопрос об оценке места и роли любви в человеческих отношениях (табл. 1) показывают, что большинство опрошенных высоко оценивает любовь как необходимую в современном обществе социально-культурную форму выражения личности. Только незначительная часть опрошенных утверждает, что «все разговоры о любви надуманны». Удельный вес этой категории лиц возрастает у групп с меньшим уровнем общего развития и образования и среди женщин (почти все опрошенные служащие — женщины). Несколько больше группа лиц, считающих, что «разговоры, книги, кинофильмы о любви содержат преувеличения», однако в этом суждении сама любовь отнюдь не отвергается, а дается лишь скептическая оценка ее «розового» изображения.

Таблица 1

Опрошены*	Любовь необходима	Роль любви преувеличена	Отвергают любовь	Иные ответы
Рабочие	75,2	14,3	6,2	4,3
Служащие	63,2	19,2	9,6	8,0
ИТР	78,1	12,0	2,1	7,8
Студенты I к. . . .	82,9	6,8	1,5	8,8
» IV к.	70,5	16,2	1,5	11,8

* Учтены ответы (в %) как не состоящих, так и состоящих в браке.

Примечание. В табл. 1—3 число лиц в каждой из групп по горизонтали принимается за 100%.

Брак в нашей стране является единственно одобряемой формой взаимоотношений полов. Между тем, по данным сексологов, значительная часть молодых людей фактически начинает половую жизнь до вступления в брак. Это связано с тем, что половое созревание у современных молодых людей опережает их психологическую готовность вступить в длительный и ответственный брачный союз.

¹ Опрос работников Пермского отделения ж. д. проводился сотрудниками лаборатории социологии ППИ А. М. Баландиным, В. В. Прокиным, А. Н. Пономаревым, В. Л. Соболевым, опрос студентов ППИ — группой студентов факультета общественных профессий под руководством В. М. Лихачева и автора статьи.

Если же брачный союз заключается рано, то его прочность проблематична. В 1966 г. 5% общего числа женившихся мужчин были моложе 20 лет, из них 66,8% женились на ровесниках, а 33,2% — на женщинах старше себя². Большинство этих браков через 7—12 лет, когда станет более ощутимой разница в возрасте, подвергнется тяжелым испытаниям.

Довольно высок удельный вес разводов после кратковременного брака: из общего числа разводов за 1966 г. в 30,2% случаев брак длился менее 4 лет. А между тем дети появляются сразу. В 1966 г. число молодых матерей в возрасте до 20 лет составило 57,8% по отношению к числу женщин той же возрастной группы, вступивших в брак в том же году, причем у 6,9% рожавших это был уже не первый ребенок. Например, у студентов IV курса ППИ (здесь вряд ли рождение ребенка было сознательно запланировано родителями) 62,4% общего числа состоявших в браке уже имели детей.

Ранние браки и особенно ранняя беременность ставят молодых женщин в неравное положение, мешая им работать и учиться. Страдает здесь и этическая сторона брака, так как супруги не успевают освоить новые для себя отношения. Зачастую страдает и физиологическая сторона: при беременности, наступающей сразу же после заключения брака, далеко не всегда успевает полностью завершиться превращение девушки в женщину.

По мотивации браки можно подразделить на три подгруппы: брак по любви (во всяком случае сами вступившие в брак именно так оценивают мотивы собственного поведения), брак по стереотипу поведения («потому что все так делают»), брак по расчету («вынудили... тяжелые условия жизни; подумать о чувствах в то время просто не было возможности») (табл. 2).

Таблица 2

Опрошены*	Брак по...			
	любви	стереотипу	расчету	Иные
Рабочие	72,0	16,7	8,9	2,4
Служащие	64,5	22,8	9,4	3,3
ИТР	71,5	20,2	4,9	3,4
Студенты IV к.	86,1	8,8	5,1	—

* Учтены все (в %) состоявшие в браке как в момент опроса, так и ранее.

² «Вестник статистики», 1967, № 11, стр. 88—95.

Первый — и основной — мотив не нуждается в особых пояснениях. Второй мотив можно интерпретировать, как воздействие биологического стимула брака, не облакаемого (или почти не облакаемого) в какую-либо развитую социально-культурную форму индивидуального сознания и потому опирающегося на стереотип, на рефлекс подражания. Наконец, третий из указанных мотивов — чисто экономический — восходит к традиционной социальной практике прошлого.

Социальная мотивация брака отражает процесс постепенного освобождения человека при социализме от власти вещей, от чисто экономических факторов. Однако и теперь довольно значительная часть вступающих в брак среди наиболее культурной и образованной части общества не всегда имеет четко осознанное чувство любви.

Анализ мотивации, однако, не исчерпывается моментом вступления в брак. Каковы бы ни были мотивы вступления в брак, в дальнейшем может произойти изменение и даже замещение мотивов.

В табл. 3 дается оценка (в %) опрошиваемыми своей семейной жизни сравнительно с первоначальным мотивом вступления в брак. Чтобы глубоко проанализировать эти данные, необходимы дополнительные материалы, которыми мы не располагаем; поэтому выводы следует считать лишь гипотезой, нуждающейся в последующей проверке.

В ходе семейной жизни, конечно, возможен пересмотр первоначальных мотивов. Благоприятная семейная жизнь может породить иллюзию, что непосредственным мотивом брака была любовь,

Таблица 3

Опрошены	Семейная жизнь		Прочие
	счастливая	неудавшаяся	
Рабочие	58,7	38,9	2,4
В том числе			
мужчины	64,6	33,6	1,8
женщины	50,0	46,8	3,2
Служащие	49,1	47,6	3,3
В том числе			
мужчины	70,0	25,0	5,0
женщины	48,0	48,8	3,2
ИТР	67,8	28,8	3,4
В том числе			
мужчины	74,5	23,6	1,9
женщины	56,7	37,5	5,8
Студенты IV к.	81,4	18,6	—

и наоборот. Трансформация мотивов в ходе совместной жизни является еще более сложной по ее влиянию на оценку человеком своей семейной жизни.

Совместная жизнь, начатая по стереотипу поведения, т. е. по неосознанному инстинкту, может перерасти в любовь. Возможно, что и совместная жизнь, начатая не без учета меркантильных соображений, может в дальнейшем породить любовь. Однако почти в каждой из социальных групп (табл. 4) число неудавшихся

Таблица 4

Опрошенны	Брак по любви		Брак по стереотипу		Брак по расчету	
	счастли- вый	неудав- шийся	счастли- вый	неудав- шийся	счастли- вый	неудав- шийся
Рабочие	56,5	43,5	73,7	26,3	64,8	35,2
Служащие	51,5	48,5	51,8	48,2	44,2	55,8
ИТР	70,2	29,8	74,0	26,0	58,8	41,2
Студенты IV к.	82,7	17,3	73,7	26,3	72,7	27,3

Примечание. В табл. 4 и 5 приведены уд. веса (в %) лиц, так или иначе оценивших свою семейную жизнь, по отношению к численности соответствующей подгруппы по мотивации брака = 100.

браков было наибольшим именно среди тех, кто вступил в брак по расчету.

Попытаемся интерпретировать относительно высокий процент неудавшихся браков по любви. В таком браке играет огромную роль неизбежная идеализация партнера. Брак по любви, следовательно, связан с максимумом требований, осуществить которые гораздо сложнее и труднее, чем требования брака по расчету или брака, мотивированного стереотипом поведения. Не надо забывать также, что на известном уровне эмоциональной культуры люди часто склонны называть любовью такое взаимное влечение, где биологические мотивы фактически доминируют над духовными. Такое влечение легко может перерасти в любовь, но столь же легко может и прекратиться.

Говоря о трансформации мотивов под влиянием условий жизни в браке, необходимо отметить, что, по данным табл. 5, среди рабочих Пермского отделения ж. д., вступивших в брак по стереотипу поведения и по расчету, наиболее низкий (и резко выделяющийся по своей величине) удельный вес неудавшихся браков у тех, кто живет в отдельной квартире, затем следуют живущие в собственном доме и т. д. Хорошие условия жизни даже при весьма шатком побудительном мотиве могут упрочить брак.

Во всяком случае, жилищные условия (кроме самого крайнего случая — общей комнаты, в которой наиболее тягостно влюблен-

Таблица 5

Жилищные условия рабочих	Брак по любви		Брак по стереотипу		Брак по расчету	
	счастли- вый	неудав- шийся	счастли- вый	неудав- шийся	счастли- вый	неудав- шийся
Отдельная квартира . .	60,1	39,9	82,1	17,9	76,2	23,8
Собственный дом . . .	63,4	36,6	78,0	22,0	66,7	33,3
Отдельная комната . .	51,7	48,3	69,4	30,6	55,0	45,0
Площадь родителей . .	64,0	36,0	55,0	45,0	50,0	50,0
Общая комната, обще- житие и т. п.	37,2	62,8	54,6	45,4	50,0	50,0

ным) повлияли на развитие брака по любви меньше, чем на браки, заключенные по другим мотивам. Может быть, на вступивших в брак по любви благотворно повлияла совместная жизнь с родителями (в собственном доме и на площади родителей); конфликтная сторона, очевидно, перекрывалась помощью родителей в уходе за детьми и в ведении домашнего хозяйства.

Удельный вес вступивших в брак по стереотипу у тех, кто проживал вместе с родителями, в 1,5 раза выше, чем у ближайшей к ним группы, и более чем в 2,5 раза выше минимального. Поведение в соответствии со стереотипом скорее всего и является следствием давления родителей. Удельный вес вступивших в брак по расчету у проживавших в собственном доме был в 1,5 раза выше, чем в ближайшей группе, и почти в 2 раза выше, чем минимальный. Комментарии здесь излишни. Столь же высок этот процент и у проживавших в общей комнате. Здесь уже отсутствие минимальных условий для полноценной самостоятельной жизни подталкивало людей к браку по расчету.

Характерно, что среди рабочих удельный вес неудавшихся браков наиболее высок у проживавших в общей комнате (57,1%) и наиболее низок у проживавших в отдельной квартире или собственном доме (34,0%).

Среди обследованных нами социальных групп немало лиц (от 18,6 до 47,6%), вступивших в брак по тем или иным мотивам, продолжает совместную жизнь, несмотря на то, что считает брак неудавшимся, несчастливым. Брак здесь безусловно теряет эмоциональную окраску и продолжается по мотивам, лежащим вне любви, вне потребности в духовном общении, а часто и вне собственной сексуальной привлекательности.

Сами мотивы вступления в брак распределяются таким образом, что можно говорить о существенных различиях в уровне и типе культуры, типе нравственности опрошенных. Низкая общая культура обуславливает такое положение, когда элементарное влечение именуется любовью, а социально-культурная сторона брака

недооценивается. Это говорит о необходимости пристального внимания к проблемам этического воспитания молодежи.

Существует взаимосвязь между оценками своей семейной жизни и своей работы (табл. 6). При этом оценка брака зависит и от критериев, с помощью которых оценивается сама работа (табл. 7).

Таблица 6

Оценка своей работы		Брак счастли- вый	Брак неудав- шийся	Прочие
Рабочие	Положительная	61,7	36,6	1,7
	Отрицательная	51,4	44,1	4,5
Служащие	Положительная	50,1	46,8	3,1
	Отрицательная	50,0	44,2	5,8
ИТР	Положительная	71,8	24,3	3,9
	Отрицательная	51,8	40,9	2,3

Примечание. В табл. 6 и 7 учтены лица, давшие оценку и работы и семейной жизни, в % к численности соответствующей подгруппы = 100.

Таблица 7

Оценка своей работы		Брак счастли- вый	Брак неудав- шийся	Прочие
Рабочие	По содержанию	63,0	35,6	1,4
	По величине зарплаты	55,9	40,9	3,2
Служащие	По содержанию	55,7	40,0	4,3
	По величине зарплаты	42,4	55,5	2,1
ИТР	По содержанию	69,9	26,0	4,1
	По величине зарплаты	66,2	31,6	2,2

Данные табл. 8 свидетельствуют о существовании зависимости между семейной жизнью и оценкой своей общей жизненной ситуации. Оценка жизненной ситуации и оценка брака у ИТР выше, чем у служащих. Положительная оценка общей жизненной ситуации гораздо теснее связана с оценкой семейной ситуации, чем

Таблица 8

Оценка общей жизненной ситуации*			Оценка семейной жизни	
			счастливая	неудавшаяся
Служащие	Положительная	21,5	83,1	16,9
	Отрицательная	36,4	26,7	73,3
	Неопределенная	42,1	53,3	46,7
ИТР	Положительная	38,8	87,6	12,4
	Отрицательная	14,4	27,8	72,2
	Неопределенная	46,8	67,8	32,2

* В % к численности социальной группы = 100%.

негативная, которая зависит от более широкого круга социальных факторов. В позитивной и негативной оценке общей жизненной ситуации роль семейных отношений практически одинакова и у ИТР, и у служащих, но среди оценивших жизненную ситуацию как неопределенную семейные отношения играют у ИТР более существенную роль.

В заключение рассмотрим взаимосвязь ценностных ориентаций и мотивов брака у служащих и ИТР (751 чел.) Пермского отделения ж. д. (табл. 9 и 10).

Анализ выбора ценностных ориентаций по-своему раскрывает основные тенденции развития личности в меняющейся социальной среде. С другой стороны, анализ мотивации брака является одной из немногих форм, где методами конкретного социологического исследования удастся прямо выразить в количественной форме моральные критерии специфического социального поведения личности. Мотивы брака — такие моральные критерии поведения, которые, пожалуй, наиболее устойчиво и осознанно интерпретируются личностью. В мотивах брака четко фиксируется общий нравственный прогресс, который, разумеется, не сводится только к изменениям в мотивации брака.

Ценностная ориентация оказывает существенное влияние на мотивацию брака. Здесь можно выделить две крайних тенденции, два полюса.

Один из этих полюсов — ориентация на творчество (табл. 9). В этой группе максимум браков по любви, минимум — по стереотипу поведения (т. е. по конформистскому подходу к жизненным проблемам). Творческая ориентация личности влечет за собой и более высокие этические требования к собственному поведению, более высокие требования к осознанию мотивов поведения. К твор-

Таблица 9

Ценностные ориентации	Мотивы брака*		
	по любви	по стереотипу	по расчету
Материальная обеспеченность	65,8	25,8	8,4
Личная жизнь (любовь, благополучие в семье, дети и т. п.)	70,4	22,2	7,4
Продвижение по службе	56,4	22,6	21,0
Чистая совесть	71,0	22,1	6,9
Удовлетворенность работой	70,9	22,9	6,2
Веселое времяпрепровождение	62,3	27,3	10,4
Возможность творчества	75,0	17,3	7,7
Наличие друзей, уважение окружающих . .	68,5	24,0	7,5
Хорошая обстановка в обществе, коллективе .	68,7	24,1	7,2

* В % к каждой из ценностных ориентаций = 100.

Примечание. В табл. 9 и 10 учтены ответившие на обе группы вопросов. При выборе ценностных ориентаций можно было называть любое количество предпочитаемых ценностей в любом наборе. Ценности были заданы в виде закрытого вопроса.

Таблица 10

Подгруппы по мотивам брака	Ценностные ориентации*								
	Материальная обеспеченность	Личная жизнь	Продвижение по службе	Чистая совесть	Удовлетворенность работой	Веселое времяпрепровождение	Возможность творчества	Наличие друзей, уважение окружающих	Хорошая обстановка в обществе, коллективе
По любви	48,1	77,1	8,6	60,9	42,5	11,8	9,6	44,9	46,9
По стереотипу . . .	57,8	74,5	10,5	57,8	42,1	15,8	6,8	48,1	50,3
По расчету	61,0	80,6	31,7	58,6	33,6	19,5	9,7	48,8	48,8

* В % к численности соответствующей подгруппы по мотивам брака.

еру, на продвижение по службе. Такие люди реже вступают в брак по любви и чаще — в брак по расчету. Трудно утверждать, означает ли ориентация на карьеру стремление лишь к относительно бескорыстному эмоциональному самоутверждению личности. Однако эта ориентация связана с наименее нравственной мотивацией брака, что можно в данном исследовании считать эмпирически доказанным. К ориентации на служебную карьеру в предложенном нами наборе ценностных ориентаций примыкают ориентации на «веселое времяпрепровождение» и на «материальную обеспеченность».

В группе вступивших в брак по расчету (табл. 10) можно отметить максимальную ориентацию на «материальную обеспеченность», на «продвижение по службе», «веселое времяпрепровождение»; в группе вступивших в брак по любви — максимумы по «чистой совести», по «удовлетворенности работой». Столь же характерны и сопоставления пар противоположных ценностных ориентаций. Достаточно сравнить такие пары, как «продвижение по службе» и «возможность творчества», «чистая совесть» и «материальная обеспеченность», «удовлетворенность работой» и «веселое времяпрепровождение», чтобы выяснить ориентацию на более высокие жизненные ценности у вступивших в брак по любви по сравнению с вступившими в брак по расчету.

Таким образом, анализ мотивации брака, сопряженный с анализом отношения к труду, общей оценки жизненной ситуации и ценностной ориентации, позволяет вплотную подойти к эмпирическому исследованию некоторых весьма существенных аспектов нравственного прогресса общества в целом.

ческой ориентации личности вполне закономерно примыкает и удовлетворенность работой, с которой в нашем исследовании, правда, связан несколько более высокий удельный вес браков по стереотипу поведения, но зато именно на эту группу лиц приходится и минимум браков по расчету. Сюда же тяготеет и прямая ориентация на высоконравственное поведение в любых жизненных ситуациях (так называемая «чистая совесть» в нашем наборе ценностей).

Другим полюсом нравственной дифференциации в зависимости от мотивов брака является ориентация людей на служебную карьеру,

О СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ РОЛЯХ РАБОТАЮЩЕЙ ЖЕНЩИНЫ

З. А. ЯНКОВА

Исследование условий фактического равенства женщины с мужчиной обычно либо ограничивается изучением новых общественных ролей, либо этим новым ролям противопоставляются все семейно-бытовые роли женщины.

Как свидетельствуют социологические материалы, новые общественные (производственные, социально-политические и др.) роли женщины не только детерминируют изменения ее семейно-бытовых ролей, но и сами зависят от положения женщины в семье и ее внутрисемейных функций. Квалифицировать семейно-бытовые роли женщины независимо от их характера и содержания как роли пережиточные, которые неизбежно будут отмирать по мере преобразования и совершенствования быта, методологически неверно.

Более того, оправданно различение семейно-бытовых ролей женщины в зависимости от их содержания, поскольку некоторые из них препятствуют, а другие, напротив, способствуют формированию личности женщины. Такое различие позволяет проанализировать структуру необходимого времени женщины, выявить резервы роста свободного времени, наметить пути совершенствования быта и стабилизации семьи.

Именно с этой целью в 1965—1967 гг. было проведено конкретное социологическое исследование¹, объектом которого являлись семейные женщины-работницы промышленных предприятий Москвы, Ленинграда и Пензы. Сбор материалов проходил как на промышленных предприятиях, так и в семье. Обследованные женщины группировались в зависимости от характера и содержания их труда, возраста, числа детей, т. е. на основе многоступенчатой, районированной выборки. Основными методами исследования были интервью и наблюдения, проводимые непосредственно социологами. Было опрошено 427 женщин. Структура выборки полностью со-

ответствовала структуре генеральной совокупности. Для разработки гипотезы, верификации результатов исследования и выработки практических рекомендаций использовались соответствующие материалы переписи населения 1959 г., данные текущей статистики, в том числе и заводской, а также материалы прессы.

Настоящая статья является частью большой многоплановой работы, посвященной характеристике социальных ролей женщины в социалистическом обществе.

По подсчетам экономистов, домашнее хозяйство в нашей стране ежегодно поглощает не менее 100 млрд. чел.-час., т. е. примерно 12 млрд. рабочих дней, что соответствует работе 45 млн. человек. При этом большая часть домашних обязанностей ложится преимущественно на плечи женщины.

Существует к тому же тенденция дальнейшего роста общего объема домашних обязанностей женщины. Если в начале 30-х годов, когда С. Г. Струмилин проводил первые исследования вне рабочего времени трудящихся в нашей стране, затраты женского труда на ведение домашнего хозяйства равнялись 4 час. в день, то сейчас они составляют, согласно данному исследованию, в среднем от 4 до 6 час. Объясняется это прежде всего изменившейся структурой затрат времени. Если раньше обязанности женщины по дому ограничивались преимущественно приготовлением пищи, уборкой помещения, стиркой и т. п., то сейчас основными занятиями стали воспитание детей, контроль за их занятиями, посещение детских учреждений, осуществление всех закупок по дому (включая и крупные затраты), организация досуга семьи и др., т. е. обязанности, не специфические для женщины в старой, патриархальной семье. Показательны в этом отношении материалы, собранные среди работниц кондитерской фабрики им. Марата (Москва). Около 65% работниц регулярно проверяют у своих детей уроки, навещают в школу, где учатся их дети. Остальные 35% разделяют эти и другие воспитательные функции с мужем и другими членами семьи. За женщиной, иными словами, не только сохраняются ее традиционные обязанности, но и появляются новые, требующие дополнительных сил и увеличивающие общий объем затрат вне рабочего времени. Возникает новое противоречие быта — противоречие между старыми и новыми бытовыми ролями женщины.

При этом традиционные обязанности женщины по дому занимают большую часть ее вне рабочего времени. По данным В. Д. Патрушева, затраты времени на обслуживание семьи, несмотря на все преобразования быта, составляют по-прежнему около 4 час. в день. Как свидетельствует конкретно-социологический анализ, это объясняется несколькими причинами.

Во-первых, изменением типа семьи. В отличие от 30-х годов современная городская семья состоит обычно лишь из двух поко-

¹ Программа его была повторена в 1970 г.

лений — супружеской пары и их детей. Родители супругов, а тем более другие родственники, как правило, проживают отдельно, не принимая участия в домашних делах новой семьи. В данной выборке лишь 15% семей живут совместно со стариками-родителями. Естественно поэтому, что работы по обслуживанию семьи ложатся преимущественно на плечи женщины — хозяйки дома. Только в 4,8% семей домашним хозяйством занимается мать работницы, в 3,6% — мать мужа и в 6,6% они отчасти помогают хозяйке дома. От 47 до 90% различных видов домашних работ выполняются самой работницей.

Во-вторых, в значительной части обследованных семей сохранился традиционный характер разделения труда: мужчина (чаще) не помогает или (реже) помогает незначительно в закупке продуктов, некоторых работах по дому.

В-третьих, темпы развития как общественных услуг, так и механизации быта недостаточны. Причем не все учреждения бытового обслуживания популярны. Чаще всего, согласно нашему обследованию, прибегают к услугам химчистки и мастерских по ремонту обуви (ими пользуется 33% семей), правда не более 2—3 раза в год, поэтому роль их в экономии времени сравнительно невелика. Далее следуют прачечная и пункты проката (10 и 8%); но процесс вовлечения семей в эти сферы обслуживания происходит медленно из-за недостатков в организации и размещения пунктов; столовые, домовые кухни и пр. пользуются минимальной популярностью (менее 5%).

Между тем приготовление пищи и покупка продуктов занимают у женщин более 50% времени, затрачиваемого на ведение домашнего хозяйства. А время, которое женщина вынуждена проводить в магазинах, не только не сокращается, но, напротив, растет. Достаточно отметить, что в 1940 г. на 10 тыс. населения приходилось 22 магазина, в 1965 г. их стало 28, в то время как спрос и покупательные возможности населения выросли в несколько раз. Кроме того, торговые точки не всегда удачно были размещены по территории города и неравномерно снабжаются товарами. Правда, в последнее время положение стало исправляться.

Сравнительно слабо обеспечены семьи обследованных работниц машинами бытового назначения. Лучшие показатели получены в Москве, но и здесь стиральные машины имеются лишь в 15% обследованных семей, холодильники — в 37%, пылесосы — в 20%. Оснащенность семей бытовой техникой в Ленинграде и Пензе еще меньше.

Отрицательное влияние на структуру затрат вне рабочего времени женщины оказывают также обыденные представления о престиже хозяйки. Многие работницы, преимущественно среднего и особенно пожилого возраста (40—60 лет), сравнительно низкого уровня общей культуры и профессиональной подготовки, склонны считать обслуживание семьи по-прежнему исключитель-

но или преимущественно женским делом. Отвечая на дополнительные вопросы анкеты, они подчеркивали, что «хорошая хозяйка всегда найдет время, силы и средства содержать дом в порядке», что «хорошая хозяйка не поленится лишний раз постирать и убрать в квартире», что «хорошей хозяйке не нужна особая помощь других членов семьи, но желательна механизация лишь наиболее трудоемких работ».

Преимущественно молодые свой престиж в семье усматривают прежде всего не в хорошем исполнении всех хозяйственных работ, а в роли организатора дома. Они подчеркивают необходимость равномерного разделения труда между членами семьи и не только механизацию домашних работ, но и дальнейшее развитие сферы коммунальных услуг.

Освобождение женщины-работницы от тяжелого труда по обслуживанию семьи, механизация и тем более индустриализация бытовых услуг — длительный и сложный процесс, для завершения которого необходимы не только экономические и социальные, но и определенные психологические предпосылки. По данным настоящего исследования, большинство женщин отдает предпочтение «малой механизации», т. е. оснащению дома бытовыми машинами, и гораздо меньшая часть — индустриализации услуг. На вопрос: «Что бы вы сделали, чтобы облегчить положение женщины?» — около 70% работниц ответили, что надо «увеличить число бытовых машин и пунктов их проката», около 30% — «увеличить число прачечных, столовых, расширить продажу полуфабрикатов и фасованных продуктов». В том числе только 25% опрошенных считает, что облегчить положение женщины в быту можно и путем более равномерного распределения всех обязанностей по дому, т. е. изменения структуры семьи.

По мнению многих женщин, при малой механизации и мужчины активнее включаются в трудовой процесс в семье, так как работа с механизмами более соответствует их представлениям о своем престиже. В результате трудовые функции членов семьи трансформируются, происходит более равномерное разделение труда и тем самым осуществляется действительное равенство. Индустриализации обслуживания многие опрошенные отводят ошибочно лишь вспомогательную роль — облегчить выполнение домашних работ. Из этого видно, что население не подготовлено еще к полной индустриализации бытового обслуживания. На современном этапе, учитывая уровень развития общественного производства и психологию людей, можно и нужно добиваться максимальной механизации домашних работ в условиях неполной индустриализации обслуживания. На следующем этапе коммунистического строительства индустриализация быта приобретет всеобъемлющий, универсальный характер, в результате чего произойдет замена домашнего хозяйства «общественными формами удовлетворения ма-

териально-бытовых нужд семьи»². Большое значение сохраняет и кооперация труда в быту.

Однако механизация домашних работ остается пока еще одной из важнейших проблем быта. Многие социологи подчеркивают, что оснащенность дома современным оборудованием непосредственно зависит от материального положения семьи, в том числе и заработной платы женщины.

Материалы данного исследования вскрывают более сложную зависимость. Чем больше женщина адаптируется к своей профессии и специальности, чем больше удовлетворяют ее условия труда на предприятии и коллектив, в котором она работает, тем больше времени она старается затратить на рост профессиональных знаний и общей культуры и тем активнее она стремится к механизации домашнего труда, облегчение которого ведет к увеличению ее свободного времени. Социально активная женщина, при прочих равных условиях, придает механизации быта значение больше, чем женщина социально пассивная.

Особое значение для организации быта семьи респондентки придают жилищным условиям. В наиболее трудных жилищных условиях находятся недавно сложившиеся семьи. По данным нашего выборочного исследования, самостоятельное благоустроенное жилье имеет лишь около 30% молодых работниц, недавно вступивших в брак. Остальные либо живут с родителями, занимая отдельную комнату (чаще часть комнаты), либо в семейном общежитии, либо, наконец, снимают комнату. Многие из них имеют маленьких детей. Молодожены занимают жилплощадь иногда ниже санитарных норм. Таким образом, на наиболее сложном этапе складывания молодой семьи, приобретения навыков материнства, совпадающем с периодом адаптации работницы к профессии, вживания ее в новый коллектив, женщина-мать оказывается в наименее благоприятных материально-бытовых условиях. Это противоречие, общее для молодых работниц всех изучаемых групп, особенно остро ощущается на Пензенском часовом заводе, где еще значительное число молодых работниц живет в общежитии или на частных квартирах, не имеющих удобств и расположенных далеко от завода.

Плохие жилищные условия молодой семьи не только усложняют домашний быт, но и отрицательно влияют на демографические процессы. Данные исследования показывают, что для таких семей характерна наиболее низкая рождаемость. В то же время в связи с интенсивным процессом отделения молодежи от родителей и образованием малых, так называемых «нуклеарных», семей в старых (оставляемых молодыми) семьях появляются излишки жилплощади (18—19 м² на человека). Возникает проблема рационального перераспределения жилой площади в зависимости от типа семьи.

² Программа Коммунистической партии Советского Союза, М., 1968, стр. 97.

Не до конца решенной проблемой быта остается общественное воспитание детей. По данным проведенного в 1965 г. выборочного обследования (10%-ная выборка), в городах с численностью населения до 100 тыс. чел. свыше 55% (в возрасте до 3 лет) и более 44% (в возрасте от 3 до 6 лет) детей нуждаются в устройстве в детские сады и ясли. При этом наблюдается значительная неравномерность в обеспеченности населения детскими учреждениями в различных городах и поселках страны, в разных кварталах и на разных предприятиях одного города. Наибольшая потребность в детских учреждениях, естественно, ощущается на новостройках, где процент молодых семей превышает процент стабилизовавшихся.

Но даже там, где потребности в детских учреждениях максимально удовлетворены, проблема ухода за детьми еще не совсем решена. Например, около 20% работниц фабрики им. Марата вынуждены оставлять детей на попечение других членов семьи или соседей. Не решена для всех женщин задача ухода за больными детьми.

Больше всего рабочих дней женщина пропускает в период воспитания своих малолетних детей, в связи с чем ее годовая зарплата значительно сокращается. Около 80% опрошенных считают, что «женщина должна воспитывать детей до 3 лет дома», так как в яслях они часто болеют. В то же время эти работницы не представляют свою жизнь вне производственной деятельности и без заработка. Многие из них желали бы перейти на время воспитания малолетних детей на неполный рабочий день с сокращенной зарплатой. По их мнению, это не только уменьшит число детских заболеваний, но и предотвратит переутомление матерей-работниц. Наличие маленьких детей — одна из главных причин текучести женской рабочей силы и незанятости части трудоспособного населения в общественном производстве. Именно женщины, воспитывающие малолетних детей, составляют наиболее значительную часть не занятого в общественном производстве трудоспособного населения.

Не полностью решен и вопрос воспитания детей школьного возраста. Только половина детей имеет возможность посещать школы и классы продленного дня, остальные остаются без надзора до прихода родителей с работы. Не случайно поэтому на вопрос анкеты: «В какой смене вам нравится работать больше?» 95% работниц ответили «в первой», аргументируя это большими возможностями, которые открывает утренняя смена для воспитания детей школьного возраста. К причинам, неблагоприятно влияющим на формирование детей, большинство работниц относит семейные ссоры, отрицательное влияние улицы, а также пребывание подростков без всякого присмотра в отдельных квартирах.

Все эти нерешенные проблемы быта обедняют свободное время женщины. Для 80% семей оно заполнено просмотром теле-

визионных передач или пассивным отдыхом; только 20% на вопрос анкеты: «Каким образом вы отдыхали последнее воскресенье?» — ответили, что были в кино, театре, в гостях, гуляли или читали.

Таким образом, развитие личности для части обследованных работниц ограничено из-за перегрузок, связанных с бытом. (На вопрос интервьюера: «Часто ли вы чувствуете усталость?» — значительная часть обследованных ответила: «Часто».)

Острый недостаток свободного времени у женщины отрицательно сказывается как на ее производственных, так и на семейно-бытовых ролях. Перед ней нередко встает альтернатива — профессиональный рост или налаженный дом, решаемая иногда в направлении отказа от первого ради второго. Социалистический путь разрешения этого противоречия — изменение структуры и организации быта.

Итак, установление равноправия женщины с мужчиной привело к тому, что женщина стала выполнять в семье качественно новые для нее функции — воспитателя, распорядителя бюджета, организатора дома и досуга семьи и пр. Новые внутрисемейные роли женщины полностью соответствуют ее общественным ролям, формируют ее как личность, способствуют раскрытию ее творческих потенций. Вместе с тем возникновение этих новых ролей не освободило большинство женщин от старых, традиционных ролей по обслуживанию членов семьи, что связано с наименее производительными работами, отнимающими максимум времени и сил, — уборкой, стиркой, приготовлением пищи, ремонтом одежды и пр. Возникает конфликт между новыми (общественными и семейными) и старыми семейно-бытовыми ролями. Старые роли, накладываясь на новые, общественные и внутрисемейные, создают непомерные физические и нервные перегрузки женщин, затрудняют реальное использование ею равных прав.

Необходимо отметить в этой связи односторонность господствующего в печати мнения, согласно которому новым политическим, правовым и общественным функциям женщины противостоят все ее внутрисемейные роли и обязанности, вне зависимости от их характера и содержания. При такой постановке вопроса в качестве важнейшей меры, снимающей это противоречие, предлагается разделение всех внутрисемейных обязанностей поровну между мужем и женой — мера, которая при всей своей значимости лишь облегчает положение женщины в быту, но не может выступать в качестве основного фактора, революционизирующего быт.

Обязанности по бытовому обслуживанию семьи в одинаковой степени противостоят общественным ролям как женщин, так и мужчин, сокращают бюджет их свободного времени, и потому равномерное их распределение должно рассматриваться лишь в качестве, хотя и важнейшей, но временной меры, пока не будет осуществлена индустриализация бытового обслуживания.

Коммунистический быт предполагает не равномерное распределение «рабских» функций, а уничтожение «домашнего рабства» как социального института, не разделение старых ролей женщины по обслуживанию семьи поровну с мужем, а ликвидацию вообще этих функций. В то же время коммунистический быт предполагает создание оптимальных условий для развития новых функций женщины в семье, для формирования на этой основе новых принципов внутрисемейного распределения тех обязанностей, которые в одинаковой степени присущи как женщине, так и мужчине.

Этот методологический вывод позволяет по-новому подойти к проблеме фактического неравенства женщин в быту, подчинив все конкретные мероприятия главной цели — изменению характера внутрисемейных функций. Для достижения этой цели необходимо создать оптимальные условия для непосредственного выполнения женщиной-работницей новых внутрисемейных ролей. Анализ конкретно-социологических материалов позволяет сформулировать ряд предложений и мер для решения этой задачи. По мнению женщин, прежде всего необходимо решить проблему общественного воспитания детей. Для этого нужно определить общую потребность в детских учреждениях, а также число матерей, желающих поступить на работу при условии устройства ребенка в ясли или в детский сад. Такой учет следует проводить по месту жительства не работающих на производстве матерей и по месту работы всех работающих.

Необходимо устранить сохраняющуюся в ряде городов неравномерность в обеспеченности населения детскими учреждениями. Например, в молодых, быстро растущих городах Сибири на 1000 жителей приходится часто в два раза больше детей дошкольного возраста, чем в старых, медленно растущих городах некоторых западных районов. Однако нормы обеспеченности населения детскими дошкольными учреждениями рассчитываются на 100 «средних» городских жителей, что объективно ставит население молодых городов Сибири в невыгодное положение и является одной из причин многочисленных выездов молодых семей на запад страны. При определении потребностей в детских дошкольных учреждениях нужно учитывать, что в некоторых республиках потребность в устройстве дошкольников невелика, несмотря на большое число детей в семьях.

В новом положении о социалистическом государственном предприятии предусмотрены специальные фонды для улучшения культурно-бытовых условий работников. Часть этих фондов должна расходоваться на строительство государственных и ведомственных детских учреждений. Контроль за выполнением этой задачи можно возложить на профсоюзные организации и женские советы на предприятиях, целесообразность создания которых уже отмечалась неоднократно в прессе.

Пока потребности в детских учреждениях не могут быть удовлетворены полностью за счет государственного строительства, целесообразно создание кооперативных детских яслей, садов, прогулочных групп. Их значение уже доказано жизнью. Воспитателями могут быть пенсионеры дома или микрорайона, в котором организовано такое учреждение. Помещения можно предусмотреть заранее в строящихся жилых комплексах. В помощь воспитателям для оборудования помещений, организации утренников и детской самостоятельности должны поочередно привлекаться родители. Аналогичную роль может сыграть и организация на кооперативных началах различных детских дошкольных групп при жэках и жку, а также комнат отдыха для школьников, родители которых работают. Наиболее целесообразные формы для таких учреждений можно выявить посредством широкого социального эксперимента.

В решении проблемы досуга детей и подростков важнейшее значение может иметь школа. Это подтверждает опыт работы, например, коллектива уфимской школы № 89, ставшей центром воспитательной работы в микрорайоне. Во главе с директором педагоги, члены родительского комитета, комитета ВЛКСМ школы обследовали все «неблагополучные» семьи микрорайона и места сборищ молодежи. В результате активной помощи жителей, и в первую очередь женщин, были выявлены все нетрудовые элементы и подростки, досуг которых ограничивался улицей. За ними был установлен постоянный контроль. Школа организовала постоянно действующий воскресный клуб для молодежи района и кружки по интересам. Взрослые, прежде всего родители учеников школы, стали активно участвовать в воспитательной работе не только с детьми и подростками, но и со взрослыми членами «неблагополучных» семей.

Не менее важно предоставить работнице льготы с тем, чтобы она могла осуществлять свои новые внутрисемейные функции, не отрываясь надолго и тем более не отказываясь совсем от производственной и общественной деятельности. Известно, что в силу ряда объективных обстоятельств женщина-мать всегда уделяет больше времени и сил детям и дому, чем мужчина; льготы явятся лишь некоторой компенсацией дополнительных бытовых нагрузок.

В этой связи целесообразно с точки зрения интересов не только общественного производства, но и семьи разрешить матерям, имеющим малолетних детей, работать неполный рабочий день на тех предприятиях, где это не мешает производственному циклу.

Там, где условия производства не позволяют перевести матерей на неполный рабочий день, следует, по нашему мнению, предоставлять им дополнительный отпуск и свободные дни. Кроме того, можно выделить один день, а многодетным матерям — два дня в

месяц для семейных нужд. Подобный эксперимент проведен в ГДР и дал хорошие результаты. Организация в нашей стране пансионатов на кооперативных началах для родителей с детьми позволит женщинам, имеющим маленьких детей, полноценно отдохнуть.

Для предотвращения неблагоприятных демографических последствий чрезмерной перегрузки женщины на работе и дома необходимо продлить число подлежащих оплате дней по уходу за больным ребенком, а выплату пособия начинать не с четвертого ребенка, как сейчас, а со второго. Судя по опыту некоторых других социалистических стран, можно ставить также вопрос о дальнейшем увеличении отпуска по беременности и родам — до 20—22 недель.

Для решения задач механизации и индустриализации бытовых услуг необходима координация усилий всех государственных и общественных учреждений. В настоящее время планированием учреждений быта и развитием общественных услуг занимаются в основном министерства бытового обслуживания, а проблемами бытовой техники и механизации домашнего труда — министерства торговли.

Производство бытовой техники должно быть согласовано с покупательским спросом как по номенклатуре, так и ассортименту, а также приспособлено к планировке современного жилища. Уже на основе предварительных опросов очевидна необходимость расширения производства холодильников и стиральных машин. Желательна и торговая реклама лучших современных образцов бытовой техники.

Интересен опыт некоторых районов Москвы по созданию на кооперативных началах пунктов проката бытовых машин, что снижает потребности в производстве этих приборов. Государственные пункты проката целесообразнее всего организовывать при домах быта и комбинатах бытового обслуживания. Решению тех же задач будет способствовать рост числа ателье по ремонту бытовых машин с обслуживанием населения на дому. Выборочные социологические исследования помогут скоординировать развитие таких ателье с планами продажи бытовой техники, чтобы не произошло сокращение покупательского спроса.

Большие резервы совершенствования сферы обслуживания кроются в улучшении организации труда работников этой сферы, а также в решении проблемы полуфабрикатов и расфасовки товаров. В учреждениях общественного питания, где широко используются полуфабрикаты, выработка одного кулинара повышается в 1,5—2 раза. В магазинах около 20% рабочего времени продавцов тратит на взвешивание товаров и 17% — на их упаковку. Индустриальный метод расфасовки товаров экономит более трети времени. Для лучшего обслуживания потребителя был бы целесообразен переход от индивидуального метода обслуживания (за продавцом закреплено определенное рабочее место — стол, прилавок)

к бригадному, при котором клиента обслуживает любой свободный работник. Эта форма организации труда, так же как и самообслуживание, экономит время клиента.

Планируемые в восьмую пятилетку рост торговли, развитие общественного питания, служб быта следует осуществлять с учетом особенностей современного территориального размещения уже существующих учреждений торговли, общественного питания и обслуживания.

Наряду с крупными торговыми предприятиями и учреждениями общественного быта, обслуживающими район в целом, необходимо создавать небольшие и средние по размеру предприятия, обслуживающие жителей каждого микрорайона или крупных жилых комплексов. Их рентабельность обеспечена связью с соответствующими головными предприятиями района, филиалами и пунктами которых они будут являться.

Как показал нуждающийся в изучении опыт других социалистических стран, небольшие кафе, закусочные, буфеты, молочные, столовые, киоски, ларьки, филиалы ремонтных мастерских и др., обслуживающие жилые комплексы и микрорайоны, решают многие проблемы домашнего хозяйства и способствуют постепенному переводу его на индустриальные рельсы.

Необходима организация четких диспетчерских служб, столов заказов в магазинах и домах быта, а также широкое обслуживание на дому — прием белья в стирку, доставка готовых заказов и продуктов, уборка помещения и т. п.

Облегчению бытовых ролей женщины также способствует обслуживание трудящихся непосредственно на производстве: организация на предприятиях отделений, приемных пунктов, филиалов магазинов и служб быта.

Практической мерой, способствующей преобразованию внутрисемейных отношений, является приспособление внутренней планировки дома к фазам развития семьи и росту ее культурных потребностей. Необходимо систематическое перераспределение жилья и, в частности, упрощение операций по его обмену. Значительного улучшения жилищных условий можно добиться за счет дальнейшего совершенствования планировки строящихся жилых комплексов. Известно, что каждому человеку для успешного духовного развития необходимо иметь даже в своей семье отдельное помещение. Исследования показывают, что в тех случаях, когда семья обеспечена жилой площадью в целом удовлетворительно, такой возможности для каждого из членов семьи, как правило, нет. Необходимо поэтому применять в домостроительстве легкие раздвижные стены, с помощью которых можно было бы самостоятельно менять планировку квартиры в соответствии с потребностями. Целесообразно строить общежития молодоженов, состав жильцов в которых должен периодически меняться по мере получения семьями собственной площади. Планировка этих общежитий должна учиты-

вать потребности молодой семьи (помещение для досуга, красные уголки, комнаты отдыха, комнаты для детей и др.).

Преобразованию структуры семьи служит создание в каждом микрорайоне города не только общественных советов и комиссий при жэках, но и специальных женских советов. При умелом руководстве (с привлечением партийных, комсомольских работников, социологов, врачей, педагогов) эти советы могут стать опорными пунктами формирования коммунистического быта женщин. Тем же целям служат клубы по интересам. Все большее значение приобретают контакты, связанные с профессионально-культурными и духовными интересами. Клуб сделал бы досуг многих жителей микрорайона (не только неработающих женщин, пенсионеров, учащихся, но и работающих женщин, у которых мало свободного времени для поездки в клуб, далеко отстоящий от дома) содержательным, способствовал бы укреплению общественных связей и формированию общественного мнения микрорайона.

В отличие от других социологов, занимающихся проблемами урбанизации, нам представляется, что создание таких культурных очагов в микрорайонах несколько не противоречит росту культурной значимости центра города.

Предлагаемые в статье меры социального регулирования, по мнению обследованных женщин, будут способствовать не только созданию оптимальных условий для образования семьи нового типа, но и формированию творческой, социально-активной личности женщины.

ПРОБЛЕМЫ СЕМЬИ И БЫТОВОЙ МОРАЛИ В СОВЕТСКОЙ СОЦИОЛОГИИ 20-х ГОДОВ

В. З. РОГОВИН

Октябрьская революция пробудила к жизни новое поколение, которому предстояло определить пути переустройства своей не только общественной, но и личной жизни. Вся сфера половой и семейной морали должна была подвергнуться коренной ломке, призванной радикально изменить как нравственные отношения, так и нравственные чувства людей. «...В эту эпоху, когда рушатся могущественные государства, когда разрываются старые отношения господства, когда начинает гибнуть целый общественный мир, в эту эпоху чувствования отдельного человека быстро видоизменяются, — говорил В. И. Ленин в беседе с К. Цеткин. — Формы брака и общения полов в буржуазном смысле уже не дают удовлетворения. В области брака и половых отношений близится революция, созвучная пролетарской революции»¹. Для Ленина было очевидно, что эта революция представляет собой длительный и противоречивый процесс, который невозможно декретировать никаким постановлением, невозможно предугадать во всех деталях.

Революционная ломка в области брака и половых отношений, по мысли Ленина, самым тесным образом связана с пробуждением самосознания новой личности, со становлением новой системы идейных и нравственных ценностей. «В атмосфере последствий войны и начавшейся революции старые идеологические ценности рушатся, теряя свою сдерживающую силу. Новые ценности выкристаллизовываются медленно, с борьбой. Взгляды на отношения человека к человеку, на отношения мужчины к женщине революционируются, революционируются и чувства и мысли»².

Совершенно естественно, считал Ленин, что «распад, гниение, грязь буржуазного брака с его трудной расторможностью,

свободой для мужа и рабством для жены, гнусная лживость половой морали и отношений наполняют лучших людей чувством глубокого отвращения»³. В. И. Ленин подчеркивал вместе с тем, что в условиях, когда жизнь с достаточной ясностью не выдвинула еще удовлетворительной альтернативы практике буржуазного брака, искания в области половой морали неизбежно должны принимать крайне напряженную, мучительную форму. Старая семья проходила свою разрушительную стадию, черты новой еще не определились. Поиски новых, соответствующих коммунистическому моральному сознанию норм половых отношений носили в этих условиях уже не прежний отвлеченный, абстрактно теоретический характер, они были связаны с «медленным и часто очень болезненным процессом исчезновения и зарождения» нравственных ценностей. На первых порах протест личности против традиционных, идущих от буржуазного общества, нравственных норм и отношений способен был вылиться в анархические или разнузданные формы. Необходима была серьезная теоретическая разработка основ новой половой морали.

Поставленное этой коренной нравственной ломкой на очередь «чрезвычайно запутанное сплетение вопросов глубоко занимает как женщин, так и молодежь. И те и другие особенно сильно страдают от нынешней неурядицы в области половых отношений. Молодежь восстает против этого со свойственной ее возрасту бурностью»⁴. Однако Ленин с острой тревогой относился к тому, что вопросы пола становятся центральными в психике молодежи, последствия чего «бывают прямо роковыми». В результате эти вопросы «не воспринимаются как части главного социального вопроса. Наоборот, большой общественный вопрос начинает сам казаться частью, придатком проблемы пола. Самое главное отступает на задний план как второстепенное. Это не только вредит ясности в этом вопросе, это вообще затемняет мышление, затемняет классовое сознание...»⁵

«Значительная часть нашей лучшей, действительно многообещающей молодежи», подчеркивал Ленин, усердно занимается «ревизией буржуазного понимания и буржуазной морали» в вопросах пола и искренне считает свою позицию «революционной» и «коммунистической». Однако в попытке опереться на теорию она нередко попадает под влияние специфической литературы, «которая пышно расцвела на навозной почве буржуазного общества». Выдвигаемое в этой литературе «изобилие теорий пола, которые большей частью являются гипотезами, притом часто произвольными», по мысли Ленина, вытекает из стремления оправдать перед буржуазной моралью собственную ненормальную или чрез-

³ Там же, стр. 46.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 44.

¹ «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 5. М., 1969, стр. 46.

² Там же, стр. 45.

мерную половую жизнь. «Как бы бунтарски и революционно это занятие ни стремилось проявить себя,— замечал Ленин,— оно все же в конце концов вполне буржуазно»⁶.

Необходимым условием действительно плодотворного решения вопросов бытовой морали Ленин считал рассмотрение их с точки зрения выдержанного, жизненного исторического материализма, что предполагает многостороннее знание, «отчетливейшее марксистское овладение огромнейшим материалом».

За последние годы стала появляться серьезная этико-эстетическая литература, дающая развернутую марксистскую критику фрейдистской концепции любви и находящихся под влиянием этой концепции направлений в литературе и искусстве, и социологические работы, посвященные анализу проблем пола и брака в современном обществе. Однако даже в самых содержательных современных трудах по социологии недостаточно учтена социологическая и этическая традиция 20—30-х годов, исторический опыт напряженных и многосложных исканий советской науки, публицистики, литературы и искусства. Социологическая мысль 20-х годов не только обобщала реальные процессы формирования новой семьи, но и пыталась наметить перспективы ее развития при социализме и коммунизме. Разумеется, система взглядов на проблемы пола и семьи в те годы не могла обладать полной стройностью и определенностью, что было связано с текучестью, незавершенностью, крайней противоречивостью самих жизненных процессов в этой области.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что большевистская революция оказалась единственной последовательно демократической революцией в отношении к таким вопросам, как брак, развод и положение внебрачных детей. «Ни одна демократическая партия в мире ни в одной из наиболее передовых буржуазных республик за десятки лет не сделала, в этом отношении, и сотой доли того, что мы сделали за первый же год нашей власти.— Писал он в работе «Великий почин».— Мы не оставили в подлинном смысле слова камня на камне из тех подлых законов о неравноправии женщины, о стеснениях развода, о гнусных формальностях, его обставляющих, о непризнании внебрачных детей, о розыске их отцов и т. п.,— законов, остатки которых многочисленны во всех цивилизованных странах к позору буржуазии и капитализма. Мы имеем тысячу раз право гордиться тем, что мы сделали в этой области»⁷.

В нравственном плане советское брачно-семейное законодательство представляло самый действенный удар по буржуазному ханжеству и лицемерию. Этот факт, отмечал Ленин, критикуя

социологические труды Питирима Сорокина, который утверждал, что «современный легальный брак — форма, скрывающая по существу внебрачные половые отношения и дающая возможность любителям «клубники» «законно» удовлетворять свои аппетиты». Свой мнимоморальный вывод Сорокин основывал на брачно-разводной статистике, согласно которой на 10 000 браков в Петербурге приходилось 92,2 развода — цифра, которую он называл фантастической. «Если г. Сорокину 92 развода на 10 000 браков кажется цифрой фантастической,— писал по этому поводу Ленин,— то остается предположить, что либо автор жил и воспитывался в каком-нибудь настолько загороженном от жизни монастыре, что в существование подобного монастыря едва кто-нибудь поверит, либо что этот автор искажает правду в угоду реакции и буржуазии. Всякий сколько-нибудь знакомый с общественными условиями в буржуазных странах человек знает, что фактическое число фактических разводов (конечно, не санкционированных церковью и законом) повсюду неизмеримо больше. Россия в этом отношении отличается от других стран только тем, что ее законы не освящают лицемерия и бесправного положения женщины и ее ребенка, а открыто и от имени государственной власти объявляют систематическую войну против всякого лицемерия и всякого бесправия»⁸.

Революционное законодательство значительно упростило брачную процедуру, отменило всякие ограничения для вступления в брак, устранило прежние препятствия к разводу. Все это резко стимулировало рост браков и способствовало легализации старых, бывших прежде юридически неоформленными сожительств. В одной из первых книг по советскому семейному праву отмечалось небывалое число браков, заключенных в Петрограде в 1919 г., несмотря на гражданскую войну, голод, эпидемии и т. д.⁹

Новое законодательство, создав предпосылки для новых семейных отношений, одновременно породило весьма острые и трудно разрешимые нравственные проблемы. «Советское законодательство разбило железные обручи, калечившие жизнь сотен и тысяч людей,— писал видный правовед 20-х годов И. Ильинский.— Вступление в брак и выход из него стали совершенно свободны. Законодатель руководствовался, по-видимому, двоякого рода соображениями. Во-первых, он исходил из нравственной предпосылки свободы чувства, не подчиненной правовому регулированию. Во-вторых, советский законодатель не видел надобности в сохранении во что бы то ни стало прочности и ненарушимости семьи, столь

⁶ «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 5, стр. 43.

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 23.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 33.

⁹ См. А. Гойхбарг. Брачное, семейное и опекуное право Советской республики. М., 1920, стр. 65.

любезной сердцу всех буржуазных законодателей, как твердая опора собственности и порядка»¹⁰.

Но одно лишь провозглашение свободы вступления в брак и выхода из него не могло автоматически привести к установлению гармоничных и здоровых отношений между полами. Обнаружилось, что правовые нормы значительно опередили как реальный экономический уклад, на котором только и возможно создание новых семейных отношений, так и общественную психологию и нравы людей, по своей природе несущие весьма ощутимый заряд косности и консерватизма.

«...Чем чище очистили мы почву от хлама старых, буржуазных, законов и учреждений, тем яснее стало для нас, что это только очистка земли для постройки, но еще не самая постройка»¹¹, — писал Ленин, касаясь задач строительства новой, социалистической семьи. Е. Ярославский ссылаясь в середине 20-х годов на ряд серьезных научных исследований, даже принадлежащих буржуазным писателям Западной Европы, в которых признавалось, что нигде нет такого совершенного семейного законодательства, как в Советском Союзе; «но одно дело — написать хороший закон, а другое дело — создать фактическую основу, чтобы этот закон проводился в жизнь; и тут мы должны сказать, что без радикальной перестройки всего нашего хозяйства мы этого вопроса правильно не сможем разрешить»¹².

Советская семья рождалась в обстановке войны и хозяйственной разрухи, создававших крайне тяжелые условия для ее нормального функционирования. Устанавливаемые в годы гражданской войны брачные связи, по словам Н. К. Крупской, «носили и носят в большинстве случаев заведомо для обеих сторон временный характер».

Крупская усматривала здоровую сторону этих связей в том, что в них перестают играть какую-нибудь роль соображения «пристроиться», взять хозяйку в дом, и это делает брачные связи гораздо более нормальными, искренними¹³. Но такое полное отделение семьи от быта, утратившего в годы гражданской войны какую бы то ни было стабильность, и связанное с этим отсутствие устойчивости брачных связей не могло длиться долго. При переходе к восстановительному периоду снова стали вырисовываться контуры семьи как хозяйственно-потребительской ячейки общества.

¹⁰ И. Ильинский. Право и быт. — «Красная новь», 1924, № 7—8, стр. 211—212.

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 23.

¹² Е. Ярославский. Мораль и быт пролетариата в переходный период. — «Молодая гвардия», 1926, № 5, стр. 150.

¹³ См. Н. К. Крупская. Война и деторождение. — «Коммунистка», 1920, № 1—2, стр. 19.

Эта перспектива пугала революционно настроенную молодежь угрозой возрождения мещанства. В многочисленных публицистических выступлениях начала 20-х годов прочная семья рассматривалась как некий мещанский пережиток, отгораживающий человека от общественной деятельности, погружающий его в мир мелких индивидуалистических забот и интересов. Появлялись безапелляционно звучащие утверждения о том, что «семья... на наших глазах перестает играть какую бы то ни было прогрессивную роль»¹⁴, что она никак не может стать ячейкой строительства нового быта.

Неизбежность отмирания семьи в некоторых выступлениях связывалась также с процессами урбанизации жизни. Один из таких «радикальных» авторов заявлял, что реальную основу для семьи можно искать «только в деревне, где самый характер мелкого, наполовину еще натурального хозяйства является основой, на которой может строиться прочная семья в виде особого трудового коллектива. В городе же, вопреки всяким «нравственным», «моральным» окрикам возмущенных товарищей, семья распадается прямо у нас на глазах и будет рассыпаться чем далее, тем быстрее...» «Анархия в половых отношениях все более ширится и притом не только у нас, а и везде, где налицо современная культура большого города»¹⁵.

Очень многие участники дискуссии 20-х годов представляли себе крайне превратно содержание «ближайшей революции» в половых отношениях. В обсуждении вопросов пола зачастую проявлялось левацкое упрощенчество, «сверхколлективистские» настроения, по существу, отрицающие право человека на личную жизнь и на счастье, объявляющие любовь мещанским предрассудком.

«Как должен относиться комсомолец к чувству, которое еще называется «любовью?» — приводил типичную записку, присланную докладчику на одном из многочисленных молодежных диспутов, автор статьи «Комсомольский быт, как он есть»¹⁶. Находились и такие «учителя» молодежи, которые не только в устных выступлениях, но и в печати заявляли, что марксизм отрицает любовь как нравственное чувство. Можно было бы пройти мимо таких очевидно примитивных высказываний, памятуя, что каждая эпоха рождает свою специфическую макулатуру в обширном потоке брошюр на «морально-этические темы». Разве в последующие годы, да и в наше время, мало появлялось писаний по вопросам любви и брака, выдержанных на аналогичном «теоретическом»

¹⁴ «Красная новь», 1924, № 2, стр. 332.

¹⁵ Цит. по: Е. Лавров. Половой вопрос и молодежь. — «Молодая гвардия», 1926, № 3, стр. 138.

¹⁶ «Печать и революция», 1927, № 4, стр. 120.

уровне, хотя и проникнутых духом не цинического упрощенчества, а дешевого морализаторства и ханжества. Но и подобные быстро забываемые работы при всем их очевидном убожестве тоже отражают какие-то существенные тенденции в развитии нравственного сознания, общественной психологии и идеологии. В данном случае имеются в виду «психологические отходы» революционной эпохи, поражавшей, по словам В. И. Ленина, «подхлестывающую жажду разнообразия в наслаждениях», которая легко «приобретает безудержную силу»¹⁷.

Авторы одной из современных работ по истории марксистско-ленинской этики в СССР справедливо замечают, что разрушение устоев собственнической морали и ее идеологическое развенчание в ходе революции породили наряду с возможностью становления и развития коммунистической морали и возможность «временного усиления «морального нигилизма», отрицания всякой морали, а практически — возникновения такого положения, которое можно обозначить как «моральный вакуум» у какой-то части населения»¹⁸. Эта ситуация наложила свой отпечаток не только на многочисленные публицистические выступления, в которых при всем старании нельзя отыскать ни грана научности, но и на труды некоторых теоретиков, выступавших «от лица марксизма», которые «отражали в своих работах и выступлениях не столько суть происходящего революционного процесса, сколько те далеко не благоприятные исторические условия, в которых он происходил, и притом в искаженном, извращенном виде»¹⁹.

Касаясь в книге «О морали и классовых нормах» проблем пола и семьи, Е. Преображенский проповедовал своеобразный этический агностицизм и релятивизм, писал о невозможности определить какие бы то ни было объективные нормы и принципы коммунистической морали в сфере половых отношений. «Конкретно, можно ли с точки зрения пролетарских интересов поставить и дать ответ на вопрос, какие формы общения полов более совместимы, если не с теперешними социальными отношениями и социальными интересами, то с отношениями социалистического общества: моногамия, кратковременные связи или так называемое беспорядочное половое общение? — спрашивал Преображенский и отвечал. — До сих пор защитники той или иной точки зрения в этом вопросе, скорее, обосновывали всевозможными аргументами свои личные вкусы и привычки в этой области, чем давали правильный, социологически и классово обоснованный ответ... кто, по своим склонностям, предпочитал моногамию, тот пытался возве-

сти в догмат и норму моногамную форму брака, подбирая для этого медицинские и социальные аргументы. Те, которые склонны к обратному, пытаются выдать быстротечные браки и «половой коммунизм» за естественную форму брака в будущем обществе, причем иногда проведение на практике этого типа общения между полами с гордостью рассматривают как «протест на деле» против мещанской семейной морали настоящего»²⁰.

Едва ли можно отрицать, что в этом высказывании подмечены некоторые реальные черты дискуссий 20-х годов, где на первый план под видом теоретического обоснования проблемы зачастую действительно выступали субъективные склонности или привычки участников спора. Но из слов Преображенского напрашивался вывод, что специфичность данной области жизни такова, что здесь никаких общезначимых нравственных основ поведения личности марксистская мысль не в состоянии теоретически обосновать и определить. Преображенский, по сути дела, игнорировал марксистскую традицию в разработке проблем бытовой морали и семьи (Ф. Энгельс, А. Бебель, К. Каутский, В. Либкнехт). Обращение к этой традиции легко бы обнаружило, например, что ни один марксистский теоретик никогда не высказывался в защиту «беспорядочного полового общения» или «полового коммунизма».

Уже в начале 20-х годов советская социологическая мысль стремится развенчать субъективизм в вопросах половой морали и наметить определенные принципы семейно-бытовых отношений как применительно к условиям переходного периода, так и для более отдаленной перспективы коммунистического общества.

Одна из наиболее интересных дискуссий 20-х годов по вопросам пола была открыта статьями А. М. Коллонтай, опубликованными в журнале «Молодая гвардия». Эти статьи, вызвавшие широкий общественный резонанс, в последние годы не анализировались в нашей социологической и этической литературе.

Первой была ее статья «О драконе и белой птице», посвященная лирической поэзии Анны Ахматовой. Коллонтай приходила к выводу, что Ахматова в эпоху «мертвой схватки двух культур, двух идеологий — буржуазной и пролетарской... на стороне не оживающей, а создающейся идеологии». Ценность и актуальность стихов Ахматовой Коллонтай усматривала в том, что в них говорится о пробуждении в женщине веками попорченной гордости и человеческого достоинства, о стремлении женщины обрести себя как личность: две основных темы, два основных мотива звучат в ее стихах: конфликт в любви из-за непризнания в женщине со стороны мужчины ее человеческого «я»; конфликт в душе самой жен-

¹⁷ «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 5, стр. 46.

¹⁸ А. Харчев, Б. Яковлев. Развитие марксистско-ленинской этики в годы строительства социализма в СССР. — «Вопросы философии», 1968, № 4, стр. 6.

¹⁹ Там же.

²⁰ Е. Преображенский. О морали и классовых нормах. ГИЗ, 1923, стр. 97—98.

щины из-за неумения совместить любовь и участие в творчестве жизни. Эти нравственные коллизии Коллонтай считала типичными для женщины переходной эпохи, эпохи ломки человеческих отношений. Вот почему коммунистка может плакать над белыми томиками некоммунистки Ахматовой. Пусть Ахматова еще не может увидеть пути нравственного освобождения женщины, но уже самой постановкой этих вопросов ее творчество оказывается созвучным нравственным исканиям, пробужденным социалистической революцией. «Не надо забывать: именно во взаимоотношениях полов сейчас совершается величайшая в истории человечества революция, и идеология пролетариата заключает в себе ответ и на эту неразрешимую при буржуазной культуре, загадку»²¹.

Статья «О драконе и белой птице» служила как бы переходом к программной статье Коллонтай «Дорогу крылатому Эросу», которая многие годы вызывала у ее оппонентов раздражение уже самим своим названием. Безусловно, название было выбрано не вполне удачно, поскольку «эрос древних», как показал еще Энгельс, имел мало общего с современной индивидуальной половой любовью. Но суть выступления Коллонтай заключалась как раз в критике самодовлеющего эротизма, в противопоставлении «крылатого» любовного чувства, составляющего одно из высших проявлений свободного человека, «бескрылости», бездуховности половой связи, на которую обречен «отчужденный» человек, лишенный свободы и гармонии внутреннего мира.

Излагая краткий исторический очерк половой морали, Коллонтай следовала в основных чертах за Ф. Энгельсом. В противовес тезису о внеобщественном характере любовной связи она доказывала, что любовь представляет собой фактор социальный, затрагивающий интересы общества, коллектива. «Что любовь вовсе не есть явление «приватное, дело только двух любящих «сердец»,... видно из того, — писала Коллонтай, — что на всех ступенях своего исторического развития человечество устанавливало нормы (правила), определявшие: при каких условиях и когда любовь «законна» (т. е. отвечает интересам данного коллектива) и когда она «греховна», преступна (т. е. противоречит задачам данного общества)»²².

Критикуя фрейдистский тезис об эгоистическом, антиобщественном и извращенном характере полового инстинкта, Коллонтай настаивала на том, что половое чувство «очеловечено» в ходе долгого исторического развития человека как общественного существа. Но здоровый половой инстинкт, доказывала Коллонтай, при

господстве уродливых социальных отношений вырождается в болезненную, вредную похоть. Половой акт превратился в самодовлеющую цель, в способ доставить себе еще одно «лишнее наслаждение», в похоть, обостряемую излишествами, извращениями, вредным подхлестыванием плоти. В результате этого другой человек выступает для человека в интимной связи не как цель, а как безличное средство для сексуального удовлетворения. «Мужчина не потому сходится с женщиной, что здоровое половое влечение властно потянуло его к данной женщине, а, наоборот, мужчина ищет женщину, не испытывая еще никакой половой потребности, с тем чтобы благодаря близости этой женщины вызвать половое влечение и, таким образом, доставить себе наслаждение самим фактом полового акта»²³. В отличие от непосредственного чувственного влечения, устремленного безлично на существо другого пола, нравственная природа любви, с точки зрения Коллонтай, характеризуется потребностью в индивидуально неповторимой личности, оказывающейся ценной благодаря своему интеллектуальному и эмоциональному богатству.

Коллонтай полагала, что пролетарская идеология и мораль не ставят никаких формальных границ любви. «Для классовых задач рабочего класса совершенно безразлично — принимает ли любовь форму длительного и оформленного союза или выражается в виде преходящей связи». Зато пролетарская идеология уже сейчас вдумчиво относится к содержанию любви, к оттенкам чувств и переживаний, связывающих мужчину и женщину. И в этом смысле, как подчеркивала Коллонтай, коммунистическая мораль «гораздо строже и беспощаднее будет преследовать «бескрылый Эрос» (превращение «полового акта» в самодовлеющую цель из ряда «легких удовольствий»), чем это делала буржуазная мораль»²⁴.

В последние десятилетия буржуазная мораль в развитых капиталистических странах претерпела существенные изменения. Западные социологи много пишут сегодня о «сексуальной революции», понимая под нею либерализацию половой морали, растущую свободу половых отношений, ослабление регулятивной функции брака и т. д. Но все это касается лишь формы половых связей; содержание же «сексуальной революции», по признанию тех же социологов, сводится ко все большей утрате гуманистических принципов в отношениях между полами, ко все большему угасанию духовно-эстетических переживаний в любовных связях. Критика буржуазной половой морали, развернутая в суждениях Коллонтай о «бескрылом Эросе», сегодня оказывается не менее актуальной, чем сорок с лишним лет назад.

²¹ «Молодая гвардия», 1923, № 2, стр. 163.

²² А. М. Коллонтай. Дорогу крылатому Эросу. — «Молодая гвардия», 1923, № 3, стр. 113.

²³ Там же, стр. 119.

²⁴ Там же, стр. 122.

Для Коллонтай сексуальная свобода личности никак не означала свободу от «серьезного в любви», и менее всего ее можно причислить к сторонникам теории «стакана воды», защищавшим легкость и безответственность любовных связей. По ее мнению, «бескрылый», т. е. бездуховный, Эрос противоречит принципам коммунистической морали. «Во-первых, он неизбежно влечет за собой излишества, а следовательно, телесное истощение, что понижает запас энергии в человечестве. Во-вторых, он беднит душу, препятствует развитию и укреплению душевных связей и симпатических чувствований. В-третьих, он обычно покоится на неравенстве прав во взаимных отношениях полов, на зависимости женщины от мужчины, на мужском самодовлении и нечуткости, что несомненно действует понижаяще на развитие чувства товарищества. Совершенно обратно действует наличие „Эроса крылатого“»²⁵.

Защищая идею «многогранности» в любви и ратуя за то, чтобы «чувства людей становились богаче, многоструннее», Коллонтай доказывала, что «исключительность в любви, как и «всепоглощение» любовью не могут быть идеалом любви, определяющим отношения между полами»²⁶. Но и эти слова лишь при невнимательном прочтении могут быть приняты за оправдание легкости и безответственности в смене партнера. Коллонтай выступала против «отживающего идеала «всепоглощающей» и «всеисключающей» супружеской любви буржуазной культуры», которая отгораживает человека от общества, застилает ему глаза пеленой узколичных, бытовых, мелочных интересов, замыкает его мир границами «семейного очага». Такое обеднение личности убивает и саму любовь, которая может питаться только все возрастающим личностным богатством любящих.

Многообразие оттенков любви, вытекающее из многообразия характеров, темпераментов, склонностей и запросов людей, не стирается, а обогащается с развитием социалистического общества. «Безразлично пролетариату также, — писала Коллонтай, — какие оттенки и грани преобладают в «крылатом Эросе»: нежные ли тона влюбленности, жаркие ли краски страсти или общность и созвучие духа. Важно лишь одно, чтобы при всех этих оттенках в любовь приводили те душевно-духовные элементы, которые служат к развитию и укреплению чувства товарищества»²⁷. Эти гуманистические начала, по ее мнению, состоят в признании взаимных прав и умении считаться с личностью другого даже в любви, в стойкой взаимной поддержке, чутком участии и внимательной отзывчивости на запросы друг друга, при общности интересов и стремлений.

²⁵ А. М. Коллонтай. Дорогу крылатому Эросу, стр. 122.

²⁶ Там же, стр. 121.

²⁷ Там же, стр. 122.

Немалый интерес представляют мысли Коллонтай о том, что отомрет и что появится нового в нравственных чувствах людей по мере упрочения коммунистических начал в жизни. «Если в любовном общении ослабеет слепая, требовательная, всепоглощающая страсть, — писала она, — если отомрет чувство собственности и эгоистическое желание «навсегда» закрепить за собой любимого, если исчезнет самодовление мужчины и преступное отречение от своего «я» со стороны женщины, то зато разовьются другие ценные моменты в любви. Укрепнет уважение к личности другого, умение считаться с чужими правами, разовьется взаимная душевная чуткость, вырастет стремление выявлять любовь не только в поделухах и объятиях, но и в слитности действия, в единстве воли, в совместном творчестве»²⁸.

Почему же нравственно-эстетический идеал социалистического общества, обрисованный в статье Коллонтай, не был должным образом понят и оценен многими ее современниками?

С одной стороны, этическая программа Коллонтай должна была показаться чересчур сложной и обременительной тем, кто считал требованием революционной необходимости и целесообразности «организованное упрощение» эмоциональной жизни человека. В романе И. Эренбурга «Рвач» глава, посвященная любовным переживаниям молодого коммуниста Артема Лыкова, носит характерное название «Не то бескрылый, не то крылатый». Здесь писатель с присущей его манере тонкой ироничностью повествует о том, как Артем пытается найти разумный выход из сложной любовной коллизии, возникшей в его жизни, но в силу своей эмоциональной неразвитости попросту не понимает этическую программу Коллонтай: как он ни старался, ему так и не удалось определить, «крылатый» или «бескрылый» Эрос осенял его встречи с Ольгой.

Наблюдения Эренбурга близки к истине, о чем свидетельствуют высказывания некоторых оппонентов Коллонтай, для которых крайняя элементарность, упрощенность, нравственная оголенность в отношениях полов, по поводу чего выражал свою тревогу писатель, означала естественную норму новой морали.

В этом отношении показательна статья И. Лина «Эрос из Рогожско-Симоновского района», в которой автор, не замечая собственной бестактности, рассказывал об «известных ему взаимоотношениях» комсомольцев и выражал удовлетворение тем, что «на работе эти индивидуальные взаимоотношения не отражаются»²⁹. Лин хотел доказать, что любовь как неизбежная уступка «биологическому влечению» отошла куда-то на задний план в жизни человека, дабы она никак не могла помешать участию в общественной жизни и работе. Отсюда — стремление отвести любви минимальное место в жизни и теории.

²⁸ Там же, стр. 124.

²⁹ «Молодая гвардия», 1923, № 4—5, стр. 153.

Эту тенденцию можно ощутить и в некоторых выступлениях, претендовавших на научность и «классовый подход». Так, в статье П. Виноградской «Вопросы морали, пола, быта и тов. Коллонтай» доказывалось, что проблема любви не играет в жизни и одной десятой той роли, которую ей хочет придать Коллонтай, и что «самое уже выпячивание и подчеркивание этой проблемы является грубой политической ошибкой»³⁰. П. Виноградская выступала против самой попытки поставить на обсуждение вопрос о нравственных принципах новых отношений в области любви. «Усиление интереса к вопросам пола, любви, увеличение удельного веса этих вопросов в литературе в период еще не законченной классовой борьбы должно говорить об усилении реакционно-буржуазно-дворянских тенденций за счет пролетарских; о передвижке в идеологической области от революционного класса в сторону его классовых врагов»³¹. В рассуждениях Виноградской явно проступала определенная тенденция — утверждение абсолютного примата общественных интересов, доходящее до отрицания прав человека на личное счастье, на развитие нравственно-эмоционального богатства своей личности.

Видный «педолог» 20-х годов А. Залкинд в полемике с Коллонтай заявлял, что повышение внимания к вопросам любви неизбежно влечет умаление коллективистских начал в психологии людей и даже представляет прямую угрозу трудовому порыву, от которого человека неизбежно отвлекает любовь. Залкинд писал: «Необходимо, чтобы коллектив больше тянул к себе, чем любовный партнер. Сейчас же коллективистское тускнеет, но зато разбухает любовь... Очень боюсь, что при культе «крылатого Эроса» у нас будут плохо строиться аэропланы»³². Здесь мы встречаемся со стремлением рассматривать человека лишь как носителя определенной роли, утилитарно-служебной функции, что соответствовало также лефовским установкам на «организованное упрощение культуры» и «выработку рационализированного стандарт-человека» с соответствующим ему «стандарт-бытом».

Пестрым, зачастую вульгарным и антигуманистическим по своей сути выступлениям в дискуссии 20-х годов противостояли суждения таких крупных теоретиков и публицистов, как А. В. Луначарский, П. Н. Лепешинский, С. Н. Смидович, Е. Ярославский.

Широкой популярностью в 20-е годы пользовалось среди молодежи полусутоливое стихотворение, оканчивающееся словами: «Она любила по Смидович, а он любил по Коллонтай».

Сама Смидович не вступала в непосредственную полемику со статьями Коллонтай. Но в условиях того времени, когда выступле-

ния Коллонтай были многими восприняты (без должных к тому оснований) как защита теории и практики «стакана воды», автору статьи о «крылатом Эросе» были противопоставлены взгляды Смидович, осуждавшие ту разнузданность в половых нравах, которая процветала среди известной части молодежи под прикрытием «антимещанских» лозунгов. Смидович с тревогой обращала внимание на то, что проведение на практике теоретического постулата о неограниченной свободе в любви при существующем уровне культурного и нравственного развития молодежи неизбежно порождает анархические и циничные нравы. «Каждый комсомолец, рабфаковец и проч. очень еще юный безусый мальчик может и должен удовлетворять свои половые стремления. Это почему-то считается неоспоримой истиной. Половое воздержание квалифицируется как мещанство, — иронически писала Смидович. — Каждая комсомолка, рабфаквица, просто учащаяся, на которую при этом пал выбор того или другого мальчика-самца (откуда у нас на севере развились такие африканские страсти, судить не берусь), должна пойти ему навстречу, иначе она — мещанка, недостойная носить имя комсомолки, быть рабфаквицей, пролетарской студенткой»³³.

Осуждая подобную «философию любви», Смидович подчеркивала, что проповедуемая таким образом «свобода» означает лишь свободу мужчины от всякой ответственности за последствия скоротечной любовной связи. Отказ признать заведомо неравное положение сторон в «свободном» любовном союзе не только рождает самодовлеющую нечуткость и эгоизм мужчины, но и неизбежно перерастает в отчуждение любящих, создавая крайне тяжелые и даже трагические нравственно-психологические коллизии.

О болезненных явлениях в молодежной среде с неменьшей остротой ставили вопрос и другие партийные публицисты. Одно из заседаний «Вольно-дискуссионного клуба», который вел на страницах «Молодой гвардии» старый большевик П. Н. Лепешинский, было специально посвящено проблеме любви. Автор сталкивал в резком споре выразителей самых разных точек зрения на любовь в советском обществе. В «Вольно-дискуссионном клубе» излагали взгляды и почтенный интеллигент, призывавший к реставрации старой морали и старых семейных устоев, и девушка, во всем обвинявшая мужчин, и анархист, ратовавший за любовь без всяких ограничений. Итоги спора подводил alter ego автора — коммунист Федоров.

Лепешинский подчеркивал, что необходимо отдавать себе отчет в тех неизбежных ограничениях, которые ставила свободе любви современная бытовая обстановка. Он писал, что вопрос заключается не в том, чтобы кому-нибудь «разъяснить значение принципа свободы в отношениях между двумя полами, ибо кто же из современной молодежи не знает сейчас нашей антитезы буржуазно-по-

³⁰ «Красная новь». 1923, № 6, стр. 189, 191.

³¹ Там же, стр. 206.

³² А. Залкинд. Половая жизнь и современная молодежь. — «Молодая гвардия», 1926, № 6, стр. 248.

³³ С. Смидович. О любви. «Правда», 24 марта 1925 г.

повскому взгляду на половую проблему? А перед нами юное поколение настойчиво ставит вопрос — и при этом больной для него вопрос — о том, как ориентироваться юноше в современной обстановке»³⁴.

В этой связи Лепешинский в первую очередь обращал внимание на то, что в современных условиях «при сближении мужчины с женщиной ставки в игре неравны». Явно сочувственно приводил он выступление комсомолки, которая восклицала: «Бог с ней, со старой моралью! Я бы хотела только одного: самого серьезного, самого вдумчивого, а следовательно, и самого человеческого отношения к жертвам, если только так можно выразиться, социальной несправедливости». Женщина, вступающая в половую связь, с самого начала отягощена «заботой о последствиях». Уже в силу этого она в большинстве случаев кровно заинтересована, чтобы эта связь по возможности приобретала характер длительного союза не только на началах полового влечения, «но и на основе разрешения вопросов о труде и хлебе, о работе, служащей интересам общества, — вопросов не только о сегодняшнем, но и о завтрашнем дне, словом, больших и малых вопросов жизни со всем ее красочным содержанием, со всеми ее комическими и трагическими моментами»³⁵. Понятно, что такой союз пропитывает любовь бытовыми заботами, материальными нуждами и тяготами, житейскими мелочами, что в свою очередь может гасить силу чувства. Кроме этого, самый уклад современной семьи, в которой ведение домашнего хозяйства и экономические мотивы продолжают играть крайне существенную роль, неизбежно ограничивает свободу человека. При решении вопроса о судьбе семейного союза в этих условиях нередко на первый план выступают наряду с духовно-нравственными соображениями и соображения материальные. Всякая постановка требования свободы любви в современной обстановке вне учета этих моментов оказывается демагогической фикцией.

Новая волна дискуссий о «проблеме пола» развернулась в 1926—1927 гг. после выхода в свет повестей Л. Гумилевского «Собачий переулочек», С. Малашкина «Луна с правой стороны» и рассказа П. Романова «Без черемухи», в которых основное внимание сосредоточивалось на болезненных явлениях в половой жизни молодежи. На страницах печати и в комсомольских аудиториях проходили многочисленные диспуты, где высказывались крайне разноречивые суждения как об идейно-художественных достоинствах самих произведений, так и о состоянии нравов и половой морали молодого поколения. Сегодня очевидно, что как художественные произведения повести Малашкина и Гумилевского не выдержали испытания временем. Иное впечатление оставляет рассказ

³⁴ «Молодая гвардия», 1923, № 1, стр. 106.

³⁵ Там же, стр. 101.

Романова, вырастающий, по справедливому замечанию одного из критиков 20-х годов, «до степени значительного человеческого документа». Рассказ построен в форме письма, с которым студентка Московского университета обращалась к своей подруге. В этом письме с болью и горечью девушка рассказывала о грубости и распушенности, царивших в окружающей ее среде. «У нас, — писала она, — принято относиться с каким-то молодецким пренебрежением ко всему красивому... это пренебрежение ко всему красивому, чистому и здоровому приводит к тому, что в наших интимных отношениях такое же молодечество, грубость, бесцеремонность, боязнь проявления всякой человеческой нежности, чуткости и бережного отношения к своей подруге — женщине или девушке».

Далее девушка рассказывала историю своей первой любви. Первое свидание произошло весной. «...Подождала девушка с черемухой, я взяла у нее ветку и долго дожидалась сдачи. А он стоял и, чуть прищурившись, смотрел на меня. — «Без черемухи не можешь?» — «Нет, могу. Но с черемухой лучше, чем без черемухи» — «А я всегда без черемухи, и ничего, недурно выходит», — сказал он, как-то неприятно засмеявшись... — «А почему вам так неприятна черемуха?» — спросила я. «Ведь все равно это кончается одним и тем же, — и с черемухой и без черемухи... Что же канитель-то эту разводять?»...»

Рассказ П. Романова вызвал бурные и разноречивые споры. Часть выступавших безоговорочно квалифицировала рассказ как «клеветнический», обвиняла писателя в «сгущении красок» и «вредном направлении». На таких позициях стояли, в частности, молодые критики В. Ермилов (статья «О бесплодном правоучительстве») и Г. Корабельников («Страсти-мордасти») ³⁶. Статья в «Комсомольской правде» с характерным названием «О клевете на молодежь» обвиняла Романова, Малашкина и Гумилевского, что они изобразили молодежь «как в кривом зеркале», «придали общественную значимость отдельным, редко встречающимся выродкам» ³⁷. Иную позицию заняли в дискуссии старые большевики С. Гусев и П. Ионов, считавшие, что в рассказе Романова заключена большая «художественная и социологическая правда» ³⁸ и что поставленные в нем острые нравственные проблемы действительно существуют в жизни и заслуживают серьезного обсуждения.

Подытоживая точки зрения, выдвинутые в ходе дискуссии, С. Гусев замечал, что по вопросу о существовании половой неурядицы и распушенности среди молодежи высказаны были самые противоречивые суждения. Любопытно, что для доказательства

³⁶ Основные материалы дискуссии, публиковавшиеся в периодической печати, см. в сб. «Какова же наша молодежь?» ГИЗ, 1927.

³⁷ «Комсомольская правда», 1 марта 1927 г.

³⁸ «Какова же наша молодежь?», стр. 201.

своих взглядов участники дискуссии обращались к немногочисленным в то время конкретно-социологическим исследованиям, но интерпретировали их данные совершенно по-разному. Так, во многих статьях фигурировала анкета, проведенная среди студентов Свердловского коммунистического университета. Этот анонимный опрос показал, что из 1615 студентов за длительное половое общение высказалось 85,7% мужчин и 73,9% женщин³⁹. Аналогичная анонимная анкета, проведенная в МГУ, показала, что из 1200 мужчин-студентов за длительные любовные отношения (включая брак) высказалось 72,2%, из 302 женщин — 81,6%. Основываясь на этих цифрах, Г. Корабельников сделал вывод о здоровом характере половых нравов в студенческой среде⁴⁰, а В. Полянский — прямо противоположный вывод о том, что половой распущенностью страдает достаточный процент студентов пролетарского и крестьянского происхождения⁴¹. Констатируя это очевидное разногласие, С. Гусев добавлял, что обе анкеты говорят только об «идеалах» студенчества в области половой жизни, но не дают представления о том, как складываются половые отношения в действительности.

Помимо материалов анкетных опросов, участники дискуссии анализировали псевдонаучные доморощенные «теории» по вопросам пола, не всегда открыто высказывавшиеся в печати, но имевшие широкое хождение в молодежной среде. Такого рода «теории», представлявшие модификацию прежних теорий «стакана воды», также давали определенное представление о психологических и идеологических веяниях, влияющих на состояние умов и нравов части молодежи.

Отмечая тот факт, что среди значительной части молодежи действительно наблюдается пренебрежение ко всякой «психологии» в сфере любовных отношений, С. Гусев искал объяснение в открытом Г. В. Плехановым законе антитезы. Согласно этому закону, в революционные эпохи принятые в обществе нравы, обычаи, правила морали и нормы общения слепо отвергаются малосознательными представителями нового класса, в глазах которых оголенный от всякой «черемухи» физиологический акт представляется здоровым, нравственным и нормальным⁴².

Аналогичной точки зрения придерживался Е. Ярославский, критиковавший вульгарно-материалистические рассуждения о том, что «женщина есть поле для обсеменения, для оплодотворения, и мужчина является только обсеменителем», или не менее отвратительную теорию, что «все вещи изнашиваются, в том числе и женщины». Высказывая острую тревогу по поводу половой распущен-

ности, Ярославский говорил о социальной вредности и опасности подобных явлений, которые ведут к истощению нервной энергии молодежи, препятствуют росту здорового поколения⁴³.

Если Ярославский, критикуя половую распущенность, апеллировал к социальной гигиене, то в статье П. Ионов «Без черемухи» речь шла о враждебности духу коммунистической морали того пренебрежительного отношения ко всяким проявлениям эмоциональной культуры, которое было достаточно широко распространено в 20-е годы. Ионов предлагал различать грубость бескультурья, которая вырастает на почве общей отсталости крестьянской страны, и несравненно более опасную культуру грубости, представляющую мещанское искажение, искривление уже принятого культурного заряда. «Нужно прямо сказать, — писал он, — у нас до сих пор еще не находится достаточно решимости для того, чтобы, не пугаясь жупелов мещанства и ханжества, повести энергичную борьбу против мелкобуржуазного искажения пролетарской идеологии в нашем повседневном быту. Давно пора со всей категоричностью отбросить сказку о том, будто анархия в области половых связей является завоеванием пролетарской революции и что высший принцип коммунистической этики заключается в уничтожении всяких половых запретов и заграждений»⁴⁴.

В статье Ионов речь шла о гуманистических основах половой морали, которую призваны утверждать коммунисты. «Не будем бояться слов «чистота и целомудренность», — призывал он. — ...Опустошающие человека цинизм и разврат несовместимы с психологией строительства. Мы отнюдь не предаем проклятию физиологию. Мы не считаем ее позорной и стыдной... Однако, помня, что коммунизм, помимо всего прочего, означает установление человеческих отношений между людьми, мы считаем необходимым сделать наши бытовые отношения — и в первую очередь отношения между мужчиной и женщиной — простыми и чистыми — человеческими и потому красивыми»⁴⁵.

Дискуссии по вопросам пола на страницах партийной и комсомольской печати отражали характерную для 20-х годов атмосферу высокой нравственной требовательности и нравственной самокритики. При анализе материалов этих дискуссий ощущается тенденция не оставлять общественно безгласными явления не только социально опасные (пьянство, хулиганство), но и социально ущербные (половая распущенность, недостаток нравственно-эмоциональной культуры в личных отношениях людей).

В 30—50-е годы проблема свободы любви как в эмпирической морали, так и в художественной литературе и особенно в пропа-

³⁹ «Записки Коммунистического университета им. Свердлова», 1923, т. 1, стр. 371.

⁴⁰ См. «Какова же наша молодежь?», стр. 76.

⁴¹ См. там же.

⁴² См. там же, стр. 202—203.

⁴³ См. там же, стр. 62.

⁴⁴ «Правда», 4 декабря 1926 г.

⁴⁵ Там же.

гандистской литературе, посвященной так называемым морально-этическим проблемам, получила принципиально новое, резко отличное по сравнению с 20-ми годами истолкование. На протяжении нескольких десятилетий правовое и нравственное сознание советских людей воспитывалось в том направлении, что только зарегистрированный брак придает любовному союзу нравственный характер, а всякое «незаконное» «сожителство» накладывает на любящих, в особенности на женщину, печать «аморальности». Проблема свободы любви в ее исторически и социально обусловленных границах была по существу снята и подменена проблемой семейного долга, трактуемого отвлеченно, ригористически и нормативно.

Марксистские теоретики 20-х годов, понимая невозможность полной реализации принципа свободы любви в существующей социальной обстановке, в плане перспективного решения данной проблемы исходили из широкой философской постановки вопроса о свободе личности при коммунизме. Определенные предпосылки для социального прогнозирования в этой области были заложены в трудах классиков марксизма.

Ф. Энгельс говорил о том, что предстоящий общественный переворот внесет радикальные изменения в судьбы современной семьи, вызовет не только исчезновение проституции, но и повлечет значительные перемены в положении всех женщин и в моральном сознании общества. Считая, что в будущем должно отпасть беспокойство о «последствиях», которое в настоящее время составляет самый существенный общественный момент — моральный и экономический, мешающий девушке, не задумываясь, отдаться любимому мужчине, Энгельс высказывал предположение: «Не будет ли это достаточной причиной для постепенного возникновения более свободных половых отношений, а вместе с тем и более снисходительного подхода общественного мнения к девичьей чести и к женской стыдливости?»⁴⁶ После отпадения экономических соображений, влияющих в особенности на поведение женщины в браке, моногамия превратится в действительность также и для мужчин, и брак будет сохраняться лишь до тех пор, пока он носит нравственный характер, т. е. пока он остается основанным на любви⁴⁷.

В. И. Ленин, рассматривая вопрос о судьбах семьи в настоящем и будущем, в письмах к И. Арманд подробно осветил вопросы о свободе любовного союза. Как всегда при социологическом анализе этического принципа свободы, он ставил вопрос на конкретную социальную почву. Он подчеркивал: «Дело в объективной логике классовых отношений в делах любви»⁴⁸. Ленин доказывал,

что лишь с победой коммунизма отпадут неизбежные в обстановке классовой розни ограничения свободы любви. Но наряду с пролетарским требованием свободы любви, подразумевающим в первую очередь ликвидацию этих ограничений, существует, по мысли Ленина, и иное, буржуазное толкование проблемы, понимающее под свободой любви свободу от серьезного в любви, свободу от деторождения и свободу адюльтера⁴⁹.

Хотя эти ленинские письма впервые стали известны лишь в 1939 г., марксистская мысль в 20-х годах двигалась именно в русле ленинской постановки проблемы. Прежде всего выделяются выступления на этические темы А. Луначарского, который полемизировал с мещанскими представлениями о том, что коммунистическое требование свободы в отношениях между полами несет чуть ли не угрозу вырождения человеческого рода. Как марксисту, ему, разумеется, была чужда идея «коренной половой порочности человека»⁵⁰, провозглашаемая христианством и возрожденная фрейдизмом.

Для Луначарского было очевидно, что преграды к обретению человеком полноты счастья в любовном союзе лежат не в психофизиологической дисгармонии человеческой природы, а в социальных условиях, извращающих и уродующих естественные человеческие чувства и потребности. Поэтому и пути развития половой морали человечества Луначарский, в отличие от «высококвалифицированного» мещанина, раскрывал в свете совершенно иной, оптимистической перспективы. «Мужчины и женщины в будущем создадут огромную поэму любви. Но это они сделают на началах полного равенства, на началах глубокого товарищества... Мы говорим, что всякое наслаждение допустимо, если оно не вредно. Вот если человек пускается в половые излишества, если он подличает, бросает беременную женщину на произвол судьбы, то он приносит огромный вред. Но если он заключает союз с женщиной и прожил с ней жизнь, то это прекрасно. Они создали прочный союз, гармонию, И, наоборот, если мужчине пришлось несколько раз переменить женщину в период своего расцвета и это не может отразиться вредно на нем и на обществе, нет никакой причины стоять за единобрачие. То же относится к женщине»⁵¹.

Луначарский не обходил того кардинального вопроса, который вызывал затруднение у всех противников нерасторжимости и пожизненности брака, — вопроса о судьбе детей. Утопические социалисты, равно как и некоторые марксисты считали, что свобода любви достижима лишь на путях полной замены семейного воспитания общественным в коммунистическом обществе.

⁴⁹ См. там же, стр. 56.

⁵⁰ А. Луначарский. Мораль и свобода. — «Красная новь», 1923, № 7, стр. 130.

⁵¹ А. Луначарский. Мораль с марксистской точки зрения. Харьков, 1925, стр. 43.

⁴⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 78—79.

⁴⁷ См. там же, стр. 84, 85.

⁴⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 52.

Идею о сужении семьи до парной, брачной или внебрачной, ячейки, состоящей только из мужа и жены и нерасторжимой до тех пор, пока ее связывают узы любви, поддерживал К. Каутский. Он считал, что семья в ее теперешнем виде, которую нравственно скрепляют не только чувства супругов, но и родительские и ответные чувства, должна исчезнуть с ликвидацией товарного производства. Каутский писал: «... при существующем товарном производстве законный брак, т. е. законное соединение мужчины с семьей, представляет для воспитания детей лучшие экономические условия, чем неоформленная половая связь, которая в любое время, по желанию одной стороны, может быть расторгнута, при которой на отца не налагаются почти никакие обязанности, или же очень минимальные. Это может измениться только с наступлением общественного производства, когда заботы о воспитании детей вместо отца может взять на себя общество»⁵². Такая постановка вопроса, односторонне фиксируя внимание на экономической стороне эмансипации семьи при коммунизме, прогнозирует исчезновение в будущем отцовского чувства и ставит под сомнение чувство материнское, как и вообще необходимость нравственно-эмоциональной семейной атмосферы, родительской любви, ласки и т. п. в воспитании детей.

Сходную точку зрения в наши дни высказывал С. Струмилин. Как и некоторые современные писатели-фантасты, например, И. Ефремов, он видит выход из конфликта «между любовью к женщине и заботой о судьбе ни в чем не повинных детей» на путях, так сказать, полной «коллективизации», обобществления воспитания. Согласно прогнозам Струмилиной, в будущем «каждый советский гражданин, уже выходя из родильного дома, получит направление в детские ясли, из них — в детский сад с круглосуточным содержанием или детский дом; затем — в школу интернат, а из него уже отправится с путевкой в самостоятельную жизнь»⁵³. Дети станут жить отдельно от родителей, и те будут только навещать своих детей. Заметим, что такая перспектива может вызвать возражение еще по одной существенной причине. Фактическое отделение детей от родителей может привести со временем к полному угасанию как отцовского, так и материнского инстинкта. Тогда остается неясным, какие же стимулы будут побуждать людей к деторождению, в особенности женщину выносить тяготы беременности, родов и т. д.

Этическая мысль 20-х годов в лице ее лучших представителей, как нам думается, подходила к этой проблеме более гибко, реалистично и в то же время гуманно. Луначарский считал, что абсолют-

ного равенства полов не будет и при коммунизме прежде всего в силу физиологически обусловленного различия их роли в выполнении общественной функции воспроизводства населения и неразрывно связанного с ним воспитания детей. Он утверждал, что «естественнее материнское чувство, чем отцовское», поскольку «все-таки женщина всегда будет рожать детей и кормить их». В силу тех же причин «ребенка больше любит мать, и он больше связан с матерью». Но тяготы и заботы, связанные с рождением ребенка и уходом за ним, по крайней мере в младенческом возрасте, обуславливают то, что женщина всегда будет иметь некоторый ущерб по сравнению с мужчиной. Поэтому защита интересов матери и ребенка, лежащая на обществе, заключается в том, что «общество может сказать: мне нет дела до того, как ты устроил свое счастье: устраивай так, как ты считаешь за лучшее, но не обижай женщину: она слабее тебя»⁵⁴.

Реально достижимое равенство полов состоит прежде всего в ликвидации социально-бытового угнетения женщины, что возможно лишь на путях как можно более всестороннего обобществления материальной стороны быта. «В нашем коммунистическом обществе, чтобы помочь женщине, надо убить кухню, и мы это сделаем, — утверждал Луначарский. — Убить маленькую прачечную, маленькую детскую, нерационально устроенную, с усталой матерью, отнюдь не педагогом, с рахитичными детьми»⁵⁵.

Все советские марксисты 20-х годов сходились на том, что при коммунизме исчезнет необходимость в государственной санкции брака, равно как в семейном праве, юридически определяющем обязанности супругов по отношению друг к другу и к детям. Как и во многих других сферах общественной жизни, и в этой области не было недостатка в радикальных проектах, предлагающих немедленно форсировать, ускорить процесс введения коммунистических начал в быту путем ликвидации самого государственно-правового института брака. С таким предложением выступил видный публицист Ю. Ларин, критиковавший существующее тогда семейное право с позиций абстрактно и вневременно трактуемой коммунистической морали. Исходя из предпосылки, что совместная жизнь мужа и жены есть добровольный союз, основанный на взаимном желании его, а не на внешнем принуждении или «регистрации», он делал вывод, что «мужем и женой должны считаться всякий мужчина и женщина, признающие себя таковыми — без всяких регистраций. Если они затем когда-либо пожелают разойтись и более сильная сторона не захочет помогать более слабой деньгами в воспитании детей, тогда пусть судятся. Суд увидит, как решить дело. Все равно, ведь и теперь приходится судиться,

⁵² К. Каутский. Размножение и развитие в природе и обществе. 1923, стр. 170—171.

⁵³ «Новый мир», 1960, № 7, стр. 208.

⁵⁴ А. Луначарский. Мораль с марксистской точки зрения, стр. 44.

⁵⁵ Там же, стр. 41—42.

если при разводе более сильная сторона не хочет помогать более слабой... Из-за того, что есть отдельные преступники, нельзя ставить все население на положение регистрируемых уголовных типов — для борьбы с преступностью есть другие и более действенные меры»⁵⁶.

Ларин обращал внимание на самый уязвимый пункт семейного права — проблему внебрачных детей.

Законодательство 20-х годов, признавая необходимость регистрации брака, одновременно провозглашало полное равенство брачных детей с внебрачными и в наследстве, и в именовании себя фамилией родителей и т. д. «Оказывается, что советский закон признает только те браки, которые зарегистрированы. А все прочие — незаконные. Правда, за это беззаконие не установлено ни тюрьмы, ни штрафа (и за это спасибо), но появляющиеся в результате дети признаются «внебрачными». Правда, как будто для того, чтобы подчеркнуть всю практическую бесполезность и ненужность всех этих «регистраций» и т. п., закон тут же в ст. 133 решительно во всех правах уравнивает детей брачных и внебрачных»⁵⁷, писал Ларин.

Отмеченное Лариным действительное противоречие не могло было быть устранено каким-то законодательным актом. Разрушение устоев старой религиозной ханжеской морали и основанных на ней лицемерных законов буржуазного общества оказалось возможным осуществить одним ударом. Значительно большее время требовалось для того, чтобы была воспитана новая дисциплина и внутренняя ответственность личности, которая не науждалась бы ни в каких формах регламентации своих половых и семейных отношений со стороны государства.

Это противоречие всесторонне исследовал видный итальянский марксист А. Грамши, неоднократно подчеркивавший близость своих этических идей к исканиям передовой советской социологической мысли первых лет революции. Два сравнительно небольших фрагмента («Некоторые аспекты полового вопроса» и «„Животная природа“ и „индустриализм“»), посвященные в «Тюремных тетрадах» этой проблеме, чрезвычайно богаты содержанием. Трудности формирования новой бытовой морали, по его мнению, возникают вследствие того, что половые инстинкты — это инстинкты, которые претерпели наибольшее давление со стороны общества; их «регламентирование» представляется самым что ни на есть «противоестественным» делом ввиду противоречий, которые оно порождает, и извращений, которые ему приписываются; отсюда и призывы к «природе», которые нигде не раздаются так часто, как в этой области»⁵⁸. Тем не менее для Грамши было оче-

видным, что двигаться по направлению к такой регламентации и созданию новой этики необходимо. «Важнейшим этико-гражданским вопросом, связанным с вопросом половым, является формирование новой женской личности: до тех пор пока женщина не достигнет не только подлинной независимости перед лицом мужской власти, но и не выработает нового взгляда на себя и на свою роль в половых отношениях, половой вопрос сохранит все свои болезненные свойства и нужно будет соблюдать осторожность в каждом законодательном нововведении»⁵⁹.

Сложность проблемы, по Грамши, усугубляется тем, что анархическим представлениям и правам в половых отношениях, возникающим вследствие ликвидации прежних правовых и морально-идеологических «сдержек», объективно противостоят тенденции, выдвигаемые современным индустриализмом, который порождает все более сложные формы коллективной жизни и требует от личности следования все более сложным нормам и упорядоченным навыкам точности и тщательности. В человеке, подвластном анархии и распушенности в половых отношениях, неспособном контролировать свои половые инстинкты (нервную систему), не могут быть воспитаны новые психо-физические навыки и привычки, т. е. внутренняя организованность, собранность и дисциплина, которых властно требуют новые методы труда.

Как известно, В. И. Ленин считал, что «самообладание, самодисциплина — не рабство; они необходимы и в любви»⁶⁰.

Аналогичную мысль высказывает Грамши: принуждение, «будучи осуществляемо *élite* одного класса в отношении своего собственного класса,... не может быть не чем иным, как самопринуждением, т. е. самодисциплиной»⁶¹.

Перспективы развития половой морали, таким образом, сводятся с одной стороны, к освобождению половых отношений от уз внешнего принуждения, а с другой — к подчинению их внутренней дисциплине личности с более высокой духовной жизнью и более высокими нравственными запросами.

В этой связи существенный интерес представляют письма Я. М. Свердлова к жене из Туруханской ссылки. Они говорят прежде всего о серьезности и ответственности, с которыми подходил Свердлов к вопросам половой морали. «Когда мы с тобой встретились, — пишет он жене, — я был достаточно примитивен. Ты сумела возбудить во мне целую гамму новых, порою сложных, переживаний... Я научился интересоваться всеми проявлениями жизни, все ее стороны привлекают мое внимание... Но наряду с этим возросла во мне и большая потребность личной жизни. Я не

⁵⁶ Ю. Ларин. Наше семейное право. «Правда», 18 июля 1923 г.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ А. Грамши. Избр. произв., т. III, 1959, стр. 431.

⁵⁹ Там же, стр. 433.

⁶⁰ «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 5, стр. 48.

⁶¹ А. Грамши. Избр. произв., т. III, стр. 437.

могу теперь рассматривать последнюю как придаток, нет, она имеет для меня огромную самоценность. Я отнюдь не способен гоняться за новыми ощущениями, но допускаю возможность временной связи, ее даже законность, причем она ни на йоту не изменяет моей любви к другому человеку. Я говорю о законности, возможности жить. Масса потребностей годами остается неудовлетворенной. Самая неудовлетворенность стала чувствоваться острее, особенно вдали от обществ[енной] жизни, когда больше предоставлен самому себе с чисто своими личными переживаниями. При тех ненормальных условиях, в кот[орых] приходится жить, нормальна и возможность связи. Важна при этом искренность и с собой и с другим»⁶².

В следующем письме Свердлов возвращается к мыслям о росте, обогащении человеческой личности в любви и об огромной самоценности личной жизни. Теперь эти мысли дополняются чрезвычайно интересными размышлениями о многогранности проявлений любви (в этих рассуждениях не трудно обнаружить определенную близость к рассмотренным выше идеям Коллонтай). «Никогда один человек не удовлетворяет и не может удовлетворить целиком, полностью все без исключения запросы другого, — пишет Свердлов. — Существует ряд степеней удовлетворения. Максимально достижимое — удовлетворение основных запросов, связанное (правильнее, соединенное) с полным взаимным доверием, уважением, физическим влечением (Всюду, говоря о запросах, имею в виду в одинаковой мере как физические, так и иные прочие). При этом максимальном удовлетворении восполнение недостающего не ищется, но при встрече с возможностью такового берут и его от жизни. Роднят людей не только наслаждения, но и тяжелые переживания. Часто последние еще больше первых. Стремление к прочности личных отношений считаю нормальным. Физическую близость допускаю лишь как завершение близости иной, не обязательно идейной, но безусловно «душевной», если можно так выразиться»⁶³.

Нравственная цельность, внутренняя собранность и самодисциплина, богатство душевной культуры и порождаемое этим отвращение к любым проявлениям ханжества и цинизма — эти черты личности революционера-большевика определяли его поведение и в своей личной жизни. Большевицкая мораль и в этой сфере оказывалась реальным прообразом морали будущего бесклассового общества. Основные принципы этой морали, очевидно, можно сформулировать следующим образом: сила внутренней дисциплины личности в семье определяется в первую очередь богатством ее духовной жизни, объемом и ценностью связей, соединяю-

щих мужа и жену. Именно потому, что половая связь определяется только взаимным влечением, она приобретает небывалую ранее внутреннюю устойчивость, однако не для всех одинаковую и, разумеется, ни для кого не принудительную. С восхищением отзываясь о взглядах Чернышевского на свободу чувства, Я. М. Свердлов так подытоживал свое отношение к ним: «Основа — люди, признающие чувство свободным, должны очень осторожно относиться к этой свободе для себя, — эта основа правильна, по-моему, и сейчас»⁶⁴.

К воспитанию внутренней самодисциплины и нравственной чуткости в личной жизни лучшие представители старой ленинской гвардии призывали молодое поколение революции. Касаясь извращенных представлений о новом быте, прикрываемых лозунгами «свобода», «долой все условности» и т. д., М. И. Калинин замечал, что такое легковесное понимание свободы любви мешает оздоровлению этой стороны жизни, установлению действительно человеческих отношений между полами. «Теперь, когда мы... устанавливаем действительно свободные отношения, означает ли это, что в отношениях между мужчиной и женщиной не должно быть ответственности? — говорил он. — ... Пролетарский быт требует, чтобы вы взвешивали каждый свой поступок и отдавали себе отчет, не будет ли этот поступок петлей, мертвой петлей близкому вам человеку»⁶⁵.

О повышении внутренней дисциплины, внутреннего достоинства и ответственности человека в личной жизни говорил и Луначарский. Он считал, что коллизии несчастной любви, разумеется, не исчезнут и при коммунизме, но их разрешение будет свободно от той мещанской накиши и грязи, которая зачастую сопровождает их в современной жизни. Это станет возможным, поскольку повысится уровень нравственного самосознания, самоуважения человека и, следовательно, степень самоконтроля над своим эмоциональным поведением. При коммунизме общество будет вправе предъявлять к поведению человека в личной жизни определенные нравственные требования. В условиях, когда государственно-правовые формы регулирования поведения людей отпадут, на первый план выступит роль общественного мнения, многократно повышающего меру нравственной требовательности к каждому человеку. «Когда не будет государства, нам не нужно будет суда иного, кроме общественного мнения. В то время люди перевоспитаются таким образом, что будут карать общественным мнением человека, который обидел в любви женщину, и будут считать его негодным человеком, человеком низшего типа. Это будет так стихийно, так естественно, что в общественном мнении он будет не менее отталкивающим, чем алкоголик,

⁶² Я. М. Свердлов. Избр. произв., т. 1, М., 1957, стр. 234.

⁶³ Там же, стр. 252—253.

⁶⁴ Там же, стр. 235.

⁶⁵ М. И. Калинин. О коммунистическом воспитании, М., 1956, стр. 70.

убийца»⁶⁶. По мере все более полного утверждения в жизни коммунистических начал и общественное мнение все больше будет утрачивать свою регулятивную роль. Эту роль всецело станет выполнять внутренний регулятор поведения человека — совесть. Утверждение коммунистического идеала в области отношений между людьми означает всестороннее развитие культуры общения и в конечном счете — переделку всего строя нравственных чувств человека. «Коммунистическое воспитание должно прежде всего развить тонкость чувства в отношении к другим, развить тонкость общественного инстинкта. Человек будет постепенно подниматься, причем мы будем иметь преобразование как общества, так и самого человека»⁶⁷. Прогноз развития половой морали у Луначарского завершается яркой перспективой подъема на новую, значительно более высокую ступень всего человеческого рода. «В силу экономических условий и в силу правильного воспитания, самоанализа и самодисциплины человек поймет, что отцом и матерью зря быть нельзя, что это есть один из тончайших видов творчества. Человек поймет, что надо оздоровить человечество»⁶⁸.

ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ И ИХ РОЛЬ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В. П. ЛЕВКОВИЧ

Проблема социальных функций, присущих обычаям и обрядам, в современной советской литературе исследована недостаточно. В работах В. И. Брудного «Обряды вчера и сегодня», П. П. Кампарса и Н. М. Заковича «Советская гражданская обрядность» и др., содержащих большой эмпирический материал, внимания теоретическому анализу уделяется мало. А между тем обычаи, обряды, праздники представляют собой значительное социальное явление. Они осуществляют единение исторического прошлого с настоящим, являясь одним из механизмов, обеспечивающих преемственность в социальном развитии. К. Маркс в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» отметил огромную роль традиционных образцов поведения, устоявшихся, стандартизированных форм деятельности: «Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых»¹.

Роль традиционных форм деятельности очень велика в «примитивных» обществах и уменьшается в современных цивилизациях. Специфика обычая состоит в том, что он обеспечивает передачу социального опыта посредством повторения заданных образцов, целостных комплексов деятельности, «...в которых не отделены друг от друга (то есть не осознаны, не воспроизведены отдельно в соответствующих знаковых моделях) субъект, объект, процесс и способ деятельности»². Нерасчлененность деятельности на ранних ступенях развития общества объясняет господство обычая в примитивных обществах.

С нерасчлененностью структуры деятельности связано и то, что цель деятельности в обычае остается неосознанной. Если и фиксируется, то мнимая, а не реальная цель. Поэтому само действие, не ориентированное на соотнесение средств с подлинными

⁶⁶ А. Луначарский. Мораль с марксистской точки зрения, стр. 44—45.

⁶⁷ Там же, стр. 45.

⁶⁸ Там же, стр. 45.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 119.

² Ю. А. Левада. Сознание и управление в общественных процессах. — «Вопросы философии», 1966, № 5, стр. 67.

целями, превращается в реализацию определенного стереотипа, в строго фиксированную последовательность средств.

Буржуазные социологи В. Самнер и Э. Дюркгейм отмечали связь обычая с жизнью социальной группы, его роль во взаимоотношениях индивида с группой и в регуляции их поведения.

Так, В. Самнер рассматривает обычай как способ удовлетворения потребностей группы, где основным аргументом в пользу определенного образа действий является ссылка на авторитет предков. Правильность обычая заложена в нем самом³, поэтому его целесообразность представляется очевидной: так делали предки⁴.

Самнер при этом справедливо указывал, что обычай как управляющий механизм основан на чувстве и вере, а не на размышлении. Более того, введение в него рационального момента ликвидирует сам обычай: «Если у некоторых возникают сомнения и вопросы, то это доказывает, что народные обычаи уже начали терять свою твердость и регулирующий механизм в нравах утрачивает свой авторитет»⁵. В этих условиях группа господствует над индивидом, подчиняя его действия сложившимся образцам, исключая всякое проявление личной инициативы, которая рассматривается как нарушение сложившихся стереотипов. В отличие от более поздних обществ, где индивид имеет возможность выбрать тот или иной вариант реализации требований группы (зависимость от социального окружения, конечно, сохраняется), индивид ранних обществ способен лишь воспроизводить заданные требования, целиком подчинен родовому началу, не обладает даже ограниченной свободой выбора.

Э. Дюркгейм также указывал на коллективную природу обычая и неразвитость индивидуального сознания в рамках механической солидарности, когда действие в соответствии с обычаем представляет собой единственный способ самовыражения индивида. Поскольку в «примитивных» обществах индивид не имеет собственной сферы действий, «... традиции, предрассудки, всякого рода коллективные обычаи давят на него не менее тяжело, чем установленная власть»⁶.

Среди функций обычая Самнер и особенно Дюркгейм выделяют функцию социальной солидарности, сплочения, интеграции. Дюркгейм связывает солидарность и сплоченность с господствующими

ими в обществе правилами и нормами⁷. Обычай является одним из условий поддержания социального сплочения. Поэтому нарушение обычая преследуется обществом. Обычай, согласно Дюркгейму, представляет собой «...формы, в которые должны отливать наши действия»⁸, правила, которые мы находим готовыми в обществе и которые побуждают, регулируют наше поведение. Наказание, следующее за нарушением обычая, представляет собой охранительное средство, помогающее сохранить единство группы⁹.

К функции социального сплочения у Дюркгейма присоединяется функция обычая как средства социального контроля. В сущности речь здесь идет о двух сторонах одного и того же механизма, только в первом случае рассматривается его созидательная роль, а во втором — охранительная, функция защиты созданного и постоянно воссоздаваемого с помощью моральных и юридических санкций социального единства.

Из сказанного можно сделать вывод о трех главных, тесно между собой связанных функциях обычая: функции трансляции социального опыта, интеграции и управления. Нами сознательно сделан упор на позитивных моментах учения Самнера и Дюркгейма об обычае с тем, чтобы отметить важные особенности и функции обычая. В то же время необходимо отметить, что взгляды Самнера, Дюркгейма и других буржуазных социологов на традиционные формы поведения являются частью их общих социологических концепций, где решающая социально образующая роль отводится различным сферам духовной деятельности людей. Признавая за обычаем важную функцию формирования социального единства, буржуазные социологи игнорировали роль материального производства как главной социально образующей силы.

В конкретных условиях обычай из-за своей стабильности может приобретать негативный смысл и тормозить социальное развитие, ограничивая его жесткими рамками. Поскольку культура в форме обычая транслируется в виде стандартных образцов социальной деятельности, индивидуальный опыт почти не фиксируется и не передается из поколения в поколение, «...индивидуальные обогащения культуры практически имеют исчезающе малое значение»¹⁰.

Конкретно-исторический анализ социальных функций обычаев, классовый подход к ним, разоблачение реакционной роли религиозных и ряда «национальных», в действительности классовых, обычаев (например, феодально-байских) составляет отличительную черту марксистской трактовки этого вопроса.

³ См. там же, стр. 322.

⁴ Там же, стр. 13.

⁵ См. там же, стр. 86.

¹⁰ Ю. А. Левада. Социальная природа религии. М., 1965, стр. 98.

³ См. W. G. Sumner Folkways. A Study of the Sociological Importance of Usages, Manners, Customs, Mores and Morals. Boston, 1940, p. 28.

⁴ Характерно записанное Кнудом Расмуссеном сообщение эскимосского шамана Ауа: «Мы боимся духов мертвых, как и духов животных, которых мы убили. Вот почему и для чего унаследовали мы от отцов наших все древние правила жизни. Мы не знаем, как что происходит, мы не можем сказать, почему это происходит, но мы соблюдаем эти правила, чтобы уберечь себя от несчастья». Цит. по: Л. Леви-Брюль. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1937, стр. 10.

⁵ W. G. Sumner. Folkways, p. 59.

⁶ Э. Дюркгейм. О разделении общественного труда. Одесса, 1900, стр. 154.

Эффективным средством социального контроля над поведением индивидов, а также способом их объединения является ритуал (обряд), представляющий собой исторически сложившуюся или специально учрежденную стереотипную форму массового поведения, выражающуюся в повторении стандартизированных действий. Однако смысл ритуала (в отличие от обычая) заключен не в самих составляющих его движениях, жестах, а в том, что они обозначают (символизируют). «Сам ритуальный жест является не столько действием, сколько наглядным изображением действия. Искомые следствия находятся не в нем, а в силах, которые он стремится вызвать, то есть в том, что он представляет»¹¹. Обрядовое действие — знаковое, символическое и поэтому лишено непосредственной целесообразности. «Реальное содержание обряда, как и любого знака, не в его «теле», а в том, что он обозначает...»¹²

Ритуал символизирует определенные социальные отношения (признание каких-либо авторитетов, ценностей и т. п.) и широко применялся как в «примитивных», так и в цивилизованных обществах как эффективный способ механического, неосознанного внушения идей, навязывания покорности и уважения к авторитетам, необходимости дисциплины, объединения и т. д. Т. е. ритуал используется как средство приобщения индивидов к господствующей в данном обществе системе нормативных требований.

Интегрирующая функция ритуала была проанализирована Дюркгеймом в «Элементарных формах религиозной жизни». Рассматривая культовую практику тотемизма, Дюркгейм сумел объяснить такие формы стандартизированного массового поведения, которые многие наблюдатели сводили к «предрассудкам». Так как обряды «первобытных» народов не достигали, да и не могли достичь, непосредственно поставленных перед ними целей, то им, как правило, отказывали в целесообразности, объясняя их существование силой традиции или невежеством. Сущность обряда Дюркгейм видит в его способности вызывать у собравшихся одни и те же психические состояния, которые «...зависят от того факта, что группа собралась, а не от специальных причин, из-за которых она собралась»¹³. За субъективными целями и намерениями индивидов, совершающих церемонию, Дюркгейм разглядел непреднамеренные и неосознанные, а следовательно, скрытые и трудно уловимые объективные следствия этих церемоний, состоящие в воздействии ритуала на общественную группу.

В ходе развития общества недостатки традиций как механизма управления преодолевались и возникали новые, более совершенные формы регуляции социальной деятельности. В современ-

ных общественных системах обычай проявляется в виде привычек, «окаменелостей поведения»¹⁴, которые имеют место в любом виде деятельности. Это объясняется тем, что обычай избавляет нас от необходимости подвергать логическому анализу каждый момент в нашем поведении, превращая многие из наших действий в привычку, в деятельность, не требующую теоретического осмысления.

Социалистическое общество, как и всякое другое, должно учитывать стимулирующее воздействие общности людей на психологию личности. Это подчеркивал К. Маркс в «Капитале», указывая, что сам по себе контакт многих людей в процессе труда «вызывает соревнование и своеобразное возбуждение жизненной энергии (animal spirits), увеличивающее индивидуальную производительность отдельных лиц...»¹⁵

Выявление и правильное использование социально-психологических закономерностей во взаимоотношениях индивидов позволит сделать новые советские обычаи, обряды и праздники одним из важных средств воспитания человека коммунистического общества и развития лучших традиций народа.

Праздник как социальное явление — один из способов существования обычая. Праздник может включать в себя различные обряды, забавы, игры, соревнования и т. д. Вероятно, в виде праздничных и обрядовых церемоний закрепляются те формы массового поведения, которые непосредственно связаны с установлением важнейших вех в общественной и личной жизни людей. События, которые имеют выдающееся значение в истории народа, сохраняются в памяти поколений, например годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, День Победы. Люди стремятся празднично оформить эти события, сделать их яркими, торжественными, запоминающимися.

Новые советские праздники и обряды существуют во многих областях общественной жизни. На производстве торжественно отмечаются такие важные события в трудовой жизни человека, как присвоение бригаде звания коммунистической, получение трудового разряда и первой зарплаты, чествование героев труда, проводы юбиляров труда на пенсию и т. д. Следующие новые праздники и обряды являются переломными моментами в жизни семьи (радостными или печальными): вступление в брак, рождение ребенка, совершеннолетие, получение паспорта, проводы в армию, похороны и т. д.

Способы «традиционного» поведения можно было бы разделить, с точки зрения их функционального значения, на те, в которых наследуется опыт прошлых поколений (трудовой, моральный, по-

¹¹ А. Валлон. От действия к мысли. М., 1965, стр. 125.

¹² Ю. А. Левада. Социальная природа религии, стр. 116.

¹³ E. Durkheim. Les formes élémentaires de la vie religieuse. Paris, 1912, p. 552.

¹⁴ См. Л. С. Выготский. Развитие высших психических функций. М., 1960, стр. 137.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 337.

литический и т. д.), и те, которые регулируют социальное поведение и способствуют сплоченности в группе, начиная с семьи и трудового коллектива до такой социальной общности, как народ. Отмеченные функции обычаев тесно взаимосвязаны друг с другом.

В настоящее время наблюдается тенденция связать важнейшие события в личной жизни человека, в том числе и многие семейные, с жизнью более широкой общности людей (например, производственного коллектива, где работают члены семьи), подключить общественность к урегулированию личных, важных для общества социально значимых отношений... Тем самым новые семейные праздники и обряды содействуют обогащению человека опытом нравственного поведения других людей, создают определенные моральные оценки, способствующие формированию и укреплению такого ценного нравственного качества личности, как ответственное отношение к своим обязанностям. Благодаря участию в этих праздниках широкой общественности, предъявляющей к личной жизни человека определенные требования, он осознает общественную значимость своих поступков. Мнение коллектива является основным регулятором поведения его членов, и поэтому отношение коллектива к выполнению человеком тех или иных обязанностей оказывает существенное воздействие на отношение к ним самого человека. Этому способствует сама торжественность обстановки праздника: выступления товарищей по работе, присутствие знатных тружеников, приветствия пионеров, вручение приглашенных билетов участникам праздника, красивое оформление помещения, музыкальное сопровождение праздничной церемонии и т. д. Например, на празднике, посвященном регистрации новорожденных, присутствующие берут на себя ответственность за воспитание детей, за их будущую судьбу. Этот древний народный обычай — всем родом нести ответственность за судьбу ребенка — ранее был использован церковью, которая придала ему религиозный смысл. В настоящее время этот обычай восстанавливается в новой форме. На церемонии читается вслух текст торжественного обещания, в котором нареченные родители берут на себя добровольную обязанность заботиться о новорожденном, помогать его родителям вырастить честного гражданина. Под текстом этого обязательства нареченные родители ставят свои подписи.

Повышение роли сознания в советских праздниках и обрядах ведет к замене определенной части юридических и других государственных регуляторов нравственными. Опривычение части норм общежития представляет собой необходимый момент становления коммунистических общественных отношений. Сознание играет исключительно важную роль в поведении человека, но одно лишь осознание принципов коммунистической морали отнюдь не всегда влечет за собой соответствующие им поступки. Принципы коммунистической морали становятся убеждениями человека, если у него выработалась внутренняя потребность и привычка их выполнять,

Воздействовать надо не только на сферу сознания человека, но и на его чувства, так как преимущество в любом обряде все же сохраняется за эмоциональными средствами воздействия. В воспитательной работе следует использовать не только интеллектуальные, но и эмоциональные методы воздействия, способствующие формированию высоких нравственных чувств.

Для советской обрядности характерна атеистическая направленность. Гражданские обряды — это ознаменование важнейших этапов в жизни отдельного человека или коллектива. Каждый из этих этапов предъявляет к коллективу или отдельным его членам новые требования, дает новые права, служит вехой в физическом и умственном развитии человека.

Новые праздники и обряды приобретают идеологическую, мировоззренческую значимость, которая, усиливая их воспитательное воздействие на человека, делает их средством формирования научно-материалистического мировоззрения и норм коммунистической морали.

Во многих республиках и областях нашей страны распространен, например, обряд «День памяти умерших». В отличие от церковного похоронного обряда, проникнутого идеей греховности, приниженности человека, его ничтожности перед высшими силами, советский похоронный обряд (гражданские почести умершему, возложение венков, установление надгробий и т. д.) является данью глубокого уважения к памяти и делам тех, кого уже нет в живых, воспитывает определенное нравственное отношение к тому, что сделали для жизни люди, успевшие из нее.

В обрядах и праздниках очень важно найти правильное соотношение между содержанием и формой, облечь идею происходящего в яркую, оригинальную форму. Чем ярче ритуал новых обрядов, тем больше их эмоциональное воздействие и воспитательный эффект. Они способствуют организации здорового и культурного отдыха трудящихся, открывая новые возможности осмысленного и увлекательного проведения досуга. Внедрение их в быт удовлетворяет эмоциональную потребность людей в ярких зрелищах, в театрально-приподнятых торжественных церемониях, вносят больше красочности и праздничности в нашу жизнь.

Подчеркивая значение обычаев и обрядов, в том числе и семейных, как одного из средств управления социальным поведением, нельзя забывать, что они не могут решить всех проблем, так как сами относятся к зависимым, производным и в известной мере формальным сторонам жизни общества. Обычай — форма деятельности, способ передачи культуры, механизм регулирования социальной деятельности. Обычаи и обряды «вторичны» как с точки зрения их происхождения, так и влияния на поведение.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЖЕНЩИНЫ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Л. И. ПЕТРОВА

Эра освобождения женщины начинается с победой Великой Октябрьской социалистической революции, когда женщины впервые в истории получили равные права с мужчинами во всех областях общественной жизни. Радикальное законодательное решение вопроса в Советской стране оказало огромное влияние на активизацию движения за равноправие женщин во многих странах.

Большое значение в этом отношении имел революционный подъем, наблюдавшийся в странах мира после победы Октября, а затем массовое демократическое движение после второй мировой войны. Роль женщины в экономической и политической жизни общества значительно возросла, выросло сознание женщин, усилилась их борьба за свои права.

В результате этого женщинам вынуждены были предоставить избирательные права в период 1917—1945 гг. 28 стран, а по окончании второй мировой войны только в течение 1945—1946 гг. — еще 25 стран.

Распад колониальной системы и завоевание независимости народами Азии и Африки повлекли за собой начало социального освобождения женщины и на этих континентах: к началу 1968 г. избирательные права женщинам предоставили 32 страны Азии и Африки. Всего к этому времени женщины добились избирательных прав в 121 стране мира.

Наряду с избирательными правами в большинстве стран законодательно были признаны права женщины на труд, на образование, на охрану материнства и т. д.

Положительную роль в достигнутых успехах сыграли документы ООН. Устав ООН, принятый в 1945 г., признал принцип равноправия полов. В 1948 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию прав человека, в которой вновь подтверждается принцип равноправия полов. Это принципиальное признание равноправия женщины было конкретизировано серией конвенций и других до-

кументов, принятых ООН, Международной Организацией Труда (МОТ) и ЮНЕСКО по всем основным вопросам, касающимся женщин.

Однако в действительности женский вопрос далеко еще не решен и почти во всех странах мира существуют проблемы, требующие своего разрешения.

Каковы эти проблемы? В наше время, когда существуют социалистические, капиталистические и развивающиеся страны, проблемы женщин в каждой из этих групп стран имеют свою специфику, зависят от социальной системы и находятся на различных ступенях своего развития и разрешения. В капиталистическом мире возникло глубокое и острое противоречие между формальным равноправием и фактическим бесправием женщин.

Женщины своим трудом вносят большой вклад в развитие мирового прогресса. Они составляют одну треть экономически активного населения и почти одну треть занятых наемным трудом. Анализ статистических данных показывает объективную тенденцию систематического роста женского труда во всех странах. Женщины также стремятся к труду вне дома в силу материальных и моральных причин.

Однако право женщин на труд, хотя и признано официально, фактически в капиталистических странах не гарантируется и не обеспечивается. Постоянная безработица, которая усиливается при депрессиях и кризисах, затрагивает прежде всего женщин. Они составляют большинство среди безработных. Их увольняют в первую очередь при сокращении рабочей силы. Они подвергаются дискриминации при приеме на работу. Кроме того, существует целый комплекс косвенных причин, которые ограничивают право женщин на труд (неустроенность детей, неподготовленность к труду и т. д.).

В странах капитала не разрешены и многие проблемы, связанные с использованием женского труда на производстве. В связи с научно-технической революцией и ростом женского образования расширилась сфера приложения женского труда как в производственных, так и в непроизводственных сферах. Вместе с тем современная структура занятости женщин свидетельствует о том, что большинство женщин работает в сферах, где труд оплачивается невысоко, на малоквалифицированных или неквалифицированных работах и подчас рассматривается как подсобная, вспомогательная сила. Это приводит к тому, что средний уровень зарплаты женщин намного ниже среднего уровня зарплаты мужчин. Существует и прямая дискриминация женского труда: за один и тот же труд установлены более низкие тарифные ставки и оклады для женщин по сравнению с мужчинами.

Под влиянием упорной борьбы трудящихся принцип равной оплаты за равный труд официально признан в целом ряде капиталистических стран, некоторые из них даже ратифицировали Конвен-

цию № 100 о равном вознаграждении за равный труд. Страны — участницы Европейского экономического сообщества взяли на себя обязательство проводить в жизнь этот принцип и даже зафиксировали его в статье № 119 Римского договора.

На уровень зарплаты женщины оказывает влияние и низкая квалификация женщины. Профессиональная подготовка женщин и девушек не соответствует современному научно-техническому прогрессу. Дискриминация женщины в подготовке к профессиональной деятельности начинается в общеобразовательной школе. В ряде стран Запада программы для мальчиков и девочек разные, поэтому девочки не получают того объема знаний, который дается мальчикам, особенно по математике и физике.

Девушкам мало доступны учебные заведения промышленной ориентации с техническим уклоном. Обычно они поступают в учебные заведения, по окончании которых могут рассчитывать получить работу швеи, продавщицы, медицинской сестры, воспитательницы детского учреждения, машинистки, стенографистки и т. д. Среди студентов технических вузов Японии, Англии, США девушки составляли в 1964/65 и 1965/66 гг. менее 1%.

Острейшие нерешенные проблемы существуют в области сочетания труда женщины вне дома с семейными обязанностями. Как труженица женщина участвует в производстве материальных и духовных ценностей, как мать рождает и воспитывает детей.

Капиталистическое общество, отводя женщине определенное место в производстве, не берет на себя необходимую ответственность за создание условий, позволяющих ей сочетать труд с материнством и другими семейными обязанностями.

Отсюда вытекает целый комплекс вопросов — это вопросы охраны труда женщин, охраны материнства, ухода за детьми, облегчения домашнего труда и др. Нельзя сказать, что в капиталистическом обществе на эти проблемы совсем не обращают внимания. В настоящее время в странах Запада официально существует система охраны труда, в том числе и охраны труда женщин. Но вместе с тем чрезмерное нервное перенапряжение работницы, вызванное современной механизацией производства, достигло такого предела, что тяжело отражается на состоянии здоровья работающей женщины и на физиологических особенностях ее организма.

Существуют и законы по охране материнства, но по свидетельству МОТ во многих странах они не проводятся в жизнь предпринимателями, которые предпочитают не принимать на работу женщин или увольняют их после вступления в брак, лишь бы не нести расходы по охране материнства.

Конвенция МОТ № 102, предусматривающая обеспечение денежными пособиями по материнству, не соблюдается. Не охвачены социальной охраной материнства значительные категории женщин, в том числе работающих в сельском хозяйстве.

Во всех капиталистических странах ныне существуют детские учреждения, но как по количеству, так и по качеству они не решают свою задачу по уходу за детьми даже частично. В ряде стран они удовлетворяют максимум около 10% потребностей в них.

Что касается облегчения домашнего труда, который отнимает у работающей женщины более 5 часов в день, то в странах капитала решение проблемы предоставляется частной инициативе. Новые жилые дома со всеми удобствами доступны лишь небольшой части высокооплачиваемых трудящихся.

То же самое можно сказать и в отношении использования бытовой техники. Широкая сеть кафе, ресторанов и других предприятий общественного питания носит коммерческий характер и не рассчитана на удовлетворение запросов трудящейся семьи.

Подчеркивая значение при социализме развития столовых, яслей, детских садов для освобождения женщины, В. И. Ленин отмечал, что хотя эти средства созданы крупным капиталом, но они оставались при нем редкостью либо торгашескими предприятиями. «Нет сомнения, — писал он далее, — что у нас стало гораздо больше этих учреждений и что они *начинают* менять свой характер»¹. Ленинская характеристика указанных учреждений капитализма полностью сохраняет свое значение для современных капиталистических порядков.

Буржуазное государство, ссылаясь на частную инициативу, снимает с себя ответственность за создание необходимых условий, обеспечивающих женщине возможность участвовать в общественном труде и выполнять семейные обязанности без ущерба для своего здоровья. Государство, стоящее на страже интересов частного предпринимательства, на страже интересов монополистического капитала, иной социальной политики в отношении трудящихся женщин проводить не может и не будет.

Дискриминация женщины в странах капитала имеет место и в области общественно-политической жизни.

Во всех капиталистических странах (за исключением некоторых кантонов Швейцарии)² женщины пользуются правом избирать и быть избранными. Во многих странах они составляют большинство избирателей, и процент голосующих женщин немногим уступает проценту голосующих мужчин. Но женщин мало выдвигают и избирают в выборные органы власти. Процент женщин среди депутатов парламентов в 1967 г. составлял к общему числу депутатов от 2,2 (США, Франция) до 13,5 (Финляндия). В мест-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 24.

² В 1968 г. женщины лишь в семи странах мира (Иордания, Йемен, Кувейт, Лихтенштейн, Нигерия — Северная область, Саудовская Аравия и Швейцария) не имели избирательных прав. В Португалии, Сан-Марино, Сирии избирательные права женщин были ограничены.

ных органах власти. Это число несколько больше, но не превышает 7—10% (в ФРГ — 7,5%, в Англии — 10%).

За последние годы наблюдается регресс в области выдвижения женщин в выборные органы. В США в Конгрессе 87-го созыва насчитывалось 19 женщин, а в Конгрессе 90-го созыва — лишь 12. Во Франции на выборах 1948 г. было избрано в парламент 38 женщин, а на выборах 1967 г. — 11. На выборах в 1947 г. в Италии было избрано 47 женщин депутатами парламента, а в 1967 г. — 23. Аналогичный процесс наблюдается и в других странах капиталистического мира.

Еще меньше выдвигают женщин на ответственную государственную работу. Имеются отдельные факты выдвижения женщин на министерские посты или направление их на дипломатическую работу, но это лишь единичные случаи.

Хотя женщины и являются членами различных политических партий, профсоюзов и других общественных организаций, но их значительно меньше, чем мужчин, а в руководящих органах женщин крайне мало.

В целом доля участия женщин капиталистических стран в общественно-политической и государственной жизни незначительна. Это одна из проблем, которая беспокоит мировую женскую общность.

Что касается правового положения женщин в семье, то в странах капитала еще действуют многие статьи наполеоновского кодекса. Хозяином семейного имущества является муж, ему принадлежит родительская власть, без его разрешения женщина не имеет права работать вне дома, не может участвовать в общественной жизни.

Таким образом, в современном капиталистическом мире существует целый комплекс нерешенных проблем, которые не могут не волновать женщин, женскую общественность, профсоюзные и другие организации, а также ученых, общественных деятелей и т. д.

Особенно много внимания уделяют женским проблемам буржуазные социологи. Большинство из них признает необходимость участия женщин в общественном труде и в общественной жизни, но решение проблем, связанных с этим, ищут в рамках капиталистической системы. Поэтому все их рекомендации и предложения в лучшем случае могут дать лишь частичное решение существующих проблем.

Положение женщин в развивающихся странах не менее сложное. Во многих странах Азии, Африки, Латинской Америки, наряду с капиталистическими отношениями, существуют остатки докапиталистических формаций. Экономика находится на таком уровне, что она не может обеспечить работой даже мужчин. Поэтому право женщин на труд здесь лимитируется прежде всего состоянием экономики. К тому же женщины почти совсем не подготовлены к профессиональному труду. Массовая неграмотность и

отсутствие системы подготовки женщин к профессиональной деятельности служат основными причинами этого явления. Учиться в профессиональных школах, колледжах, в высших учебных заведениях имеют возможность очень немногие женщины. Основная масса экономически активного женского населения занята в сельском хозяйстве, в ремесленном производстве и в розничной торговле; среди работающих по найму лишь 5—7% женщин.

Оплата женского труда во многих странах Азии, Африки, Латинской Америки составляет две трети — три четверти заработной платы мужчин. Женщины выполняют в основном малоквалифицированную работу. Даже в странах Латинской Америки, где удельный вес наемного труда женщин больше, чем в Азии и Африке, доля квалифицированной женской рабочей силы составляет 3—4% среди всех занятых наемным трудом.

В области социально-политической жизни активность женщин в развивающихся странах за последние годы заметно возросла. Во многих странах Азии и Африки женщины играли значительную роль в борьбе против колониализма, за национальную независимость.

После завоевания политической независимости правящие партии стремятся вовлечь женщин в социально-политическую жизнь. С этой целью создаются женские секции, женщины избираются в государственные органы власти. Депутатами парламентов или национальных собраний женщины избраны в Гвинею (27% всех депутатов по выборам 1967 г.), Танзании, ОАР, Алжире, Тунисе, Индии, Иране, Турции и др. В ряде стран женщины занимают высокие государственные посты. Первой женщиной премьер-министром была С. Бандаранаике на Цейлоне. Затем премьер-министром стала Индира Ганди в Индии. В ряде стран Африки имеются женщины министры (Гвинея), заместители министров (Эфиопия, Танзания). В Замбии женщина заняла пост генерального прокурора.

В странах Латинской Америки участие женщин в общественно-политической жизни незначительно. Причинами, препятствующими социально-политической активности женщин, являются неграмотность, живучесть традиций, обычаев, влияние религии, зависимое положение в семье и т. п.

Семейно-брачные отношения во многих развивающихся странах складывались под влиянием обычного права и законодательства, насаждаемого колонизаторами, а также под воздействием религии. Отсюда многообразие типов брачно-семейных отношений, но одно было общим — женщина ставилась в подчиненное положение в семье.

Многие молодые страны Азии и Африки приняли законодательство, по-новому регулирующее семейно-брачные отношения. Запрещена насильственная выдача девушек замуж, установлен более высокий брачный возраст, введены регистрация брака и новый порядок его расторжения. Но полигамный брак сохраняется почти

всюду, где он имел место в прошлом; запрещен законом только в Тунисе, на Береге Слоновой Кости и в Центральной Африканской Республике. Новые законы, например в Мали и Гвинее, не отменяют выкупа за невесту, а лишь ограничивают его размер, т. е. сделаны первые шаги к улучшению правового положения женщины в семье, но для радикального решения этого вопроса требуется время, длительная и упорная борьба за преодоление остатков патриархально-феодалных отношений в семье и влияния буржуазного законодательства о браке и семье, за изживание устаревших традиций и обычаев.

Таким образом, в развивающихся странах женские проблемы имеют свою специфику, решение их зависит прежде всего от развития экономики и культуры, от ликвидации неграмотности и, разумеется, от социально-экономической политики государства.

Опыт решения женского вопроса в социалистических странах практически подтверждает теорию марксизма-ленинизма, согласно которой женский вопрос может быть разрешен только в обществе, в котором нет частной собственности на средства производства, нет эксплуататорских классов, в обществе, где существует подлинная социалистическая демократия, основанная на широком участии народных масс, независимо от пола, в управлении государственными и общественными делами.

В Советском Союзе победил социализм, начался переход ко второму этапу коммунистического общества. Социалистическое строительство осуществляется в ряде других стран. В этих условиях проблема женского равноправия — большой социальный вопрос, в решении которого заинтересовано все общество. В СССР и других странах социализма государством и обществом в целом проводится такая социально-экономическая политика, которая позволяет более успешно и радикально решать все проблемы, связанные с положением женщин.

По закону в странах социализма женщина не только полностью равноправна с мужчиной, но пользуется целым рядом привилегий, связанных с материнством. Право на труд женщинам гарантируется и обеспечивается всей социалистической системой — отсутствием безработицы, правом на образование, на государственную охрану интересов матери и ребенка, на отпуск по беременности с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских яслей, детских садов и других детских учреждений.

Все эти гарантии позволили женщине более активно участвовать в общественном труде и в общественно-политической жизни. Процент занятости женщин в социалистических странах выше, чем в странах капиталистического мира. Значительно выше и социальная активность женщин, их роль в государственном и хозяйственном управлении. Если в среднем в мире женщины составляют 27% всех работающих по найму, то в Советском Союзе они составляют 50% рабочих и служащих, около 50% — в Корее, Болга-

рии, ГДР, Чехословакии и др. Женщины играют огромную роль в народном хозяйстве как специалисты. В СССР, например, 58% всех специалистов с высшим и средним образованием составляют женщины.

Массовое участие принимают женщины в выборных органах власти, в партийных, профсоюзных и других общественных организациях. В СССР 425 женщин являются депутатами Верховного Совета (28%), женщины составляют 43% депутатов местных органов власти. В отличие от капиталистических стран участие женщин в выборных органах власти систематически возрастает.

Вместе с тем и в социалистических странах в области труда уровень квалификации женщин все еще отстает от уровня квалификации мужчин; на руководящей работе в области промышленности и в других производственных и непроизводственных сферах, а также в области общественно-политической жизни женщин значительно меньше.

Основная причина этого неравенства — нерешенные проблемы быта. Женщина чрезмерно загружена домашним хозяйством, поэтому у работающей женщины меньше свободного времени и, следовательно, меньше возможностей для повышения квалификации, роста культурного уровня и отдыха. Это отражается на ее производственной жизни и социальной активности. Следует также отметить, что хотя для социалистической семьи характерно формирование новых внутрисемейных отношений, старые взгляды на роль женщины в семье и обществе частично сохраняются.

В социалистических странах проводится четкая государственная политика, направленная на решение этих проблем. Поставлены задачи в ближайшее время полностью обеспечить потребность в детских учреждениях, добиться усовершенствования их работы. Проводится огромная работа по развитию форм общественного обслуживания быта семьи, по расширению сети общественного питания, торговли, предприятий бытового обслуживания. Определенные усилия направлены и на повышение квалификации трудящихся женщин, на механизацию ручных работ и использования женщин на более квалифицированных и хорошо оплачиваемых работах.

Решение всех этих проблем опирается на экономическое и социальное развитие страны в целом. Поэтому женщины заинтересованы своим трудом ускорить создание такой экономической базы, на основе которой будут полностью решены существующие на данном этапе развития общества женские проблемы.

Пример социалистических стран, где женщинам гарантировано полное равноправие, имеет большую притягательную силу для борьбы женщин в капиталистическом мире.

В современных капиталистических странах существуют десятки и сотни различных буржуазных женских организаций, занимающихся проблемами женщин. Многие из них объединены в

международном масштабе. К числу наиболее известных женских организаций относятся такие организации, как Международный совет женщин, Международный женский альянс за равные права и обязанности. Существуют, кроме того, многочисленные организации с профессиональным уклоном, как, например, Международная федерация женщин с высшим образованием, Международная федерация женщин деловых и свободных профессий, Всемирная ассоциация сельских женщин, Международная федерация женщин-юристов, Международная ассоциация женщин-медиков и многие другие, в том числе целый ряд женских организаций, занимающихся проблемами детей. Массовыми и влиятельными являются религиозные женские организации, среди которых наиболее активны католические.

Преобладающее большинство международных женских организаций пользуется статусом «А» или «Б» при социально-экономическом Совете ООН, в ЮНЕСКО, участвует в различных международных семинарах специализированных международных организаций, а также проводит собственные мероприятия, на которых обсуждают актуальные проблемы современного женского движения. Они стараются вести за собой женские организации как можно большего числа стран, уделяя особое внимание женщинам Азии и Африки. Все эти организации являются проводниками буржуазной идеологии.

Существующие женские секции при различных буржуазных партиях ведут борьбу за женские голоса во время избирательных кампаний. Широкие возможности воздействия на женщин при помощи современных средств пропаганды приводят к тому, что нередко реакционные силы завоевывают власть при помощи женских голосов.

Следует отметить, что большое значение распространению своего влияния на женщин придают и социал-демократические партии. Женские секции при социал-демократических партиях в целом ряде стран Европы охватывают сотни тысяч женщин. Эти секции объединены в Международный совет социал-демократок, задача которого — пропагандировать социал-демократические взгляды среди широких масс трудящихся женщин Европы, Америки, Азии и Африки.

Многие из буржуазных женских организаций прямо или косвенно борются против прогрессивных женских сил, стараются подорвать единство демократического женского движения. Однако демократическое женское движение крепнет, расширяется и представляет один из отрядов современного прогрессивного движения. К нему примыкают простые работницы и члены профсоюзных организаций, женские секции при прогрессивных профсоюзах, женские комитеты и комиссии при международных профсоюзных центрах Всемирной федерации профсоюзов (ВФП), демократические женские организации во главе с Международной демократи-

ческой федерацией женщин (МДФЖ), женщины — борцы за мир, за национальную независимость, женские секции кооперативных, молодежных и других прогрессивных организаций. Каждая из этих организаций имеет свои цели и задачи, свои формы и методы борьбы.

Женщины-работницы в капиталистических странах выступают как часть рабочего класса. Вместе со всеми рабочими они ведут борьбу против господства монополистического капитала как за общие требования рабочего класса, так и за специфические требования работниц (против дискриминации их в праве на труд, в оплате труда, в праве на профессиональную подготовку, на охрану материнства и т. п.).

Непреложным фактом является обострение классовой борьбы в капиталистическом мире, в которой все активнее участвуют трудящиеся женщины. В 1968 г. 57 млн. тружеников Франции, Италии, Англии, США, Японии и других капиталистических стран вели забастовочную борьбу. В целом ряде случаев борьба эта завершилась победой рабочих, предприниматели вынуждены были удовлетворить их требования. Например, в 1968 г. в результате майско-июньских выступлений трудящихся Франции был повышен гарантийный минимум зарплаты на 14%. Это коснулось 3 млн. низкооплачиваемых работниц; повысились, кроме того, семейные пособия. В Эквадоре в результате совместной борьбы женских и профсоюзных организаций пенсионный стаж был снижен с 35 до 25 лет.

В капиталистических странах коммунистические и рабочие партии, в деятельности которых на равных правах участвуют женщины, решительно поддерживают их требования, организуя их не только на борьбу за повседневные нужды, но и за коренное переустройство общественной структуры, за социализм.

Наряду с профсоюзным и коммунистическим движением, в котором участвуют трудящиеся женщины, существуют широкие демократические национальные женские организации, объединяющие женщин независимо от партийной и классовой принадлежности. Эти организации ставят перед собой демократические цели. Они выступают против дискриминации женщин, в защиту детей, за мир, демократию и свободу народов, активно поддерживают национально-освободительную борьбу народов против империализма и колониализма. Многие из них состоят членами МДФЖ.

Рожденная сразу после второй мировой войны (декабрь 1945 г.), МДФЖ объединила в своих рядах женщин, прошедших путь борьбы против фашизма и войны и готовых отдать все свои силы, чтобы не допустить новой мировой катастрофы, сделать все возможное, чтобы занять достойное место в семье и обществе.

В отличие от многих буржуазных организаций, пытающихся удержать женщин от участия в борьбе против агрессивных акций империалистов, МДФЖ ставит перед собой более широкие за-

дачи, выражающие стремление самых широких женских масс всех стран и континентов.

Отстаивая права женщин, защищая интересы детей, МДФЖ вместе с тем активно выступает за мир, в поддержку национальной борьбы народов. МДФЖ была одним из инициаторов создания движения сторонников мира и вносит в это движение огромный вклад. Она гневно осуждает и разоблачает империалистическую агрессию, колониальный гнет, расовую дискриминацию, организует кампании солидарности с народами, отстаивающими свое право на независимость, осуществляет самые различные мероприятия, направленные на защиту детей от опасности войны, от голода и болезней, за создание для них счастливого будущего. Она изучает и анализирует современное женское движение и, пользуясь консультативным статусом, выдвигает предложения перед специализированными организациями ООН, ЮНЕСКО, МОТ, добиваясь, чтобы международные конвенции и законы, признающие права женщин, проводились в жизнь.

Ведя последовательную линию на сотрудничество между женскими организациями, в программах которых есть общие пункты, МДФЖ неоднократно являлась инициатором международных встреч женщин. В 1963 г. по ее инициативе состоялся Всемирный конгресс в Москве с участием около 2 тыс. делегатов 113 стран всех пяти континентов. По инициативе МДФЖ в июне 1969 г. в Хельсинки происходил очередной Всемирный конгресс женщин, который обсудил роль женщин в современном мире.

МДФЖ поддерживает тесные контакты с профсоюзными, молодежными, кооперативными и другими организациями, всячески содействует сплочению и развитию международного демократического движения.

Советские женщины представляют собой один из крупных отрядов международного демократического женского движения и принимают в нем самое активное участие.

Представителем советских женщин в международном женском движении является Комитет советских женщин, который был создан в сентябре 1941 г., т. е. вскоре после нападения фашистской Германии на Советский Союз. В то время главной задачей Комитета было объединение усилий советских женщин с усилиями женщин зарубежных стран в борьбе за разгром фашистского агрессора.

По окончании войны Комитет советских женщин явился одним из инициаторов созыва Международного женского конгресса в Париже, учредившего Международную демократическую федерацию женщин.

В качестве секции МДФЖ Комитет участвует во всей деятельности этой организации, во всех международных женских встречах, во всех кампаниях, проводимых по инициативе МДФЖ.

В настоящее время наиболее острой международной проблемой, требующей своего быстрейшего разрешения, является агрес-

сивная война США против Вьетнама. Движение солидарности с Вьетнамом стало концентрированным выражением стремления прогрессивного человечества к миру. Тысячи женщин в разных странах участвуют в демонстрациях протеста против американской агрессии, пикетируют посольства США, собирают средства, чтобы послать во Вьетнам продукты питания, одежду, лекарства, медицинские инструменты, сдают кровь для вьетнамских госпиталей; в ряде стран, например в Австралии, женщины — члены движения «Спасите наших сыновей» препятствуют отправке солдат во Вьетнам. В США по инициативе движения «Женщины, боритесь за мир» имеют место массовые выступления женщин за прекращение войны во Вьетнаме, за вывод американских вооруженных сил с вьетнамской земли.

Советские женщины принимают в этом движении самое активное участие; как и весь советский народ, они полностью одобряют и поддерживают политику Советского правительства, направленную на оказание всесторонней помощи Вьетнаму в борьбе против американской агрессии.

Своим самоотверженным трудом на предприятиях, выполняющих заказы для Вьетнама, советские женщины помогают героическому народу Вьетнама. Они собирают средства в фонд мира для оказания помощи женщинам и детям Вьетнама. На эти средства Комитет советских женщин вместе с другими советскими общественными организациями систематически направляет во Вьетнам крупные партии грузов с продовольствием, одеждой, медикаментами, оборудованием для госпиталей и т. д. Комитет направляет женщинам Вьетнама, кроме того, десятки тысяч посылок от работниц Москвы, Ленинграда, Киева, Минска и других городов нашей страны.

Комитет является членом Международного комитета солидарности с народом Вьетнама, созданного по инициативе МДФЖ. Представители Комитета советских женщин приняли активное участие в Международной конференции солидарности с народом Вьетнама, состоявшейся в Стокгольме в 1967 г. Неоднократные заявления Комитета в связи с американской агрессией во Вьетнаме, выступления представительниц Комитета с международных трибун, в прессе оказывают влияние на развитие международного женского движения солидарности с народом Вьетнама.

Комитет советских женщин осудил агрессию Израиля против арабских стран, опубликовав ряд заявлений, и выразил свою поддержку женским организациям арабских стран. Комитет продолжает выступать с требованием прекращения провокаций Израиля, вывода израильских войск с захваченных территорий.

Советские женщины, верные принципу интернационализма, поддерживают все народы, борющиеся за национальную независимость, демократию и социальный прогресс. С солидарностью советских женщин с патриотами Анголы, «Португальской» Гвинеи, Мо-

замбика выражается как в политической, моральной поддержке, так и в материальной помощи. Комитет выступает против расизма, апартеида, против репрессий и преследования прогрессивных сил Греции, Испании, Португалии и других стран.

Советские женщины учитывают, что угроза миру существует не только в тех районах, которые подверглись открытой агрессии. Возрастающее напряжение в Европе, рост неофашизма в Западной Германии, реваншистские планы Бонна вызывают их законную тревогу. Комитет советских женщин высказал беспокойство в своем обращении к национальным и международным женским организациям. Он приветствует инициативу социалистических стран о созыве общеевропейской конференции по проблемам европейской безопасности.

Широкое и активное участие Комитета советских женщин в борьбе за мир и национальную независимость народов — это лишь часть его деятельности. Большую работу Комитет проводит по развитию взаимопонимания и дружбы между советскими и зарубежными женщинами. Он поддерживает связь с национальными женскими организациями более ста стран мира и со многими международными женскими организациями, обменивается с ними делегациями, делится опытом работы. Ежегодно десятки зарубежных женских делегаций посещают Советский Союз по приглашению Комитета, знакомятся с советской действительностью, с жизнью советских женщин. Равным образом и делегации советских женщин, посещая зарубежные страны, снабжают женщин этих стран конкретной информацией о жизни в СССР и знакомятся с положением женщин других стран. Эти контакты имеют огромное значение для развития взаимопонимания женщин, для дружбы, для международного женского движения.

Целеустремленный характер имеют контакты между советскими женщинами и женщинами развивающихся стран. Женские делегации из Азии и Африки приезжают в Советский Союз, чтобы изучить опыт решения женского вопроса, особенно в советских национальных республиках. По приглашению национальных организаций представители Комитета советских женщин выезжают в развивающиеся страны, выступают с лекциями на семинарах и собраниях женщин по различным вопросам, в том числе по вопросам ликвидации неграмотности, женского образования, санитарного просвещения и т. д. Конкретная помощь Комитета женщинам развивающихся стран выражается также в выделении стипендий для девушек стран Азии, Африки и Латинской Америки. Ежегодно 15 девушек из этих стран поступают в вузы Советского Союза, получая стипендию Комитета советских женщин.

Особенно тесны контакты Комитета советских женщин с женскими организациями социалистических стран. Практика решения женского вопроса в социалистических странах показывает единство закономерностей социализма (не исключаяющее наличия спе-

цифических особенностей), в частности осуществление государственных мер для фактического обеспечения равноправия женщин в семье и обществе. Преимущество стран, вступивших на путь социализма позднее СССР, заключается в том, что они могли воспользоваться опытом нашей страны в решении женского вопроса.

В настоящее время каждая социалистическая страна накопила собственный опыт в этой области. В ряде стран социализма на женские организации возложена значительная ответственность за работу среди женщин, за мобилизацию их на строительство социализма, а также на борьбу за решение чисто женских проблем.

Встречи между представителями советских женщин и женщин других стран социализма являются формой обмена опытом о путях решения существующих еще проблем и о роли женщин в выборе этих путей. На этих встречах происходит и обмен мнениями по вопросам международного женского движения, в котором участвуют женщины всех стран социализма.

Существование остатков неравенства женщин предопределяет наличие особых женских организаций. В Советском Союзе, помимо Комитета советских женщин, существуют и другие формы организации женщин. Это женские комиссии при профсоюзах (начиная с ВЦСПС), женские советы на предприятиях, в колхозах, которые играют определенную роль в борьбе за решение существующих проблем, в борьбе за коммунистическое воспитание советских женщин.

Современные проблемы женщины и современное женское движение привлекают к себе внимание не только женских организаций, но и всей общественности, в том числе государственных институтов и научных учреждений. Свидетельством этому служит и рост числа научных трудов, исследующих положение трудящихся женщин, их роль в труде, обществе и семье.

Ряд проблем, касающихся женщин, нуждается в дальнейшем детальном анализе. Известно, что на страницах советской периодической печати нередко поднимаются острые проблемы, связанные с трудом женщин, с проблемами материнства, воспитания детей и т. д. В дискуссии по этим вопросам высказываются различные мнения, многие из которых лишены научной аргументации. Неопытна в связи с этим позиция руководителей научных учреждений, которые не включают в планы работ женскую тематику.

Руководствуясь марксистско-ленинской теорией в решении женского вопроса, Партия и Правительство в Советском Союзе осуществляют крупные мероприятия, направленные на ликвидацию остатков социального неравенства женщин в быту. Долг ученых глубоко изучить имеющиеся проблемы и внести предложения, сделать научные рекомендации. Такие труды будут иметь и большое международное значение. Они вооружат деятелей международного демократического женского движения правильным пониманием многих современных социальных проблем.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
В ТЕОРИИ СЕМЬИ *

Р. ХИЛЛ

В данной статье термин «теория» обозначает не только систему законов, сформулированных на основе экспериментальных исследований (насколько автору известно, такой теории для семьи не существует), но и обобщения, обладающие меньшей объяснительной способностью, и просто рациональные описания, которых в американской литературе о семье достаточно много. Описательная теория дает картину явления, объяснительная теория говорит, почему происходит данное явление. Обе теории правомерны. Внутри объяснительной теории можно выделить частную теорию и общую теорию. Первая предполагает ограниченные объяснения частных аспектов семейных явлений, большая часть которых получена из эмпирических исследований, имевших целью определения упорядоченных взаимоотношений в выбранных районах всего поля исследований семьи. Общая же теория стремится к универсальным, всеобщим объяснениям.

При определении термина «теория» исключается рассмотрение теории в качестве антологии социологических классиков (как назвал их Х. Зэттерберг), в качестве общественных комментариев и критики, а также как системы, основанной на предположениях и догадках.

Теория семьи предполагает широкий охват материала от макроскопического анализа институциональных изменений структуры и функций семьи до микроскопических предположений о коалиционных образованиях в семейных группах различного размера и состава. В этом обзоре, однако, явления семьи рассматриваются ча-

ще не как детерминанта, а как следствие. Теория трактует семейное поведение скорее как требующую объяснения зависимую переменную, а не как детерминанту развития личности или социальных перемен — как бы ни были важны эти вопросы для других исследований. Здесь термин «теория семьи» от малых обобщений, описательных и объяснительных, от конкретных аспектов семейных явлений переходит к более общим, приближающимся к частным теориям, наконец, к общим теориям происхождения и эволюционного развития семейных форм. Компоненты теории семьи определяются, во-первых, как понятия, концептуальные схемы, являющиеся классификацией и взаимоопределением концепций, и, во-вторых, как предположения о взаимоотношениях концепций внутри схемы.

Для анализа семьи необходима разработка оптимальных концептуальных схем, отбор жизнеспособных схем, приведение их в порядок путем уточнения старых или создания новых понятий, построение понятий связей для объяснения семьи и других систем и взаимоопределение понятий для более четкой концептуальной интеграции.

Предлагаемые схемы исследования семьи были выведены на основе анализа нескольких сот американских публикаций начиная с 1920 г.

За первой работой Р. Хилла, А. Катца и Р. Симпсона¹, назвавшей семь схем, и теми, кто их в 1957 г. использовал, последовало гораздо более детальное описание схем семьи Р. Хиллом и Д. Хансеном², где основные концептуальные свойства и неявные предположения пяти схем были раскрыты в таксономических таблицах. В этих таблицах были даны три категории понятий: тип рассматриваемого поведения, социальное пространство, в котором оно осуществляется, и размеры социального времени. Были раскрыты следующие схемы: институциональная, структурно-функциональная, символическое взаимодействие, ситуационная схема и развитие семьи.

Выдвинув требование, по которому каждая схема, чтобы быть принятой, должна содержать понятия, в которых семья описана и как группа и как институт, Хилл и Хансен, ничего не добавив к списку Хилла — Катца — Симпсона, изъяли из него две схемы (теорию обучения и экономику потребления.) Названные работы послужили стимулом для десятков статей ученых Азии, Европы и Америки и привели к созданию четырех глав в ставшем уже классическим «Справочнике по браку и семье» Г. Христенсена³.

¹ R. Hill, A. M. Katz, R. L. Simpson. An Inventory of Research in Marriage and Family Behaviour: A Statement of Objectives and Progress.— «Marriage and Family Living», 1957, v. 19.

² R. Hill, D. A. Hansen. The Identification of Conceptual Frameworks Utilized in Family Study.— «Marriage and Family Living», 1962, v. 24.

³ «Handbook of Marriage and the Family». Chicago, 1964, p. 33—245.

* Перевод В. Б. Голофаства.

В этих главах описываются история каждой из пяти схем, главные исследования, использующие эти схемы, и возникшие в результате этих исследований обобщения.

Попытка определить и раскрыть концептуальные схемы исследования семьи была сделана в работе И. Най, Ф. Берардо и др.⁴ Основываясь на исследовании Хилла — Хансена, они стремились более детально описать скрытые возможности и ценностные положения этих схем, а также вклад, который эти схемы внесли в теорию и практику. Най и его сотрудники добавили, кроме того, к основным пяти схемам Хилла — Хансена шесть новых схем семьи, хотя не все из них содержали понятия, необходимые для изучения семьи как группы или института. Это антропологическая, психоаналитическая, социально-психологическая, экономическая, юридическая и западнохристианская схемы. Авторы подчеркивают значение антропологической, психоаналитической и экономической схем. Каковы недостатки в определении перечисленных схем и понятий? Наряду с пустыми ячейками в таксономии понятий, а также семантическими пробелами, имеется для одних и тех же ячеек несколько понятий, почти не отличающихся по своему значению.

Примером серьезного семантического пробела может служить ограниченность понятийного аппарата, пригодного для описания поведенческих качеств семьи как малой группы. Вследствие недостатка подходящих терминов приходится привлекать для описания семьи как целого понятия, пригодные лишь для индивидов. Г. Хэндель затронул эту проблему в обращенной к психологам полемической статье «Психологический анализ семьи как целого»⁵.

Как применить к семье термины мотивация, аппетит, продвижение? Семьи могут развивать свой стиль жизни, могут создавать свою репутацию, но развивают ли они свою индивидуальность? Если мы обратимся к терминам диагностики, путаница станет еще очевидней. Разве удобно говорить о семье в таких терминах, как «семья-невротик» или «семья-шизофреник»?

Семью можно описывать с точки зрения развития отношений, которые способствуют возникновению неврозов, но вряд ли удобно именовать такую семью невротической.

Далее, семья — это особая группа, обладающая как историей, так и будущим. Пригодны ли одни и те же термины для описания семьи зарождающейся, семьи в период вынашивания ребенка, семьи на разных стадиях воспитания ребенка и семьи после окончания периода воспитания? Как назвать брачные пары, которые никогда не имели детей, — являются ли они семьей?

Может быть, их назвать «задержанными» семьями? Как различать семью родителей мужа, собственно супружескую семью и семьи их женатых детей?

Не хватает групповых терминов и для характеристики связи семьи с внешними агентами, когда внутренняя система семьи остается скрытой.

К недостаткам другого рода относится бедность понятий-связок, понятий о связи между семьей и личностью, семьей и обществом. Понятия роли, нормы, ценности являются примерами связок, которые достаточно хорошо соединяют семью и личность. Роли, например, определяются, уточняются, предписываются и санкционируются семьей как группой, а воспринимаются, изучаются, принимаются и используются индивидами как членами семьи. Ценности равно определяются и интегрируются в семье как элементы ее культуры. Они часто разделяются всеми членами семьи, хотя воспринимаются, поддерживаются и выражаются прежде всего личностями. Н. Белл и Е. Фогель показали, что феномен функции также выполняет роль связки между системой семьи и обществом, ибо связан как с семьей, так и с некоторыми другими социальными системами⁶.

В исследовании семьи Р. Хэсс и Г. Хэндель⁷ развивают несколько понятий, относящихся одновременно и к отдельным членам семьи, и к семье как группе. Так, Хэндель пишет: «... Разделенность и связанность являются скрытыми условиями семейной жизни... Основа семейного процесса — это усилия к достижению удовлетворительного образца разделенности и связанности... Поведение в семье можно рассматривать как стремление к достижению удовлетворительного совпадения возникающих в сознании членов семьи представлений друг о друге посредством обмена с достаточной степенью доверия. Это взаимодействие семьи обычно концентрируется вокруг особой темы в каждой семье. Темы эти следующие: борьба за безопасность, уравновешенность и то, что ей угрожает, динамика несвязанности, демонстрация конструктивной независимости, удовольствие, кризисы общения»⁸.

Из этого краткого перечня можно выделить несколько очевидных понятий-связок, развитых Хэссом и Хэнделем: образцы разделенности и связанности, совпадение образов, доверительный обмен и темы семьи. Добавочные связки, подразумеваемые этими учеными, включают понятие ограниченной оседлости и

⁶ «A Modern Introduction to the Family». Glencoe, 1960. См. особенно дискуссию о взаимобменах между нуклеарной семьей и некоторыми соседствующими системами (стр. 8—19).

⁷ R. D. Hess, G. Hande l. Family World: A Psychological Approach to the Family Life. Chicago, 1959.

⁸ G. H a n d e l. Psychological Analysis of the Family, p. 27—28.

⁴ «Conceptual Frameworks for the Study of the Family». N. Y., 1966.

⁵ G. H a n d e l. Psychological Analysis of the Family. — «Psychological Bulletin», 1965, No 63.

поддержки, рассматриваемые членами семьи в виде границ, в пределах которых осуществляется опыт семьи; кроме того, есть еще понятия концентрирования и рассеивания взаимодействия, рассматриваемые в виде образцов расстановки и коалиции членов семьи.

Итак, развернутая концептуальная схема исследования семьи как социальной группы должна была бы включать следующие основные параметры (схема 1). Суммируя обсуждение концептуальных недостатков, необходимо отметить, что из проанализи-

Схема 1

Общий вид таксономической концептуальной схемы для исследования семьи

ПОНЯТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА   1. Границы, пространственные пределы рассматриваемой системы
Что включено?
Что осталось за пределами? 2. Структура
Число единиц
Размещение единиц
Иерархия единиц (власть, источники)
Конфигурация единиц (близость, социометрика)
Взаимозависимость единиц (взаимосвязанность по функции, услуге)
Нормативные требования к единицам и к системе <p>ПОНЯТИЯ СИСТЕМНОГО ПОВЕДЕНИЯ</p> <ol style="list-style-type: none"> 3. Образцы поведения
Системы в целом с другими системами, переходное поведение
Единиц внутри системы, взаимодействующее поведение
Отдельной единицы, действующее поведение <p>ПОНЯТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ</p> <ol style="list-style-type: none"> 4. Обычный рост и развитие в течение существования группы
Структурные изменения в группе
Размер
Структура возрастного состава и размещения
Иерархические изменения
Изменения конфигурации
Нормативные изменения, смена роли
Изменения во взаимозависимостях
Изменения в членах единицы
Ожидания, по возрасту (культурному)
Созревание по возрасту (биологическому) | <p>Поведенческие изменения в течение существования по стадиям
Группа в отношении общины
Взаимодействие членов
Индивидуальные достижения</p> <p>ПОНЯТИЯ СВЯЗКИ</p> <ol style="list-style-type: none"> 5. Связки между системами
Группой и более широкими системами (община)
Группой и соседствующими системами (школа и т. д.)
Группой и меньшими единицами (личность, члены) 6. Связки между наблюдаемым и выводимым
Из действия и взаимодействия
Конкретно наблюдаемые фрагменты поведения
Образцы поведения
Темы поведения
Из ожиданий и норм
Сформулированные желания, надежды, цели
Разделяемые ценности и нормы
Структура роли
Между образцами поведения и нормативной структурой
Выполнение роли
Различие между достижением и ожиданием 7. Связки от явного объективного уровня взаимодействия к субъективно ощущаемому уровню определения и восприятия
Групповые определения ситуаций и требований, приложенные к групповому выполнению к возрастным позициям
Индивидуальное восприятие
Нормы и ожиданий, семьи и членов
Поведения других, отклонений в выполнении ролей |
|---|---|

рованных концептуальных схем ни одна не связана со структурными изменениями в семье в течение жизненного цикла — особенно с иерархическими изменениями, изменениями конфигурации и взаимозависимостей.

Рассмотрим семантические повторения и многословие концепций. В концептуальных схемах различные или не вполне совпадающие термины помещаются в одни и те же ячейки таксономий. Великолепный пример — это путаница в употреблении таких терминов, как статус, положение, ранг, местонахождение и роль. Каждый из этих терминов употребляется теоретиками семьи в описании иерархических и горизонтальных перемещений членов семьи по отношению друг к другу.

Другой пример путаницы связан с явлениями ограниченности свободы отношений между членами семьи: сплоченность семьи, интеграция, солидарность, единство, приспособленность, согласие, сочувствие, согласованность и совпадение.

Наиболее многообещающий список уменьшения терминологического многословия концепций — техника взаимоопределения основных понятий. В работе «Человеческая группа» Дж. Хоуменс⁹ сделал это для понятий «деятельность», «взаимодействие» и «чувство». Ф. Бейтс¹⁰ выполнил такую работу для понятий «структура группы», «позиция», «роль» и «норма».

Был достигнут некоторый прогресс во взаимоопределении основных понятий и для теории семьи; но пока только одна из пяти рассмотренных Хиллом и Хансеном схем была подвергнута этой процедуре.

А. Блэлок¹¹ объединила три класса понятий: относящиеся к индивидам и к семейной группе, относящиеся к поведению и структуре, наблюдаемые и требующие выведения. На схеме 2 размещены основные понятия Блэлок: действие и взаимодействие, ожидание и норма, позиция и структура. Ей удалось взаимно определить эти шесть понятий, каждое в терминах других.

Р. Хилл и Р. Роджерс¹² описали некоторые из более поздних попыток взаимоопределения терминов. Начав с взаимоопределенных понятий Бейтса, относящихся к «семейной структуре», «позиции», «роли» и «норме», теоретики развития семьи использовали взаимоопределенные концепции набора ролей, комплекса ролей и последовательности ролей И. Дейтчера с целью построения

⁹ G. C. Homans. The Human Group. N. Y., 1950.

¹⁰ F. Bates. Position, Role and Status: A Reformulation of Concepts.— «Social Forces», 1956, 34.

¹¹ A. Blalock. A Conceptual Scheme for Analysing Families as Small Group. North Carolina, 1954.

¹² R. Hill, R. H. Rodgers. The Developmental Approach.— «Handbook of Marriage and the Family», p. 178—185.

Классификационная схема взаимоопределения понятия (Блэлок)

Понятия	Индивид как единица		Группа как единица	
	Наблюдаемые понятия	Выводимые понятия	Наблюдаемые понятия	Выводимые понятия
Поведенческие Структуральные	Действие —	Ожидание Позиция	Взаимодействия —	Норма Структура

Примечание. Ожидания и нормы были выбраны среди других классов скрытого поведения потому, что эти два понятия, видимо, наиболее полезны для исследования семьи с социологической точки зрения. «Эмоции», «верования», «цели», «ценности» и т. д. являются также важными классами скрытого поведения, но они не включены в эту схему. Индивидуальные понятия относятся к индивидам как групповые понятия к группам. Идея группы, обладающей «поведенческими характеристиками» (взаимодействие) не требует того, чтобы «группы действовали». Использование индивида как единицы исследования означает, что акцент делается на отдельном индивиде; когда же группа берется как единица, акцент делается на множестве индивидов. Множество не ведет себя как отдельный индивид. Концепция взаимодействия не может быть применена к индивиду, тем не менее она важна для социологии; она является скорее «поведенческой концепцией», а не «структуральной».

теории в соответствии с предложением Б. Фабера рассматривать семью как набор взаимообусловленных судеб или «карьер». Было разработано соответствующее связующее понятие — «позиционная карьера», как взаимообусловленность последовательности ролей, играемых в определенной позиции.

Поскольку стадии развития семьи были уже определены как изменения в семейном комплексе «позиция — роль», семейная карьера стала обозначать «взаимообусловленность позиционных карьер членов семьи».

Одним из следствий взаимоопределения понятий будет значительное уменьшение общего их числа, так как понятия, имеющие незначительные различия внутри схемы, будут объединены в объяснительной теории, на развитии которой настаивал Х. Зеттерберг¹³.

Концептуальные схемы позволяют, во-первых, выделять и классифицировать типы семей, расставлять и упорядочивать те виды поведения семьи, которые наши концептуальные линзы открывают для наблюдения. Если нас не удовлетворяет описательность журналистского типа, мы должны стремиться к объяснениям, к формулированию предположений о наблюдаемых нами явлениях.

¹³ H. L. Zetterberg. On Theory and Verification in Sociology. N. Y., 1963, p. 1—5.

Никто не выразил эту задачу лучше, чем Х. Зеттерберг¹⁴, который рассмотрел большую часть социологического теоретизирования на основе таксономического описания и определил шаги к тому, что он называет теоретической социологией. Некоторые работы исследователей семьи уже относятся к этому более высокому уровню построения теории.

В статье «К теории развития семьи» Р. Роджерс¹⁵ обрисовал прогресс в выработке теории развития семьи в соответствии с критериями Х. Зеттерберга. Роджерс описал фазы перехода от того, что он называет подходом к развитию семьи, к схеме развития семьи и далее к зачаткам теории.

Переход от первоначальной схемы к теории происходит по мере того, как описательные утверждения, которые следуют из выделения и классификации видов поведения, уступают место объяснительным предположениям, которые упорядочивают эти виды поведения в коварирующей или причинно-следственной форме. Три типа таких утверждений можно проиллюстрировать отрывками из работы автора о кризисах в семье: описательное утверждение — приспособление семьи к кризису происходит по образцу «набегания волны на берег», начиная с торможения дезорганизации, через стремление к восстановлению положения путем проб и ошибок и кончая новым приспособлением на уровне равновесия; утверждения ковариации — способность к кризису увеличивается вместе с уменьшением семейной интеграции; причинно-следственное утверждение — когда кормилец в семье из среднего класса становится безработным, его власть в семье уменьшается, что приводит к кризису.

Следовательно, описательное утверждение имеет дело с изменением только одной характеристики (которую мы называем переменной), причем время используется здесь как средство разделения наблюдаемого поведения семьи на фазы. Утверждение ковариации противопоставляет два понятия, которые были операционально воплощены в переменные, и уточняет, как они коварируют. Такое утверждение не уточняет, какая из переменных определена как зависимая, а предполагает взаимозависимость их. Причинно-следственное утверждение является тоже двухпеременным, но вводит в предположения понятие последовательности. Поскольку независимая и результирующая переменные указаны, вытекающие из этого гипотезы подготовлены, таким образом, для последующей экспериментальной проверки.

Зеттерберг¹⁶ классифицирует теоретические предположения по пяти типам: однопеременные — многопеременные, обратимые —

¹⁴ Ibid., p. 10—84.

¹⁵ R. H. Rodgers. Toward a Theory of Family Development. — «Journal of Marriage and the Family», 1964, v. 26.

¹⁶ H. L. Zetterberg. On Theory and Verification..., p. 11—25.

необратимые, стохастические — детерминистические, последовательные — сопутствующие, взаимозависимые (двух подтипов: возможные — достаточные, заменяемые — необходимые).

Все эти пять типов предположений можно проиллюстрировать гипотезами, которые и проверяются при исследовании семьи. Теория семьи уже не ограничивается просто выделением и классификацией типов поведения семьи. Развиваются все более широкие предположения, которые позволяют выводить частные теории более высокого порядка.

Основные материалы для построения объяснительной теории семьи имеются, однако многие из предположений после их подробного рассмотрения оказываются ненадежными или не поддающимися обобщению вследствие ошибок выборки или методики сбора данных, или, к сожалению, — теоретически неинтересными. Они часто обладают лишь второстепенной важностью для любой из развернутых концептуальных схем, внутри которых построение работоспособной теории возможно.

Чтобы разобраться в массе получаемых результатов, требуется программа регистрации, которая предполагала бы анализ содержания некоторых опубликованных исследований, уточнение использованной процедуры исследования, концептуальных схем и основных результатов. Если возможно, эти результаты должны быть организованы в теоретические предположения более высокого порядка с целью поддержки частной теории. Задача регистрации и кодификации является главной в «Регистре исследований брака и семейного поведения» (университет Миннесоты).

Целый ряд публикаций показал плодотворность этих усилий. В. Гуд и его сотрудники в Колумбийском университете также осуществляют программу кодификации предположений в исследованиях. Работы В. Гуда служат иллюстрацией возможностей создания теории более высокого порядка путем обобщения предположений о романтической любви и социальной структуре¹⁷, незаконнорожденности и социальной структуре¹⁸, социальной мобильности и структуре личности¹⁹.

В «Регистре» Хилла и его сотрудников развиваются процедуры аннотирования и описания предположений в исследованиях в соответствии с хронологией их развития. Показав, как возникают более общие предположения вследствие построений исследователя, основанных на работах его предшественников, А. Катц и

Р. Хилл сделали попытку описания и проверки таких процедур²⁰. Они просмотрели более 20 исследований о близости проживания и выборе супруга, опубликованных за 30 лет, и выбрали 14 из них в качестве иллюстрации развития усовершенствованной методики изучения явлений и улучшения объяснительной теории.

Катц и Хилл начали с примитивного утверждения Дж. Боссарда, который на основании исследований в Филадельфии провозгласил: чем ближе друг от друга проживают люди, тем более вероятен их брак. Первым большим шагом, внесшим улучшение в методику или в формулировку объяснительной теории, была теория «нормы сегрегации», так как она давала более удовлетворительное социологическое объяснение и предполагала некоторые исключения, которые не поддавались объяснению с точки зрения близости проживания. Теория нормы сегрегации в свою очередь была дополнена теорией неожиданных возможностей, заимствованной из теории миграции рабочей силы Стоуфера. Наконец, авторы развили цепь предположений, названную «теорией нормы взаимодействия», которая, видимо, охватывает большее разнообразие в области брачного выбора, чем любая теория близости проживания, нормы сегрегации или неожиданных возможностей, взятые раздельно.

В последнее десятилетие появился ряд великолепных работ по кодификации, в которых суммировались результаты исследований и делались шаги к построению теорий более высокого порядка. Наилучший обзор предположений и попыток построения теории в области семьи был сделан Р. Уинчем²¹ в книге о выборе супруга и Р. Тарпом²² в книге о психологической оценке. Ими был установлен высокий стандарт для последующих работ. Они просмотрели более 250 публикаций и выделили 10 четких предположений о выборе супруга в закрытых брачных системах. Эти предположения образуют цепь, которая последовательно связывает социализацию с принятием роли, выполнение роли — с семейной структурой, семейные отношения — с образцами родственных связей, образцы родственных связей — с социальной системой в целом.

Уинч и Тарп также рассмотрели и наметили пути построения теории выбора супруга в открытых, брачных системах, успешно проанализировав, в частности, функции и детерминанты выбора супруга. Последние являются многофакторными, включая демографические, статусовые, социально-экономические, референтные сети и собственно личностные факторы. Исследователи делают заключение, что, несмотря на богатство информации, от-

¹⁷ W. J. Goode. The Theoretical Importance of Love.— «American Sociological Review», 1959, v. 24.

¹⁸ W. J. Goode. Illegitimacy in the Caribbean Social Structure.— «American Sociological Review», 1960, v. 25.

¹⁹ W. J. Goode. Family and Mobility. N. Y., 1963. См. также его работу «Achievement Aspiration and Family Structure».— «Research Forum», 1964, February.

²⁰ A. Katz, R. Hill. Residential Proximity and Marital Selection: A Review of Theory, Method and Fact.— «Marriage and Family Living», 1958, v. 20.

²¹ R. F. Winch. Mate Selection. N. Y., 1958.

²² R. G. Tharp. Psychological Patterning in Marriage.— «Psychological Bulletin», 1963, v. 60.

носящейся к детерминантам выбора супруга, результаты, не считая некоторых исключений, не имеют кумулятивного характера и не укладываются в единую теоретическую схему. Три главных концептуальных направления охватывают эти детерминанты: 1) простая сходимость, внутри которой заключены теории близости и гомогамии; 2) восприятие и аффект, к которым относятся феноменологическая теория соответствия своего восприятия и восприятий других, эмпатическая теория и теория межличностной привлекательности; 3) процесс взаимодействия.

Разработка процесса взаимодействия Ч. Болтоном²³ охватывает лучше, чем любая другая известная схема, главные отрывочные теории выбора супруга, например, соматорный процесс Уоллера, рассеивающий процесс Каван, фильтрующие факторы Керкгоффа, теорию равновесия Хейдера и принцип межличностной привлекательности Ньюкамба. Выбор супруга, таким образом, рассматривается Болтоном как «проблематичный процесс», т. е. как конечный продукт последовательности взаимодействий, характеризуемый продвижениями вперед и отступлениями ввиду явных альтернатив. Анализ процесса взаимодействия, поскольку он рассматривает скорее отношения, а не поведение двух индивидов, может охватывать множество переменных, которые иначе нужно было изучать изолированно. В руках Болтона этот анализ привел к появлению трех видов взаимодействия, которые в комбинации определяют следующую последовательность и развитие отношений: эпизоды взаимодействия, формы взаимодействия и критические точки. Эта процедура также привела к пяти различным типам развивающегося взаимодействия, что предполагает наличие сходства в объяснениях выбора супруга.

Можно найти также достаточно качественные обзоры с теоретическими построениями высокого порядка о возрасте вступающих в брак²⁴, о не состоящих в браке родственниках²⁵, о внутрисемейном планировании²⁶, об образцах семейной власти²⁷. Более или менее развернутые теоретические предположения о взаимодействии семьи и родственников²⁸, соседей и соседствующих систем с акцентом на открытых или закрытых семьях можно тоже квали-

фицировать как признак появления в скором времени теорий среднего ранга²⁹. Каждый из работающих в этой области ученых внес свой стиль выведения предположений и соотнесения их друг с другом в порядке развития, например некоторые больше интересовались построением цепи предположений и частных теорий.

Вот тот путь, по которому идут сегодня исследователи семьи в построении теории. В данной статье сделан также обзор попыток выведения теорий среднего ранга с помощью взаимосвязанных предположений, проиллюстрированы плодотворность объединения существующих концептуальных схем и взаимоопределение взаимосвязанных понятий в этих схемах.

Там, где можно использовать полный набор понятий для фотографирования семейного поведения, теоретик, создавая теоретические предположения или развивая частные теории, будет обычно использовать ограниченный сектор таксономической таблицы понятий. Если понятия в схеме взаимоопределены, исследователю нетрудно выбрать и учесть те из них, которые непосредственно относятся к его проблеме, чтобы сформулировать то, что Р. Мертон назвал «теоретической парадигмой». Этот процесс часто сложен, ибо понятия и категории в схемах — это не плоды на дереве, ждущие, что их сорвут и уложат в корзину; они расположены на разных уровнях абстракции и доступности. Расположение же понятий таким образом, чтобы они были связаны в одном направлении, были взаимозависимы или независимы, предполагает такую степень понимания взаимосвязи понятий, которая еще не достигнута ни в одной из схем.

Полученная парадигма часто в лучшем случае является попыткой утверждения взаимосвязи и взаимозависимости ее частей. Парадигму, далее, нельзя смешивать с концептуальной схемой, из которой она возникла, поскольку обычно используется только некоторое число из всего набора понятий, последние же возникают исключительно для удовлетворения требований специфической и ограниченной теоретической проблемы.

Мертон дает описание функций и преимуществ парадигмы. Его парадигма, однако, частично обладает свойствами концептуальной схемы и не дает всех возможностей, которыми мы обладаем сегодня, развивая аналитические парадигмы при использовании ограниченного участка схемы.

Во-первых, парадигмы обладают значимой функцией. Они дают компактную экономную группировку центральных понятий и их взаимосвязей в том виде, в каком они используются для описания и анализа. Расположение понятий на одном листе в достаточно краткой форме, чтобы позволить их одновременный обзор, очень помогает автокоррекции последующих интерпретаций, что

²³ Ch. D. Bolton. *The Developmental Process in Love Relationship*. Dis., Chicago, 1959.

²⁴ J. J. Moss. *Cross-National Trends and Sociological Factors in the Decision of When to Marry*. — «*Marriage and the Family*», 1965, v. 27.

²⁵ C. E. Vincent. *Unmarried Mothers*. Glencoe, 1961.

²⁶ R. Freedman. *The Sociology of Human Fertility: A Trend Report and Bibliography*. — «*Current Sociology*», 1961—1962, v. X—XI.

²⁷ J. M. Rollins. *Two Empirical Tests of a Parsonian Theory of Family Authority Patterns*. — «*Family Life Coordinator*», 1963, v. 12. См. также обзор М. Зельдич типов ролевой структуры нуклеарной семьи в: «*Handbook of Modern Sociology*». Chicago, 1964.

²⁸ M. B. Sussman, L. Burchinal. *Kin Networks: Unheralded Structures in Current Conceptualisation of Family Functioning*. — «*Marriage and Family Living*», 1962, v. 24.

²⁹ R. W. Habenstoin, A. D. Coult. *The Function of Kinship in Urban Society*. Kansas City, 1965.

достижимо с трудом, если понятия разбросаны на разных страницах подробного описания.

Во-вторых, четкое выделение аналитических парадигм уменьшает возможность пропуска скрытых важных предположений и понятий, поскольку каждое новое предположение и каждое новое понятие должны либо логически выводиться из предшествующих терминов парадигмы, либо явно быть ее частью. Парадигма, таким образом, является прагматическим и логическим гидом и позволяет избежать логически безответственных гипотез.

В-третьих, парадигмы служат средством накопления теоретических интерпретаций.

В-четвертых, парадигмы по своему характеру предполагают систематическое взаимное сравнение предположительно важных понятий и позволяют, таким образом, исследователю более тонко почувствовать эмпирические и теоретические проблемы, на которые иначе можно не обратить внимания. Они, скорее, помогают анализу, а не конкретному описанию. Они, например, направляют наше внимание на компоненты социального поведения, на возможные напряжения между этими компонентами и, стало быть, на источники отклонения от социально ожидаемого поведения.

В-пятых, парадигмы являются методами кодификации качественного анализа, приближаясь к логической, если не эмпирической, строгости количественного анализа³⁰.

Этот тип парадигмы является инструментом, позволяющим поднять концептуальную схему на уровень объяснительной теории путем расположения выбранных понятий в их причинно-следственных отношениях, а также определения связей и их направлений между понятиями. Это было сделано Дж. Стикосом³¹ в парадигме, объясняющей причины высокой фертильности в Пуэрто-Рико.

Схема 3 является иллюстрацией возможностей этого инструмента. Формат позволяет обозревать одновременно основные источники влияния, приводящих к беременности, так же как и их гипотетические направления. Эта парадигма служила как путеводителей для исследования в Пуэрто-Рико, так и основой выбора практических мероприятий.

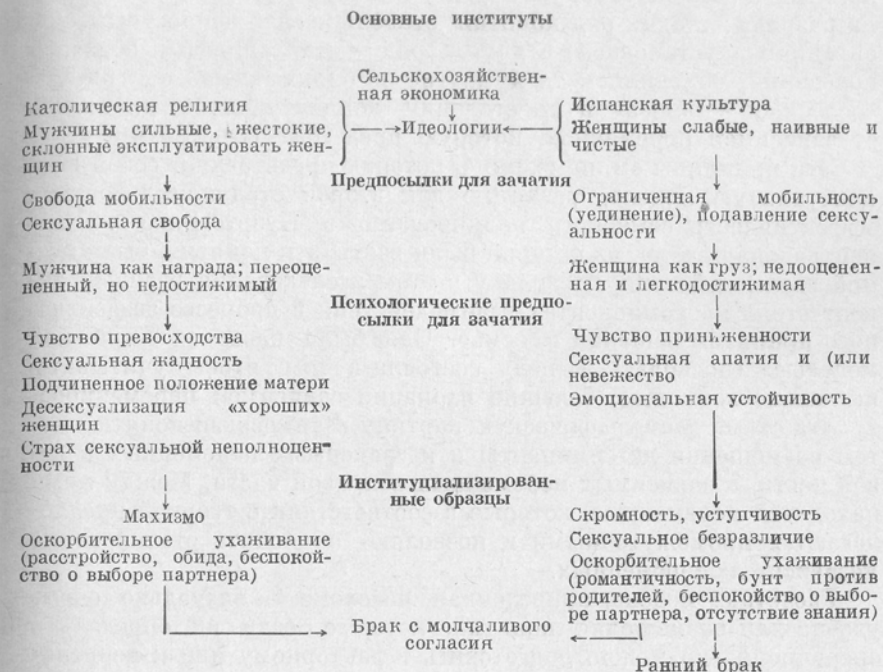
Чаще для такой схемы используют сегодня термин «модель», которая, как считает Дж. Джексон, должна называться вместо концептуальной модели моделью измерения в соответствии с тем, что понятия в схеме были выделены с целью измерения³².

Концептуальная модель обычно представляет собой график со стрелками для указания направления и другими графическими знаками для изображения процесса и движения. Этих указателей

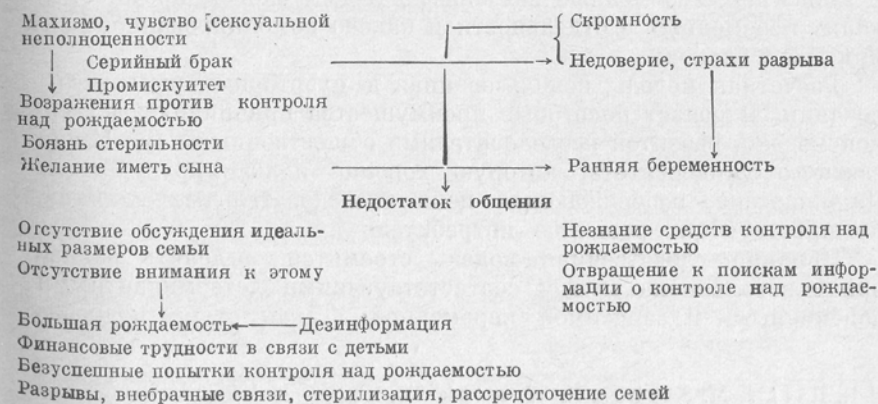
Схема 3

Парадигмы предпосылок и последствий высокой фертильности

А. ДОБРАЧНЫЕ ОБРАЗЦЫ

Б. ПОСЛЕБРАЧНЫЕ ОБРАЗЦЫ

³⁰ R. K. Merton. Social Theory and Social Structure. Glencoe, 1957, p. 14, 15.

³¹ J. M. Stycos. Family and Fertility in Puerto Rico. N. Y., 1955, p. 249.

³² J. Jackson. A Conceptual and Measurement Model for Norms and Roles. Lawrence of Kansas, 1963.

направления нет, конечно, в концептуальных схемах типа таксономических перекрестных классификаций, из которых были взяты понятия.

Хилл и его коллеги разработали три принципа организации понятий в концептуальную модель. Вначале разбиваются понятия на разряды: в один ряд понятия, относящиеся к ценностным ориентациям и установкам, в другой ряд — относящиеся к образцам поведения, объединяем те и другие в блоки вдоль континуума «особенное — общее» и по степеням концептуальной дистанции от зависимой переменной, которую предстоит объяснить.

Эти принципы см. на схеме 4, которая представляет собой концептуальную модель, развитую для второй стадии исследования эффективности семейного планирования в Пуэрто-Рико³³. Концептуальная схема, из которой были взяты эти понятия, была схемой взаимодействия, поскольку в этом исследовании главный акцент стоял на компонентах взаимодействия в процессе эффективного принятия решения в семье. Она была названа «расчетной моделью» (поскольку ее цель состояла в том, чтобы учитывать, насколько возможно, большие вариации зависимой переменной).

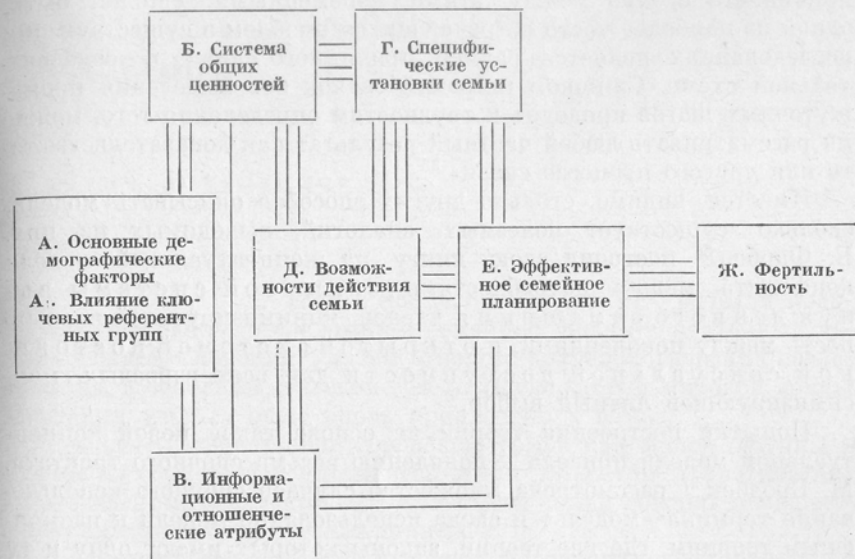
Эта схема дает графическую картину взаимосвязи понятий путем размещения детерминанты и независимых переменных в левой части, а зависимых переменных в правой части. Между ними находятся переменные, которые в соответствии с теорией предполагаются промежуточными и позволяют объяснить столкновение независимых переменных.

Расчетная модель, приведенная на схеме 4, визуально очень удобна для размещения понятий, которые, если их определить операционально, можно подготовить к факторному или к корреляционному анализу любого вида. Таким образом, «расчетная» цель модели выполняется путем уточнения того, какая часть вариации в зависимых переменных связана с каждым блоком предшествующих переменных в отдельности и каково комбинированное влияние всех блоков.

Расчетная модель, использованная в пуэрториканском исследовании, включает некоторые преимущества причинно-следственной модели, развитой исследователями общественных наук Мичиганского университета, которую хорошо иллюстрирует схема Дж. Моргана, изображающая цепь последовательных влияний, предшествующих решению потребителя³⁴.

Причинно-следственная модель стремится выделить размер причинного скачка между соответствующими детерминантными переменными и зависимой переменной. Такая схема подробно

Схема гипотетической взаимосвязи некоторых промежуточных и зависимых переменных в планировании фертильности

А. Основные демографические факторы

Местожительство
Занятие
Образование
Религия
Экономический статус (цена ренты)
Тип брачного союза
Возраст в браке

А. Влияние ключевых референтных групп

Референты по местожительству
Коллеги по занятию
Школьные друзья
Верующие прихода и т. д.
Участие в социальной жизни
Хозяева клиник по контролю над рождаемостью

Б. Система общих ценностей

Фатализм — борьба
Стремление для себя и для детей
Тенденция к общему планированию

В. Информационные и отношенческие атрибуты

Информация о методах
Отношение к контролю над рождаемостью
Степень согласия по вопросу контроля над рождаемостью

Г. Специфические установки семьи

Отношение к проблеме значения детей
Идеальный размер семьи (в настоящем и прошлом)

Общий индекс предпочтений о размере семьи
Чувство давления фертильности на источники существования в семье
Интерес к пространственному рассредоточению детей

Д. Возможности действия семьи

Счастливый брак
Согласие по основным вопросам
Сексуальное удовлетворение
Общение по общим вопросам
Общение по вопросам идеального размера семьи и контроля над рождаемостью
Помехи вследствие скромности
Типы семейной организации:
Степень автономии жены
Степень главенства мужа
Степень запретов, осуществляемых мужем
Готовность семьи к действию по контролю над рождаемостью

Е. Эффективное семейное планирование

Пропорция использующих методы контроля над рождаемостью
Размеры и регулярность использования
Размеры успешного контроля

Ж. Фертильность

Различные измерения

³³ R. Hill, J. M. Stycos, K. W. Back. The Family and Population Control. Chapel Hill, 1959, p. 220.

³⁴ См. особенно J. N. Morgan. Household Decision-Making, in Models of Household Decision-Making. N. Y., 1961, p. 88, 92.

разработана Л. Хоффманом и Р. Липпитом, которые объясняют описанные в литературе по семье спорные результаты исследований взаимосвязи между семьей и поведением ребенка широтой причинного скачка между этими переменными: «Может быть, одной из наиболее часто встречающихся проблем в существующих исследованиях является размер причинного скачка в последовательной схеме. Слишком широкий скачок без выделения промежуточных шагов приводит к трудностям определения того, можно ли рассматривать любой частный результат как доказательство того или другого процесса связи»³⁵.

Имеется, видимо, столько других способов описывать модели, сколько существует полезных аналогий, выводимых из них. Б. Фарбер³⁶ построил свою книгу на концептуальной модели конфликта между потребностями закрытой системы вынужденного замещения членов, минимизирующей прерывность между поколениями, и открытой системой постоянной сексуальной доступности для всех взрослых, максимизирующей личный выбор.

Попытки построения теории на основе такой новой концептуальной модели привели к появлению весьма спорного трактата. М. Бродбек³⁷ рассмотрела множество случаев спорного использования термина «модель» и свела использование модели к изоморфным теориям, где две теории, законы которых имеют одну и ту же форму, являются изоморфными, или структурно подобными друг другу. Если законы одной теории имеют ту же форму, что и законы другой теории, тогда одна может быть названа моделью другой. Теория семьи, вероятно, непригодна для использования термина модели в этом узком смысле. Какое явление достаточно сходно по своей форме с поведением семьи, чтобы можно было изучать его с целью лучшего понимания законов, управляющих действиями семьи? Вот вопрос, на который нужно ответить.

Итак, для развития теории семьи необходимо: 1) развить универсальную общую схему семьи, которая будет пониматься и использоваться представителями всех дисциплин, имеющих отношение к исследованиям семьи; 2) создать связующие концепции; 3) найти способы перехода от таксономических описательных схем к объяснительным моделям — с целью их взаимного обогащения. Для решения этих важнейших задач нужно найти и привлечь в область исследования семьи некоторое число теоретиков, часть из которых возможно сейчас работает в более развитых секторах социальных наук.

³⁵ L. W. Hoffman, R. Lippit. The Measurement of Family Life Variables.— «Handbook of Research Methods in Child Development». N. Y., 1960, p. 947.

³⁶ B. Farber. The Family: Organisation and Interaction. San Francisco, 1964, p. 103—133.

³⁷ M. Brodbeck. Models Meaning and Theories in Symposium on Sociological Theory. N. Y., 1959, p. 373—403.

СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ИХ МЕСТО В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ ЮГОСЛАВИИ

О. БУРИЧ, А. ЗЕЧЕВИЧ*

Еще в конце 60-х годов XIX в. были приняты широкие исследования семейной жизни в различных частях Южной Словении¹, затем этнолого-антропологические обследования, в основном сельской семьи. После второй мировой войны внимание ученых было вновь привлечено к семье.

Проблемы современной городской семьи как малой группы и одного из социальных институтов стали объектом теоретических дискуссий; эмпирическим исследованиям семьи обычно предшествовал анализ статистических данных.

Настоящая статья является одной из первых работ, где семья рассматривается как малая группа, исследуются связи между положением индивида в семейной группе и положением его в рабочей, трудовой группе.

Социальные связи семьи многообразны: от неформальных отношений (родственные, соседские, дружеские и т. д.) до отношений с различными элементами стратификационной структуры общества (образование, профессия, квалификация, собственность и др.).

Исходя из гипотезы, что традиционное главенство в семье и удовлетворенность супружескими отношениями должны варьироваться в соответствии с элементами социального статуса, авторы статьи ожидали, что семьи, в которых партнеры, особенно мужья, более образованны, имеют лучшие профессии, большие доходы, более высокую квалификацию, более высокую степень городской культуры, — обнаружат сравнительно большую активность в си-

* Перевод В. Б. Голофаства.

¹ Б. Богишич. Naputak za opisivanje pravnije obicaja Roji u narodu žive («Способы описания правовых обычаев, живущих в народе» с вопросником, распространенным в 4000 копий во всех частях Южной Словении), 1867; «Zbornik sadasnijih pravnih obicaja u Juznih slovena» («Сборник современных правовых обычаев южных словенов», кн. 1. Югосл. академия), 1874; De la forme dite «inokosnachez les Serbes et Croates», Paris, 1884.

стеме социальных функций, т. е. окажутся на более высоком уровне социальной стратификации и выявят более равноправные отношения. Причем степень удовлетворенности женщины своей семейной жизнью в таких браках будет большей, чем в браках, где партнеры имеют более низкий социальный статус.

В обществе, так же как и в семейной группе, существуют силы, которые способствуют интеграции этих двух систем. Исследование проводилось в той части страны, где изменения в семейных отношениях отстают от развития других социальных структур. Отягченные старыми традициями и пережитками, старые семьи часто приходят в противоречие с обществом в целом, организация которого основана на прогрессивной идеологии равенства и свободы деятельности и решения. Поэтому авторы считали, что для семей, члены которых имеют больший контакт с обществом в широком смысле этого понятия, должен быть характерен эгалитарный тип отношений.

Весной 1966 г. были обследованы 117 семей, выбранных из 10 тыс. рабочих большого автомобильного завода в этнически однородном г. Крагуевац (центральная Сербия). Хотя выборка соответствовала структуре городского населения в целом, материалы обследования не могут представлять всю Югославию, так как обследовался лишь сербский город. В Крагуеваце, одном из самых промышленно-развитых городов Сербии, более половины всего активного населения работает на заводах. Хотя город известен уже более 100 лет как промышленный центр², 50% его населения состоит из семей, которые приехали сюда после войны. Число миграций было наибольшим в период 1944—1955 гг., когда в Крагуевац из окрестных сел переселилось 20% всего его нынешнего населения.

Данная работа имеет много общего с подобными исследованиями в Греции, Франции, США³, что позволило осуществить сравнения.

Структура семейной власти рассматривалась авторами статьи по степени участия в решениях, которые являются наиболее значительными для семьи. При этом учитывалось, выносил ли реше-

ние муж, жена или оба. Было выделено семь важнейших решений: покупка вещей в рассрочку, покупка мебели и более ценных вещей для домашнего хозяйства, покупка дорогой одежды для жены, проведение отдыха, семейное планирование, бюджет, занятость жены. Показатели этих решений указывают степень власти мужа и жены в семье⁴.

Сравнение в четырех странах тенденций корреляции власти в семье и занятости жены показывает, что занятость жены вне дома ослабляет традиционную власть мужчины в семье⁵:

	Работающие жены	Неработающие жены
Югославия	1,94	2,79
Греция	2,33	2,78
Франция	1,90	2,03
США	4,46	5,28

В чем же уступает муж жене, если она работает, и, напротив, в каких случаях он сохраняет прежнюю власть? Жены самостоятельно решают вопросы покупки мебели и других хозяйственных предметов большой ценности (16% различия между работающими и неработающими в пользу первых), покупки вещей в рассрочку (10% в пользу работающих жен), покупки дорогой одежды для жены (10% в пользу работающих жен). Они обнаруживают определенную самостоятельность в выборе времени отдыха (работающие выносят решения на 3% больше) и в семейном планировании (6% в пользу работающих). В этих последних случаях власть мужа удерживается более стойко. Неработающая жена имеет преимущество над работающей только в сфере семейного бюджета (на 1,2% больше неработающих). Таким образом, работающая жена получает в семье большую самостоятельность, особенно в сфере «женских» решений. Работающая жена принимает решение сама в 25,5% случаев, сама или вместе с мужем — в 79,3%, тогда как неработающая — в 14,9 и 59,1% соответственно. Это подтверждается также греческим исследованием.

Данные югославского и греческого исследований показывают, что с повышением уровня образования мужа его традиционная

² Крагуевац был столицей Сербии в 1818—1841 гг. В 1850 г. здесь был основан завод, производивший оружие, так как Сербия вела борьбу за освобождение и независимость. Вследствие немецко-фашистской оккупации во время второй мировой войны число жителей города резко сократилось, составив менее 1/6 довоенного. Теперь в Крагуеваце более 50 тыс. жителей.

³ Поэтому индикаторы, инструменты и обработка данных были взаимно согласованы, а вопросник приведен в соответствие с вопросниками зарубежных коллег, за что хотелось бы выразить им благодарность. Во всех этих исследованиях анализируются данные, полученные в результате опроса женщин. Наше исследование содержит еще и информацию, полученную от мужчин с целью выявления объективных данных о власти в семье и об удовлетворенности супружескими отношениями.

⁴ Расчет показателей власти в югославском исследовании 0—4, в греческом и французском 1—5, в американском 0—10. В греческом исследовании показатели были основаны на 8 решениях, во французском — на 10, в американском — на 9. Югославское имеет 5 решений, общих с греческим, 4 — с французским, 2 — с американским. Поскольку использовать одни и те же вопросы в разных культурах невозможно, то нет смысла сравнивать абсолютные числа. Кроме того, при сравнительном изучении следует формулировать вопросы, которые отражают специфические условия и культуру исследуемого населения. Поэтому в статье сравниваются не абсолютные значения показателей, а тенденции изменений семейной власти и удовлетворенности супружескими отношениями.

⁵ Эта же зависимость доказывается в докторской диссертации О. Бурич «Изменения в семейной жизни вследствие занятости жены» (1965).

семейная власть уменьшается, причем в Югославии в большей степени, чем в Греции. Однако французское и американское исследования, например, показывают, что власть мужа увеличивается с повышением уровня его образования. В греческом исследовании эта зависимость объяснена следующим образом: образование освобождает мужчину от традиционной идеологии, и он рассматривает свою жену как равного компаньона и друга, с которым он должен советоваться перед принятием решения или которому он должен предоставлять инициативу. При сопоставлении уровня образования мужа и норм семейной жизни, которых он придерживается, выяснилось, что эти два явления согласуются⁶:

	Начальная школа	Начальная школа и техникум	Средняя школа	Вуз
Югославия	2,79	2,31	1,88	1,76
Греция	2,98	2,75	2,58	2,57
Франция	1,95	1,96	2,01	2,04
США	4,87	4,95	5,41	5,46

Мужчины с самым низким уровнем образования высказывались в 34,2% случаев за традиционную семейную идеологию, тогда как нет ни одного мужа, окончившего колледж или университет, который бы придерживался подобных взглядов. Когда речь идет о современных нормах отношений, их защищают 50% высокообразованных мужей.

Образование жены и ее представления о семейной жизни также взаимосвязаны. Женщины с самым низким уровнем образования в 29,7% случаев придерживаются традиционной семейной идеологии, рассматривая свое подчиненное положение в семье как естественное, тогда как ни одна из жен, имеющих образование, не защищала подобных отношений. Чем выше образование супругов, тем более эгалитарно распределяется между ними власть.

Выявлено значение образования жены для типа власти в доме:

	Жены более образованны	Равное образование	Жены менее образованны
Югославия	1,90	2,05	2,37
Греция	2,67	2,80	2,67
Франция	1,85	1,99	2,07
США	4,90	5,37	5,72

В югославском исследовании отмечено падение традиционной власти мужа в связи с повышением квалификации и изменением положения жены в профессиональной структуре общества. Четкого выражения этой связи нет ни в одном из упомянутых иссле-

⁶ Классификация образовательного уровня была сделана в каждом обследовании на сходных принципах, но в соответствии с образовательной системой в каждой из стран, что нарушает сравнения тенденций рассматриваемых явлений.

дований, хотя по тенденции югославское подобно греческому. Во Франции и США в семьях рабочего класса преобладают отношения равноправия, в семьях господствующих классов — власть мужа⁷:

	Неквалифицированный рабочий	Квалифицированный рабочий	Квалифицированный служащий	Средние кадры	Высшие кадры	Независимые занятия
Югославия	3,06	2,29	1,82	1,89	1,79	—
Греция	2,86	2,66	2,68	2,53	2,69	2,36
Франция	1,79	2,00	2,00	2,05	2,02	2,08
США	5,07	4,98	5,36	5,36	5,52	5,52

Как и другие два показателя социального положения индивида, показатель месячной заработной платы иллюстрирует сходство тенденций югославского и греческого исследований и их отличие от французского и американского:

	Менее 600 новых динаров	600—800	800—1000
Югославия*	2,81	2,39	1,92
	Менее 1000 драхм	1000—2000	2000—3000
Греция*	3,61	2,99	2,77
	Менее 500 франков	500—1000	1000—1500
Франция	1,88	1,97	1,95
	Менее 250 долларов	250—430	430—580
США	4,58	5,00	5,25

Продолжение

	1000—1200	1200—1400	1400—1600	Более 1600
Югославия*	1,93	1,95	1,89	1,95
	3000—4000	4000—6000		Более 6000
Греция*	2,62	2,87		2,73
	1500—2500	2500—4000		Более 4000
Франция	1,98	2,00		2,20
	580—830			Более 830
США	5,38			5,83

* Данные о зарплате мужа получены для семей с неработающими женами.

Для первых двух стран чем больше зарабатывает муж, тем менее доминирующее положение занимает он в семье; для вторых двух стран власть мужа, напротив, увеличивается с увеличением заработной платы.

В Греции и Югославии для массы семей низкооплачиваемых рабочих средней и низкой квалификации характерен традицион-

⁷ Категории занятости, равно как и категории образования, сгруппированы во всех исследованиях на основе сходных признаков, но сравнение тенденций полностью оправданно.

но-деспотический характер отношений. Это объясняется тем, что они недавно переселились в город из окрестностей. Краткий период урбанизации этого населения не изменил формы их семейной жизни. Продолжительность периода урбанизации является значительным фактором в эгализации супружеских отношений:

	Родились в городе		Родились в сельской местности и осели в городе		
	I поколение	II поколение	Перед войной	1945—1955 гг.	1956 г. и позже
Югославия					
Мужья	1,98	1,92	2,29	2,39	2,59
Жены	1,54	1,74	2,39	2,41	2,59
Греция					
Жены	2,91	2,91	2,99	2,99	2,99

Значение урбанизации для типа семейной власти больше в Югославии, чем в Греции, особенно, когда это касается женщин. Переход из сельской обстановки в городскую является значительной переменной в жизни женщин. В результате этого в некоторых районах Югославии деревенские девушки в большинстве случаев выходят замуж за мужчин, которые живут в городе.

Несомненно, продолжительность периода урбанизации тесно связана с образованием и занятостью супругов. Те, кто недавно пришел из деревни, имеют меньше шансов получить более высокое образование и лучшую работу, чем родившиеся в городе. Медленный процесс приспособления сельского населения к городской жизни сопровождается, кроме того, еще сильным влиянием патриархальных норм в семейной жизни. Насколько сильна концепция господства мужчины в этих семьях, можно выяснить из ответов на прямой вопрос, кому принадлежит власть в семье и кто имеет последнее слово при принятии решений: 90% всех мужчин и 70% всех женщин считают, что таким лицом является муж, хотя наше исследование показывает, что этот тип власти фактически представлен только 33,3% семей.

Изучая связи между семьей и обществом, авторы статьи проанализировали степень участия мужа в системе социального управления⁸. Существует предположение, что мужья, выполняющие руководящие функции и решающие ответственные задачи,

⁸ Данные о положении мужа в социальной структуре предприятия, где он работает, были предоставлены нам группой социологии труда, с которой мы совместно занимаемся всесторонним изучением проблем индустриального общества. Было бы интересно исследовать связи между семейной жизнью и активностью при выполнении социально-политических функций, однако наша выборка слишком ограничена для анализа такого рода. В своей основе выполнение обеих функций предполагает один и те же демократические принципы: равные возможности для каждого индивида в управлении и решении.

привносят свое авторитарное положение и в семью, т. е. человек, обладающий авторитарным положением в рабочей группе, сохраняет это положение и в семье. Однако материалы нашего исследования показали, что руководящее положение мужа всегда сопровождалось утверждением прогрессивных норм в семье:

Образование мужа *	Мужья без функций	В целом	Функции мужей		
			низкие	средние	высокие
Низкое	2,38	2,32	2,72	1,65	1,98
Высокое	1,81	1,70	1,89	1,42	1,59
В целом	2,19	2,00	2,36	1,57	1,68

* Под низким подразумевается образование ниже уровня средней школы, под высоким — различные средние школы, высшие школы, колледжи и университеты.

Правда, совокупности слишком малы, чтобы сделать надежный вывод об этом явлении. Замечено, однако, что из всех мужей, выполняющих руководящие функции, наиболее авторитарным положением в семье обладают те, кто занимает менее ответственные посты и имеет менее высокое образование. И, напротив, мужья, имеющие ответственные функции в своей рабочей группе и активно участвующие в утверждении прогрессивных форм общественной жизни, имеют более равноправное положение в семье, даже если они полностью от консервативных убеждений в этом вопросе не освободились. Другая группа мужчин, придерживающаяся передовой идеологии теоретически, не следует ей на практике. Те мужья, которые высказываются в пользу современных норм семейной жизни, а на самом деле сохраняют патриархальные взаимоотношения, имеют, как правило, неработающих жен. Очевидно, жены не готовы участвовать в важных семейных решениях или существующее распределение ролей в семье соответствует их понятиям о «настоящем» муже и главе семьи.

«Семейная идеология» мужа	Мужья, выполняющие руководящие функции		Мужья, не выполняющие руководящие функции	
	Неработающие жены	Работающие жены	Неработающие жены	Работающие жены
Традиционная	2,76	2,03	2,04	1,88
Современная	1,79	1,48	2,31	1,88

В обследовании, как того требовал сравнительный анализ, учитывались только ответы женщин. Желая проверить достоверность этих ответов, авторы задали почти те же вопросы мужьям этих женщин. Сравнение ответов мужа и жены позволило выяснить надежность полученных данных. Из 117 семей ответы мужа и жены о семейной власти согласуются в 92 случаях, не согласуются в 25: в 14 случаях жена считает, что муж имеет меньше власти, чем он предполагает, в 11 случаях, что муж имеет больше власти, чем он считает. В 25 семьях, где ответы не согласуются, женщина была более искренна в 7 случаях, мужчина в 6, оба были неискренни в 9, оба были искренни в 3 случаях. При этом мож-

но отметить, что женщины более искренни, чем мужчины, давая информацию о своей семье. Было замечено, что у жен причина искажения фактов — желание скрыть что-либо от посторонних, у мужей — желание произвести впечатление на интервьюера. Неискренние и частично неискренние ответы нельзя рассматривать как недостоверные, ибо они относятся не к данным, а к установкам опрашиваемых в процессе интервью. В соответствии с инструкцией интервьюер в этих случаях часто выяснял действительное положение дел после терпеливой и продолжительной беседы. В результате впечатления интервьюера были интереснее и богаче, чем сведения основного опросника. В целом многосторонний контроль показывает, что достоверность ответов о семейной жизни достаточно высока.

Удовлетворенность жены супружескими отношениями измерялась ответами на следующие семь вопросов: помощь мужа в домашних делах, его нежность и внимание, стандарт семейной жизни, использование времени, в том числе на досуг, власть и уважение, которыми пользуется жена в семье, интенсивность супружеской связи и удовлетворенность ею, уровень удовлетворения супружеской жизнью по сравнению с другими браками.

Интересно, что наименее удовлетворены своим браком те женщины, которые имеют главенствующее положение в семье. Наиболее удовлетворены две категории женщин: те, которые имеют лишь некоторое превосходство над мужчиной, и те, кто не имеет власти совсем, чьи мужья занимают в семье главенствующее положение.

Выяснилось, что во всех странах удовлетворенность супружеством возрастает соответственно профессиональной занятости жены (больше в Греции, что объяснено повышением жизненного уровня благодаря заработку жены; во Франции и Югославии — меньше):

	Работающие жены	Неработающие жены
Югославия	3,49	3,41
Греция	3,67	3,36
Франция	3,70	3,60

При сравнении жен-работниц и жен-служащих с неработающими женами выявляются различия в степени их удовлетворенности семейной жизнью. Работницы более удовлетворены (3,54), чем неработающие жены (3,49), тогда как служащие менее удовлетворены, чем обе предыдущие категории (3,33). Попробуем объяснить это нормативной «семейной идеологией» работающих жен:

«Семейная идеология» жены	Неработающие жены	Работницы	Служащие
Преимущественно традиционная	3,50	3,70	3,80
Преимущественно современная	3,77	3,61	3,41

Двойная нагрузка, которую несут работающие жены, придерживающиеся традиционных воззрений, не уменьшает их удовлетворения, поскольку эти женщины придерживаются традиционных воззрений на свою роль в семье.

Среди женщин, которые разделяют современные взгляды на семейные отношения, наиболее удовлетворены домохозяйки, менее — работающие жены (работницы и служащие вместе). В группе жен, придерживающихся современных норм, только 4,1% домохозяек. Меньшую степень удовлетворенности среди работающих жен можно объяснить их повышенными требованиями к браку и семье. Особенно это относится к служащим, составляющим 81,1% женщин со средним и высшим образованием. Они придерживаются полностью современных взглядов на семью, и их требования, следовательно, значительно выше, чем у других женщин. Наконец, необходимо принять во внимание, что в группе служащих 53,3% состоят в браке менее 9 лет, имеют маленьких детей и, стало быть, несут особенно большую нагрузку, что увеличивает их неудовлетворенность⁹.

В Югославии с повышением образовательного уровня мужей уменьшается удовлетворение жены семейной жизнью, в других трех странах наблюдаются противоположные тенденции — супружеское удовлетворение увеличивается с уровнем образования мужа.

	Начальное образование	Среднее образование	Колледж
Югославия	3,53	3,20	3,12
Греция	3,60	3,53	3,81
Франция	3,59	3,62	3,90
США	4,42	4,90	5,04

В греческом исследовании эта тенденция объяснена тем, что жена надеется на изменение отношений в семье благодаря повышающемуся образованию мужа.

Тенденцию югославского исследования можно объяснить увеличением занятости жены по мере роста образования мужа. В группе, где мужья имеют среднее и высшее образование, 72% работающих жен (половина из них имеет среднее и высшее образование и является служащими) меньше удовлетворены супружеством, чем неработающие жены.

Таким образом, наименее удовлетворены современно ориентированные служащие-женщины, которые замужем за высокообразованными мужьями. Очевидно, для этих женщин отрицательное влияние двух факторов соединяется: двойной груз забот, если же-

⁹ Индекс удовлетворенности у них равен 3,00.

на работает, и ее неисполнившиеся ожидания в отношениях с мужем. Более высокое образование и современная нормативная ориентация приводят к тому, что эти женщины ожидают от своих мужей перемены в отношениях, однако этого не происходит. В 32% указанных случаев мужья открыто высказываются за традиционные нормы семейной жизни, согласно которым они и занимают главенствующее положение в семье. Гораздо больше мужей не придерживаются традиционной нормы, равнодушно относятся к потребности изменить положение в семье, когда жена начинает работать. Наконец, у работников удовлетворенность помощью мужа в домашнем хозяйстве достигает 3,88, а у служащих 3,23, т. е. служащие ожидают больше.

У мужей, имеющих начальное образование, только 28,2% жен заняты вне дома. Женщина имеет в этой группе элементарное образование или не имеет его совсем. И таких, с традиционной ориентацией, вдвое больше (57%), чем тех, у кого мужья более образованны (24%). Их надежды на участие мужа в семейном очаге малы, поэтому неудовлетворенность супружескими отношениями здесь наименьшая. Вообще говоря, югославские мужчины, независимо от их образования, склонны скорее обращаться с женой согласно традиционным нормам, что ведет к конфликтам и неудовлетворенности, особенно в тех случаях, когда женщина работает.

Анализ показывает, что между уровнем дохода и удовлетворенностью жены семейной жизнью нет прямой связи (Франция представляет исключение):

	До 600 новых динаров	610— 800	810— 1000	1010— 1200	1210— 1400	1410— 1600	
Югославия	3,54	2,58	3,51	3,17	3,91	3,33	
	Менее 1000 драхм	1000— 2000	2000— 3000	3000— 4000	4000— 6000	Более 6000	
Греция	3,28	3,67	3,49	3,74	3,60	3,91	
	Менее 500 Франков	501— 1000	1000— 1500	1501— 2500	2501— 4000	Более 4000	
Франция	3,40	3,62	3,56	3,83	3,83	4,10	
	Менее 250 долларов	250— 430	430— 580	580— 830	Более 830		
США	4,32	4,75	4,80	4,61		4,72	

Уровень дохода не оказывает решающего влияния на оценку супружеских отношений. Согласно ответам женщин на вопрос о самых важных условиях семейного счастья, доход занимает четвертое место после таких условий, как «дети», «дружеское взаимопонимание» и «сексуальное соответствие». Замечены различия

при рассмотрении супружеского удовлетворения работающих и неработающих жен под влиянием дохода:

	До 600 новых динаров	Более 600 новых динаров
Неработающие жены	3,54	3,80
Работающие жены	3,56	3,46

Если 600 новых динаров взять как необходимый минимум для удовлетворения элементарных нужд семьи из трех человек (приблизительный размер семьи в нашем исследовании), тогда, если этот уровень превзойден, у неработающих жен появляется тенденция к увеличению удовлетворения супружескими отношениями.

Противоположная тенденция отмечена у работающих жен: удовлетворенность выше, если семейный доход находится в рамках данного уровня. Уменьшение удовлетворения в случае, если этот уровень превзойден, можно объяснить влиянием некоторых других факторов. В группах, где мужья занимают более высокие посты и, значит, имеют более высокие доходы, работающие жены ожидают от своих мужей большего, чем они могут дать. К этому необходимо добавить разницу в оценке минимума, необходимого для семьи, в которой жена работает и в которой она не работает. Здесь нельзя не согласиться с заключением А. Мишель: когда основные нужды пропитания удовлетворены, нет причин для зависимости удовлетворенности семейной жизнью от доходов.

Изучение продолжительности и степени урбанизации показывает слабую связь этого процесса с удовлетворением жены семейной жизнью. Тем не менее были замечены некоторые тенденции: более удовлетворены те жены, в семьях которых оба супруга являются недавними жителями города, но мужья приехали раньше (3,62); жены, пришедшие в город в тот же период, что и мужья, или вместе с ними, удовлетворены меньше (3,35). Вероятно, в обоих случаях жены чувствуют удовлетворенность переездом в город как признаком социального продвижения. Однако, если существование семьи в городе не было подготовлено более ранним приездом мужа, трудности устройства, по-видимому, снижают удовлетворение жены. Удовлетворение жены существенно уменьшается, если она приехала в город значительно раньше мужа. Кроме того, в таких браках конфликты вследствие различия в культурном уровне супругов более ощутимы, чем в случаях, если муж приехал в город раньше жены.

Чувство ответственности мужа в рабочей группе как следствие его руководящего положения может увеличивать супружеское удовлетворение жены, но может и уменьшать его. Жена может быть удовлетворена, если муж слишком много занят в своей рабочей группе, поскольку в таком случае он реже бывает дома. С другой стороны, жена может быть более удовлетворена, потому что ответственные обязанности мужа поднимают семейный пре-

стиж в обществе. Кроме того, эти обязанности могут благоприятно влиять на характер семейных отношений, что также может увеличивать удовлетворение жены супружеской жизнью.

Результаты исследования показывают, что второе предположение более верно: удовлетворение жены устойчиво увеличивается с увеличением ответственности мужа в рабочей группе: 3,17 (мужья без функций руководителя), 3,45 и 3,89 (мужья с функциями руководителя низкими и средними). Существенное отклонение от тенденции наблюдается лишь у жен, чьи мужья выполняют наиболее ответственные обязанности (3,79).

Сравнение ответов мужа и жены на вопрос об удовлетворенности не может иметь своей целью установление достоверности ответа жены. Фиксирование удовлетворенности как чувства, как эмоционального отношения индивида к браку и как оценки, основанной на этом чувстве, предполагает существование различий в ответах мужа и жены. Очень трудно установить на основе таких сравнений, дали ли супруги разные ответы из-за неискренности или в результате действительно существующих разногласий, являющихся следствием несовместимости или несбывшихся ожиданий. Различия в ответах указывают скорее на отсутствие согласия в семье, чем на большую достоверность утверждений жены.

Только в 15,4% браков мужа и жены дали разные ответы о супружеской удовлетворенности. Удовлетворенность браком у жен несколько ниже, чем у мужей. Наибольший процент браков, в которых существуют разногласия между супругами по этому вопросу, приходится на те из них, в которых жена работает.

Таким образом, в данном исследовании¹⁰ чем выше положение мужа в социальной структуре, тем реже отношения в семье строятся на власти мужа и чаще — на основе совместно принятых решений, однако удовлетворенность жены семейными отношениями в таких браках меньше. По-видимому, мужчины в Югославии, независимо от социального статуса, менее приспособлены к новой ситуации в семье. Они оставляют жене все тяготы традиционной семьи, добавляя к ним многочисленные заботы современной жизни. Конфликт между действительным положением вещей и ожиданиями жены приводит к определенной брачной неудовлетворенности. При анализе изменений в семейной жизни уровень образования жены, ее рабочий статус, ее убеждения четко указывают на дифференциацию типов власти и уровень удовлетворенности.

Сходные тенденции были обнаружены в греческом исследовании. В Югославии и Греции имеется общая культурно-историче-

ская традиция, которая и приводит к сходству тенденций. Различия в интенсивности являются следствием того, что в Югославии сознательно популяризируются прогрессивные концепции о положении женщины в обществе как часть общего движения к демократизации всей социальной системы.

Противоположные тенденции во французском и американском исследованиях, вероятно, связаны с конкретными особенностями экономического развития этих стран, иными культурными традициями. Объясняя увеличение власти мужа во Франции и в США с увеличением его образовательного уровня, А. Мишель цитирует «теорию ресурсов» Блада-Вольфа, согласно которой образование, квалификация, доход позволяют их обладателю оказывать большее влияние на семью, вносить больший вклад в ее жизнь и увеличивают тем самым его власть в семье. Эта теория была подтверждена данными, полученными Р. Кенигом в Западной Германии.

Д. Сафилиос-Ротшильд считает, что в странах с сильным влиянием традиционной патриархальной идеологии и с широким распространением старых взглядов на неравенство полов, как, например, в Греции, образование ведет к освобождению от этих взглядов. Здесь более высокое положение мужчины в обществе и более высокое его образование приводят к более равноправным концепциям в отношениях между полами. Таким образом, «теория ресурсов», согласно этому автору, неприменима в Греции к мужчинам, но применима к женщинам, так как с занятостью жены, с увеличением ее образования ее вклад в семью увеличивается и ее власть в доме также возрастает.

Авторы статьи согласны с мнением Сафилиос-Ротшильд о том, что образование — важный фактор, влияющий на изменение семьи. Но, кроме того, для Югославии специфично мощное и организованное продвижение к демократизации и равенству отношений во всех сферах социальной жизни, которое горячо одобряют женщины.

¹⁰ Работа не может служить основой для выводов о всей Югославии, поскольку она основана на выборочной совокупности одного промышленного района.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ БРАКА И СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

М. А. КИРИЛЛОВА

В настоящее время социология семьи становится в большинстве капиталистических стран одной из важнейших отраслей социального знания. Интерес к семье в современном буржуазном обществе обусловлен, с одной стороны, особенностями современной буржуазной социологии как «науки о поведении», объектом изучения которой является всякая социальная группа, в том числе и семья, а также тем, что буржуазная социология стремится свести многие общественные проблемы к проблемам семьи — снять с общества в целом ответственность за человека и возложить эту ответственность полностью на семью.

Внимание и интерес к семье является одной из паллиативных мер, которую предлагает современная буржуазная социология, стремящаяся найти средство укрепления общества и надеющаяся сделать это при помощи одной из его ячеек. Одиночество человека в современном буржуазном обществе буржуазная социология пытается компенсировать его связями в семье, укреплением семьи, поскольку семья является чуть ли не единственным убежищем человека в этом обществе.

Современная буржуазная социология семьи получила большое развитие в послевоенные годы в США, а также во многих странах Европы (Франция, Англия, Швейцария).

В 1947 г. был создан Международный союз организаций, занимающихся проблемами семьи, с резиденцией в Париже. Союз организует конференции, коллоквиумы, международные дни по вопросам семьи. Союз имеет ежеквартальный орган «La famil-

le dans le monde». Всемирная социологическая ассоциация раз в два года проводит международные семинары по изучению проблем семьи.

За 10 лет (1946—1956 гг.) в США было издано 1404 книги, посвященные браку и семье, был создан журнал «Брак и семейная жизнь» («Journal of Marriage and the Family») и опубликовано много статей в общесоциологических журналах; во Франции издано 255 работ, в Бельгии — 91, в ФРГ — 77, в Японии — 63, в Нидерландах — 61, в Англии — 51.

В этих публикациях получают широкое распространение неопределенные теории о том, что человек, выступающий против существующей социальной структуры общества, — это, прежде всего, лично «неприспособленный», душевнобольной индивид. Вина за всякое выступление индивида против существующего социального порядка возлагается на семью, которая якобы не смогла выполнить свою функцию социализации и не подготовила своего члена к принятию существующих в обществе норм и ценностей.

Облекая социальные устремления буржуазии в форму социологических теорий, буржуазные социологи в то же время делают попытку с помощью эмпирических исследований разработать систему средств, воздействующих на социальное поведение (в данном случае семьи), и тем самым установить постоянный «социальный контроль» за поведением в целях сохранения и упрочения социальной организации в целом.

В докладе «Принципы и проблемы социологии воспитания» на IV социологическом конгрессе, посвященном социологии семьи, английский социолог Дж. Флауд так определяет воспитание в семье: «В схеме структурно-функционального анализа общества, основанной на концепции «социального действия», воспитание — это средство или техника побуждения индивидов к такому поведению, которое бы способствовало сохранению общества в состоянии динамического равновесия. В процессе воспитания индивиды приобретают навыки, которые дают им возможность принимать участие в экономической и политической жизни, воспитание направлено также к тому, чтобы они были в состоянии обогащать и увековечивать культурное, научное и техническое наследие»¹.

Следовательно, главная цель воспитания, по мнению буржуазных социологов, сводится к тому, чтобы способствовать сохранению и упрочению капиталистической социальной системы. Они стремятся доказать, что путем воспитания в семье эмоционально уравновешенных и психически здоровых личностей можно разрешить любые социальные проблемы.

Проблемами семьи занимаются многие крупнейшие американские социологи — Т. Парсонс, Р. Хилл, У. Орборн, М. Нимкофф,

¹ «Transaction of the Fourth World Congress of Sociology», v. 2. London, 1959, p. 84.

Э. Берджесс, Г. Локк, К. Циммерман, К. Киркпатрик, Дж. Бос-сард, Р. Уинч, М. Элмер, У. Гуд и др. В стране функционирует несколько специальных центров.

Р. Хилл в докладе на IV социологическом конгрессе отмечал, что с 1900 г. в США было опубликовано более 12 000 книг и статей по различным проблемам брака и семьи, а в настоящее время выходит более 300 работ в год.

В современной американской социологии семьи можно выделить два основных направления: «макроанализ» и «микроанализ». Теоретические макросоциологические работы посвящены выяснению тенденции развития семьи, месту семьи в системе социальных структур, характеристике семьи как социального института или социальной группы, функциям семьи в современном обществе. Эмпирические микросоциологические исследования предусматривают конкретно-социологические исследования отдельных семейных образцов. Микроанализу посвящено около $\frac{3}{4}$ всех работ о семье.

К первому направлению исследования можно отнести работу У. Гуда «Мировая революция и типы семьи»². Под мировой революцией У. Гуд понимает индустриализацию и урбанизацию, охватившие все общества и оказавшие влияние на изменение типов семьи. Он прослеживает изменения, которые наблюдаются при выборе супругов и при вступлении в брак, изменения мотивов вступления в брак (экономический контроль за выбором супруга), особое внимание уделяя возрастным различиям в браке, распадению расширенной семьи, системе родства, положению женщины в современном обществе, отношениям между супругами, числу детей в семье, производственной работе и юридическим правам женщин, а также разводу, вдовству, вторичным бракам, взаимоотношению родителей и детей.

Первая глава книги посвящена изменению типов семьи в мировом масштабе, вторая — в странах Запада, третья — на арабском Востоке, четвертая — в Африке, пятая — в Индии, шестая и седьмая главы посвящены тем же проблемам в Китае и Японии.

Автор пишет, что в различных брачных системах можно наблюдать развитие сходных семейных образцов и ценностей среди большинства населения мира. В результате индустриализации во всех обществах наблюдается явление социальной мобильности, вследствие чего происходит ослабление родственных связей, распадение расширенной семьи и превращение ее в «нуклеарную» семью. Отдельные элементы внутри семьи будут изменяться в различных обществах по-разному, поскольку в традиционных системах новые образцы встречают большее сопротивление.

² W. J. Good. World Revolution and Family Patterns. N. Y., 1965.

Нельзя, по мнению Гуда, все перемены в семейных образцах выводить прямо и только из индустриализации, поскольку часто эти перемены являются результатом идеологических изменений или же изменений систем ценностей. Индустриализация воздействует и на мобильность внутри классов — одни представители одного и того же класса быстро поднимаются вверх, другие остаются в прежнем положении, что создает резкие различия в стиле жизни, вкусах, доходе, вследствие чего контакты между представителями одного и того же класса ослабевают. Индустриализация создает и новую структуру ценностей. Современные люди больше ценят достижения, чем происхождение. Связь с родственниками не представляет ценности, так как члены одной и той же родственной группы начинают занимать различное положение в обществе. В своих теоретических выводах У. Гуд совершенно игнорирует различные политические системы, а также формы индустриализации и урбанизации.

Аналогичную трактовку изменения семьи в США под влиянием индустриализации мы находим в книге У. Огборна и М. Нимкоффа³ «Техника и изменяющаяся семья». Авторы отмечают, что в результате развития техники семья перестала существовать в качестве производственной ячейки, вследствие чего многочисленные функции семьи переходят к другим учреждениям: производственная функция семьи — к государству, функция отдыха — к коммерческим учреждениям. Образование и защита семьи также все больше становятся функцией государства и промышленности. Поскольку значение семьи как социально-экономического института уменьшается, повышается значение личностных отношений и роли индивида. В связи с тем, что семья утрачивает производственные и экономические функции, усиливается ее роль как института упорядочения супружеской жизни и воспитания детей. Авторы игнорируют классовую дифференциацию семей в капиталистическом обществе.

К трудам макросоциологического типа можно отнести также книгу К. Циммермана «Семья и цивилизация»⁴. Циммерман рисует картину семьи в античном мире, в императорском Риме, в средние века, в восточных цивилизациях, в более поздние эпохи и делает вывод на основе этого исторического материала, что распад семьи ведет к гибели общества.

Примером эмпирического исследования может служить книга М. Комаровской «Брак в среде синих воротничков»⁵. Образец, исследуемый М. Комаровской, состоит из 58 семей. Ею изучались супружеские роли, социализирующая роль брачного партнера и

³ W. F. Ogburn, M. F. Nimkoff. Technology and the Changing Family. N. Y., 1955.

⁴ C. C. Zimmerman. Family and Civilisation. N. Y., 1947.

⁵ М. Комаровская. Blue-Collar Marriage. N. Y., 1964.

других лиц, участвующих в социализации, роли домашней хозяйки и работающих жен, ожидания, возлагавшиеся на брак, и реальные взаимоотношения между супругами, препятствия во взаимопонимании между супругами, пути разрешения семейных конфликтов, дифференциация в интересах полов, секс и семейное счастье, структура власти в семье, отношения супружеской пары с родителями мужа или жены, доверенные лица мужа или жены, социальная жизнь и досуг. Таким образом, совершенно отсутствуют такие проблемы, как взаимосвязь между семьей и экономикой, экономикой и положением женщины в современном обществе, роль семьи в жизни общества, т. е. проблем, в которых раскрывается сущность семьи как исторического явления в условиях определенной общественно-экономической формации.

Общим вопросам развития семьи посвящено незначительное число работ, причем большая часть из них рассматривает это развитие не в социально-историческом, а в индивидуальном плане, пытаясь определить стадии развития жизни каждой отдельной семьи, начиная с момента заключения брака и кончая смертью супругов. Например, в книге Е. Дюволл «Развитие семьи»⁶ описываются различные стадии семейной жизни в США: знакомство и ухаживание, выбор супруга, вступление в брак, семья с маленькими детьми, семья с детьми школьного возраста, семья, в которой дети уже выросли.

В качестве образца берется некая средняя семья вообще, без указания на ее принадлежность к какому-то определенному классу. Отрицая классовое деление общества и пытаясь заменить его «социальной стратификацией», американские исследователи семьи, особенно в теоретических работах, обычно различий между формами семьи противоположных классов не делают.

В европейской социологии семьи такая дифференциация встречается гораздо чаще. Примером могут служить работы французских социологов П. Шомбара де Лова⁷ и А. Мишель⁸.

В теоретической социологии семьи одним из главных является вопрос об определении понятия семьи, выявлении ее роли в социальной жизни. Американские социологи рассматривают семью как социальный институт или как социальную группу.

«Семья это социальный институт, — пишет М. Элмер, — обеспечивающий механизм, через который работает социальное наследство... Семья как социальный институт построена и видоизменялась народными обычаями и нравами...»⁹ Р. Линтон считает, что «семья — старейший из социальных институтов человека и будет

существовать в той или другой форме до тех пор, пока существуют люди»¹⁰.

В определении семьи как социальной группы делается упор на «межличностное» психологическое взаимодействие в семье. При таком подходе семья рассматривается как социально-психический комплекс, стабильность которого зависит от внутренней сплоченности членов семьи, а не от внешнего давления. Т. е. американские социологи рассматривают семью скорее как «закрытую систему взаимодействия», которая зиждется на психологическом единстве, а не как социальный институт, управляемый законом и моральными нормами. Это предполагает обращение к личностям, индивидам и характеристикам индивидуального сознания в их взаимодействии — взаимоотношении между ними.

«Специфически социальное» содержание буржуазные социологи определяют с помощью двух тесно связанных между собой понятий: коммуникации и согласованности. Коммуникация (взаимопонимание между людьми) и согласованность (определенная близость взглядов и настроений людей) являются взаимным сознательным отношением индивидов, взаимной связью их сознаний¹¹. Подход к социологическому исследованию как к установлению «специфически социальных» механизмов отношений людей и групп людей характерен для большинства «специальных» социологий США, в том числе и социологии семьи. Пытаясь выявить специфику семьи как «социальной группы», Э. Берджесс указывает: «Семья — группа людей, объединенных узами брака и родства, ведущая отдельное домашнее хозяйство; в лоне семьи происходит взаимодействие членов семьи, выполняющих соответствующие роли мужа и жены, матери и отца, сына и дочери, брата и сестры. Семья создает и сохраняет общую культуру»¹². Подобное же определение приводит и Р. Уинч¹³.

Таким образом, главным в определении семьи американскими социологами является так называемый принцип интеракционализма, т. е. анализ взаимодействий членов семьи друг с другом. Согласно этому принципу, который является исходным для социологии как «науки о поведении», в обществе все происходит из реального взаимодействия личностей, в том числе и сознание людей, которое есть лишь элемент и продукт этого взаимодействия.

В основе социального взаимодействия лежит психическая деятельность людей, которую американские социологи понимают

⁶ E. M. Duvall. Family Development. N. Y., 1957.

⁷ P. Chombart de Lauwe. La vie quotidienne de famille ouvriere. Paris, 1959.

⁸ A. Michel. Famille, industrialisation, logement. Paris, 1959.

⁹ M. C. Elmer. Sociology of the Family. N. Y., 1945, p. 6.

¹⁰ R. Linton. The Natural History of the Family. — «The Family, its Function and Destiny». N. Y., 1959, p. 30.

¹¹ См. Н. В. Новиков. Критика современной буржуазной «науки о социальном поведении». М., 1966, стр. 13.

¹² E. W. Burgess, H. J. Locke. The Family from Institution to Companionship. N. Y., 1945, p. 6—7.

¹³ R. Winch. The Modern Family. N. Y., 1953, p. 14.

идеалистически, поскольку не связывают ее с материальными условиями жизни человека, с его общественным бытием; результатом процесса взаимодействия является осуществление прочного психологического единства семьи, способного противостоять любым социальным потрясениям. Необходимо укрепить внутреннюю сплоченность семьи, сделать семью особой социальной силой, которая справится с теми задачами, которые буржуазное общество уже не в состоянии выполнить: на словах американские социологи рассматривают семью как ячейку общества, на деле трактуют ее как особую социальную силу, действующую независимо от общества.

В настоящее время, по их мнению, семья изменяется от «института» к «товариществу». «В прошлом основные факторы, объединяющие семью,— пишет Берджесс,— были внешние, формальные, такие, как закон, нравы, общественное мнение, традиции и авторитет главы семьи, строгая дисциплина и разработанные ритуалы. В настоящее время находится в состоянии становления новая форма семьи — товарищество, ее единство все меньше зависит от давления общества, а все больше от таких личных отношений, как взаимная привязанность, взаимопонимание и товарищество ее членов»¹⁴.

Известным американским социологом Т. Парсонсом была предпринята попытка синтезировать две точки зрения на семью. У него семья — это социальная группа, которая, однако, не противостоит обществу, а включена в социальную структуру общества. Парсонс рассматривает семью как структурную подсистему общества в связи с другими частями общества, в котором она функционирует. По его мнению, семья является одной из дифференцированных подсистем общества, но особым типом группы или социальной системы, поскольку она не имеет общих элементов с другими типами групп¹⁵.

«Будучи маленькой группой «нуклеарная семья» является относительно простой социальной системой, и этот факт имеет большое значение для ее функционирования как органа социализации и стабилизации личности. «Нуклеарная семья — не независимое общество, но маленькая и высоко дифференцированная подсистема общества»¹⁶.

Главное в анализе Парсонса — это сохранение функциональной устойчивости социальных структур общества. Функционализм в социологии предполагает, что общество, с какой бы точки зрения его не рассматривать, представляет единое целое, состоящее из взаимосвязанных и взаимозависимых частей. Функционализм

занимается главным образом анализом условий сохранения и поддержания стабильности существующей социальной системы. Методологической основой структурного функционализма является «теория равновесия», цель которой — сохранение равновесия социальных структур, функционирующих в капиталистическом обществе: «американская семья находится в состоянии равновесия и интеграции с остальной социальной структурой»¹⁷.

Он придает большое значение взаимодействию ролей. Каждый член семьи выполняет дифференцированные роли: мать — экспрессивную, отец — инструментальную. Кроме семейных ролей существует еще профессиональная роль отца, и именно ею определяется статус семьи. Область инструментальных отношений, по словам Парсонса, касается отношений семьи как системы к другим системам общества; это — нахождение приспособительных условий удержания равновесия и «инструментальное» установление желаемых отношений с внешними целями-объектами. Экспрессивная область касается внутренних дел семьи: удержание интегративных отношений между членами семьи и их регулирование¹⁸.

Итак, семья рассматривается американскими социологами, с одной стороны, как социальный институт, который управляется законом, нравами, общественным мнением и традициями, с другой стороны, как психологическое единство или как группа, существующая независимо от общества и действующая часто вне связи с общественными установлениями и даже вопреки им. (Если общество не может предоставить своим членам уверенность в будущем, то эту уверенность должна предоставить им семья если общество осуществляет социальный нажим, то семья должна снять этот нажим и т. д.) Семья предстает как структурная подсистема общества или как часть социальной структуры, находящаяся в состоянии равновесия и интеграции с остальными социальными структурами. Установление равновесия между семьей и остальными социальными структурами общества необходимо для теоретического утверждения функциональной устойчивости общества и для обоснования классового мира.

Значительное место в работах американских социологов уделяется проблеме изменения семьи и ее функций в XX в.

Будучи социальным явлением, семья не может не изменяться в ходе исторического развития общества. Эта истина получила в настоящее время в буржуазной социологии семьи широкое признание. Однако простая констатация факта изменчивости форм брака и семьи еще далеко не исчерпывает задачи социологии — определить причины и характер социальных изменений. Американ-

¹⁴ E. W. Burgess, H. J. Locke. The Family from Institution..., p. 7.

¹⁵ T. Parsons, R. Bales. Family, Socialisation and Interaction Process. London, 1956, p. 19.

¹⁶ Ibid., p. 37.

¹⁷ T. Parsons. The Social Structure of the Family.— «The Family, its Function and Destiny». N. Y., 1959, p. 260.

¹⁸ T. Parsons, R. Bales. Family, Socialisation..., p. 47.

ские социологи, пытающиеся решить эту задачу монистически, обычно исходят из концепции «технологического детерминизма», абсолютизируя влияние на семью технико-производственной стороны социальной жизни.

Воззрения многих социологов, ограничивающихся лишь констатацией множественности причин изменения семьи в каждом конкретном случае, примыкают к известной «теории факторов». Суть изменений семьи они усматривают прежде всего в том, что семья из экономической и социальной ячейки постепенно превращается в личный союз. В связи с этим отмечается тенденция уменьшения экономической роли семьи и роли экономических интересов в семейных отношениях. Семья перестает участвовать в производстве и социальной жизни как единое целое. Члены ее вступают в экономические, правовые, моральные и другие связи с социальным окружением в большинстве случаев как самостоятельные индивиды. Уменьшается, по мнению буржуазных социологов, и роль экономических мотивов при заключении брака; они якобы все больше вытесняются «романтическим стремлением к счастью». К этим выводам приходят в своих исследованиях Огборн, Нимкофф, Киркпатрик, Берджесс, Локк и др.

Проблеме изменения семьи уделено много внимания в учебнике «Социология семьи» М. Элмера. В главе «Социологическое значение семьи» указывается, что в современном обществе в связи с переходом ряда экономических и производственных функций семьи к другим организациям возросли психологические и эмоциональные функции семьи. «В настоящее время, в дополнение к биологическим нуждам и физическому здоровью, ребенку необходима эмоциональная уравновешенность и умственное приспособление для сопротивления социальному натиску общества. Растущая специализация всех видов работ с их монотонностью и отсутствием удовлетворения в работе требует укрепления эмоциональной структуры индивида, чтобы он мог вынести напряжение»¹⁹.

Элмер пишет далее, что ребенок в раннем возрасте должен быть приспособлен в своей умственной, социальной и эмоциональной жизни к столкновению с социальными изменениями. Эту функцию должна выполнить семья. Иначе говоря, семья должна помочь индивиду противостоять обществу. Таким образом, Элмер признает, что современное буржуазное общество враждебно человеку, что человек подвергается в обществе сильному социальному нажиму, который отражается на умственном и психическом здоровье человека.

Но вместо попытки преобразования общества М. Элмер, как и другие американские социологи, возлагает на семью задачу воспитания у ее членов такой эмоциональной и психической устойчивости, которая бы помогла им вынести это напряжение. Поэтому

большое значение придается внутренней структуре семьи, взаимоотношениям и взаимопониманию между мужем и женой и между родителями и детьми.

По мнению Элмера, в настоящее время внешний контроль менее суров, чем это было два или три века назад, и поэтому прочность семьи зависит больше от внутренней силы организации и влияния. В главе «Семейная организация» он пытается дать определение понятий семьи, брака, дома. Брак характеризуется как принятая обществом процедура, цель которой — объединение мужчин и женщин для установления новой биологической и социальной единицы. Семья рассматривается как группа лиц, живущих одним домом и имеющих общий бюджет. Под «домом» понимается жилище, где семья осуществляет отношения семейной жизни. Перечисляя функции семьи в прежние времена и в настоящее время, Элмер цитирует Огборна, о котором уже упоминалось. «В настоящее время структура семьи, — пишет Элмер, — должна быть полностью укреплена чувствами привязанности, симпатии, взаимопонимания и терпимости в противостоянии социальному нажиму. Из института с большим разнообразием функций, многие из которых были чисто материальными по своей природе, семья превратилась в институт эмоционального контроля, в средство психологического взаимопонимания»²⁰.

Во второй части книги, озаглавленной «Социальный контроль и семья», подчеркивается, что семья является основной единицей социального контроля и должна осуществлять контроль не только за детьми, но и за взрослыми. Поведение индивида в обществе определяется воспитанием, полученным в раннем детстве, когда он был членом первичной группы, в которой он провел ранние годы жизни²¹. Элмер абсолютизирует роль семьи в формировании индивида, полностью возлагая на семью ответственность за его поведение. Современная семья в США, по его мнению, подвержена не процессу дезорганизации, а процессу реорганизации, хотя изменения в функциях и вытекающие из этого изменения в структуре семьи и приводят к некоторой дезорганизации.

Важными для современной социологии семьи являются также проблема места семьи в системе социальных структур, социализация как главная функция семьи, семейные роли и сочетание различных ролей, роль женщины в современном обществе и др.

В книге Э. Берджесса и Г. Локка «Семья, от института к товариществу» отмечается значение для стабилизации современной семьи таких межличностных отношений, как взаимная привязанность, взаимопонимание и товарищество. Авторы книги пере-

¹⁹ М. С. Elmer. Sociology of the Family, p. 13.

²⁰ М. С. Elmer. Sociology of the Family, p. 34.

²¹ Ibid., pt. II.

числяют факторы, скрепляющие семью: взаимную привязанность, эмоциональную взаимозависимость, симпатию, взаимопонимание, способность разделять чувства и интересы другого, совместимость темпераментов, сходство культурных основ, общие интересы, идеалы, соответствие экономических ожиданий и ролей, согласие в отношении ценностей, семейных событий, празднований, церемоний²².

К. Киркпатрик в своем труде «Семья как процесс и институт» пишет, что «...в прошлом институт семьи поддерживался законом, моралью, религией, правительством... Сейчас происходит секуляризация семейной жизни. Институт собственности и закон получили другое направление и не обеспечивают институциональную поддержку семьи. Поскольку многие связи ослабели, большее ударение делается на любви и эмоциональном взаимодействии между членами семьи»²³. Следовательно, целостность семьи, по его мнению, уже не сдерживается внешним давлением, а достигается внутренним ее единством.

Е. Дюволл считает, что семья существует для радости и полного проявления жизни, что семья «должна обеспечивать прочную основу для развития ее членов, передавать культурное наследие следующему поколению, культивировать более глубокие интимные аспекты жизни, передавать жизненный опыт своим членам, обеспечивать физическое и умственное здоровье членов семьи, обеспечивать полное проявление человеческой личности, поощрять здоровое выражение любви, обеспечивать функцию воспроизводства человека; семья является также местом, где люди могут совершать ошибки в обстановке покровительства»²⁴.

Абсолютизируя роль семьи в формировании личности, американские социологи игнорируют диалектику единичного и всеобщего и рассматривают единичное как самостоятельную сущность, не видя того, что оно является выражением и формой существования всеобщего.

О несостоятельности теоретических построений буржуазных социологов семьи говорят результаты осуществляемых в США конкретно-социологических исследований семейной жизни, а также цифры и факты о положении семьи в США. Так, на конкретном материале М. Комаровская показала, что в ряде случаев отсутствует психологическое единство и взаимопонимание между супругами. Экономический фактор, роль которого игнорируется буржуазными теоретиками семьи, оказывает разрушительное воздействие на семейные отношения²⁵. Д. Симпсон приводит сведения, согласно которым в США «около 100 000 мужей и отцов

ежегодно дезертируют из своих семей и около миллиона покинутых семей, включающих три миллиона человек, находятся в тяжелом положении»²⁶. Согласно данным О'Гормана, в 1890 г. было 120 996 разведенных лиц, в 1920 г. эта цифра поднялась до 508 680 и в 1950 г. — до 2 444 545²⁷.

По мнению Т. Парсонса, «в распаде семьи повинны низкий доход, плохие жилищные условия и, что, может быть, является самым главным, низкая степень уважения друг к другу в семье, что вытекает из положения и профессии отца»²⁸.

«Неуверенность затуманивает богатство и роскошь США, — пишет К. Киркпатрик, — страх перед очередной опустошающей депрессией или инфляцией таится в человеческих умах. Индивид в современном мире находится под угрозой невидимых сил, которые могут воздействовать на его судьбу. Рабочий отделен от своих орудий труда и не потребляет больше свои собственные продукты. Богатство и бедность являются относительными. Народ теперь имеет больше, но больше беспокоится о том, чтобы не потерять то, что он имеет»²⁹. Все эти факторы, по его мнению, оказывают отрицательное влияние на стабильность семьи в современном обществе.

У. Огборн и М. Нимкофф отмечают, что благодаря урбанизации, развитию техники и транспорта, а также в результате вертикальной и горизонтальной мобильности произошло ослабление родственных связей; кроме того, анонимность городской жизни создает предпосылки для возникновения внебрачных связей, следствием чего является ослабление семьи³⁰.

Одним из тревожных явлений, связанных с положением семьи в современном американском обществе, является процесс десоциализации, или самоизоляции семьи. В условиях конкуренции и разобщенности буржуазного индивидуалистического общества семья является единственным местом, где человек находит опору и моральную поддержку. Р. Уинч пишет: «Сочетание индивидуализма и конкуренции в американской культуре создает чувство изоляции. Безличная природа городских отношений, анонимность городской жизни имеет тенденцию усиливать в дальнейшем чувство изоляции, стимулировать психическую неуверенность и потребность принадлежать к группе»³¹.

Одним из средств укрепления семьи, увеличения ее сплоченности американские социологи считают такое разделение труда в семье, когда муж работает на производстве, а роль жены огра-

²⁶ G. Simpson. People in Families. N. Y., 1960, p. 380.

²⁷ См. H. J. O'Gorman. Lawyers and Matrimonial Cases. N. Y., 1963, p. 14.

²⁸ T. Parsons. A Sociologist's View. — «Values and Ideals of American Youth». N. Y., 1961, p. 281.

²⁹ C. Kirkpatrick. The Family as Process and Institution, p. 129.

³⁰ W. F. Ogburn, M. F. Nimkoff. Technology and the Changing Family.

³¹ R. Winch. The Modern Family, p. 166.

²² E. W. Burgess, H. J. Locke. The Family from Institution..., p. 337.

²³ C. Kirkpatrick. The Family as Process and Institution. N. Y., 1963, p. 142.

²⁴ E. M. Duvall. Family Development, p. 405.

²⁵ М. Комаровский. Blue-Collar Marriage.

ничена одними внутрисемейными отношениями. Однако, как свидетельствуют факты, все большее число жен и матерей оказываются вовлеченными в работу на производстве.

Итак, реальная картина современной семьи в США расходится с той теоретической моделью, которую создали буржуазные социологи. Конкретные эмпирические данные, приводимые американскими исследователями семьи, свидетельствуют о том, что брачно-семейные отношения в США развиваются далеко не в том направлении, какое пытается указать им американская буржуазная социология.

Эти данные подтверждают марксистский вывод о том, что в характере и функциях семьи проявляются основные тенденции социально-экономического развития того общества, частью которого эта семья является. Семья содержит в миниатюре все те противоречия, которые присущи капиталистической социальной структуре в целом.

ИТОГИ МЕЖДУНАРОДНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛОЖЕНИЯ ЗАМУЖНЕЙ ЖЕНЩИНЫ В ОБЩЕСТВЕ

П. С. БЕЛЯНИН

Книга «Взгляды на положение замужней женщины в обществе»¹ подводит итоги международного исследования, руководителем которого был П. Шомбар де Лов. В ней восемь глав, написанных социологами, психологами, этнологами и другими специалистами по смежным отраслям наук — учеными Франции, Польши, Австрии, Канады, Югославии, Марокко, Республики Берег Слоновой Кости и Того.

Цель исследования заключалась не в изучении положения женщины в обществе, а «в уяснении отношения мужчин и женщин различных районов мира... к росту промышленности, к идеологическим течениям и взглядам, к месту, занимаемому ими самими в жизни общества, к их личному опыту. Авторы стремились уяснить себе их мнение о положении женщины в обществе, а также и то, какие изменения они хотели бы видеть в их положении» (стр. 20).

В рассматриваемой главе, которая написана руководителем исследования, изложены результаты опроса, проведенного французской группой социальной этнологии среди рабочих и служащих Парижа и его предместий. Основное внимание при этом было уделено анализу оценок, взглядов на роль и место женщины в обществе, которых придерживаются представители различных социальных слоев, и меньшее внимание — сравнительному анализу изменений в историческом плане под влиянием сдвигов во взглядах общества.

Интервью брались одновременно у мужа и у жены двумя исследователями раздельно. Подобное требование, делая невозможным опрос по развернутой анкете, позволяло сопоставить ответы мужа и жены. Отобранным для опроса семьям рассылались письменные уведомления, оповещавшие о предстоящем визите исследователя, пояснявшие его цель и кратко раскрывавшие содержание анкеты. Все случаи и мотивы отказов регистрировались с целью их по-

¹ «Images de la femme dans la société». Paris, 1964.

следующего анализа. Каждая анкета включала в себя вопросы развернутого и полуразвернутого характера, а также ряд предложений, разработанных в итоге анализа идентичных вопросов, включавшихся в анкеты подобного рода при прошлых исследованиях. Формулируя подобные предложения, составители анкеты рассчитывали на ответ в форме нового предложения.

После опроса обследователь, с максимальной точностью переписав полученные ответы, дополнял их собственными комментариями, замечаниями, дополнениями и выводами, с возможно большей полнотой характеризовавшими семью и атмосферу беседы-интервью. В случае, если затронутые в беседе темы выходили за рамки вопросов, обследователь заносил высказанные замечания и наблюдения на карточки для их последующей группировки.

Кроме основных респондентов (супружеские пары) были опрошены студенты (юноши и девушки). Члены группы провели также коллективные опросы, используя для этой цели собрания Союза семей и Школы для родителей, где листки с ответами распространялись среди всех участников, а вопросы для письменных ответов зачитывались для всех вслух.

В ходе предварительного изучения при отборе необходимых моделей был учтен социально-экономический уровень. Для опроса были выделены семьи, относящиеся к рабочим, промежуточному слою (*intermédiaire*) и семьи с повышенным доходом². Каждая из указанных групп включала 60 семей, среди которых распространялось по 120 анкет. Кроме того, было опрошено 100 студентов. Таким образом, общее число опрошенных составляло 460 чел. Половина семей в пределах каждой группы проживала в старых районах Парижа, а другая половина — в недавно возникших районах парижского пригорода. Подобная выборка обуславливалась теми соображениями, что проживание в условиях современного типа способствует развитию более прогрессивных взглядов, чем в старых районах. В каждой семье должны были иметься дети. Состав и характер семьи определялся по данным переписи населения и административным спискам городского муниципалитета.

В итоге были отобраны группы рабочих и служащих различных специальностей, занятых в самых разнообразных отраслях промышленности, включая металлургическую, авиационную, автомобильную, полиграфическую, а также военных, полицейских, журналистов, работников образования, торговли, страховых агентств и банков и т. д.

Жены рабочих (I группа) были фабричными работницами, конторскими служащими и работницами детских садов (43,3%, из них 1/3 была занята неполный рабочий день) или домашними хо-

зяйками (56,7%). В промежуточной категории (II группа) доля занятых женщин составляла 35% и включала секретарей, бухгалтеров, продавцов, преподавателей и т. п.

Исследователи хотели также выяснить степень воздействия законодательства на социальные преобразования, затронувшие положение женщины.

Три четверти опрошенных считают, что права женщины особенно заметно увеличились в период второй мировой войны, причем мужчины утверждают это более категорично, чем женщины (85% против 74% — в обеих группах такое соотношение почти одинаково).

Представители I группы менее, чем II, интересуются «новым социальным законодательством» и еще менее — новым положением, определяющим изменения в области профессиональной ответственности. Ко всему же, что связано с расширением зависимости женщины в повседневной жизни, они проявляют живой интерес.

В тех случаях, когда опрошенные признают наличие эволюционных изменений, высказываемые ими оценки значительно различаются. Одни понимают и оценивают их как изменения общего характера, с тенденцией на достижение полного равенства между полами, другие считают, что изменения находят свое отражение лишь в изменениях правовых норм. По мнению первых, женщина обретает все большую свободу в области морали и становится более независимой во всех отношениях. Другие оценивают изменения в положении женщины как медленный, но необратимый процесс, а иные считают, что эти изменения происходят под влиянием роста грамотности среди женщин или же под воздействием исключительных обстоятельств, благодаря которым женщина имела возможность проявить себя, как, например, в период второй мировой войны. Некоторые перечисляют приобретенные женщиной права: право голоса, право открывать собственный счет в банке, право на равную с мужчиной оплату, возможность вторжения в сферу деятельности мужчин.

Часть опрошенных считает, что права, приобретенные женщиной, имеют чисто теоретический характер и не затрагивают ни морали, ни обычаев. И, наконец, некоторые вообще отрицают наличие каких-либо перемен, заявляя: «женщина пользуется свободой всегда, когда она этого хочет».

В какой степени эта эволюция прав и независимости женщины содействует равенству прав двух полов? Обобщив полученные ответы, можно сказать, что большинство стоит за дальнейшую эволюцию в направлении большей свободы и равенства женщины с мужчиной, а меньшинство считает равенство в современном обществе уже достигнутым.

Завоевание женщинами новых прав, расширяющих их творческие возможности, может вызвать новые общественные преобразования. Свыше половины опрошенных (52%) считают, что эти

² В дальнейшем группа семей рабочих характеризуется как I группа, а все остальные семьи — как II группа.

изменения происходят в настоящее время, находя свое выражение как в области экономики страны, в социальном плане, так и в жизни семьи и во всем, что прямо или косвенно затрагивает положение женщины. Рабочие проявляют интерес прежде всего к экономическим переменам, заявляя, что увеличение покупательной способности будет способствовать расширению торговли и в свою очередь «приведет к обеспеченной жизни». В то же время в ряде ответов прозвучали опасения, что рост занятости среди женщин приведет к росту конкуренции и безработицы.

Опрошенные, признающие наличие эволюции, ожидают, что происходящие изменения найдут свое отражение и в семейной жизни. «Дело кончится тем, что женщину больше не будут считать существом «неполноценным» (II группа, женщина). «Женщине не нужно будет больше обслуживать всю семью, она будет играть более важную роль в общественной жизни. В результате структура семьи изменится (II группа, мужчина). «Взаимоуважение между мужчиной и женщиной возрастает» (II группа, женщина).

Выступающие за сохранение традиционной роли женщины выдвигают ряд возражений и опасений. «Женщина перестанет играть роль, отведенную ей природой, — роль матери» (II группа, мужчина). «Ослабнет интимность взаимоотношений»; «все эти изменения ни к чему: женщина находится на своем месте» (II группа, мужчина). «Чем больше будет возрастать авторитет женщины, тем значительнее будет ее отказ от своей роли» (II группа, женщина). «Она может заявить: «я такая же, как ты», и это может вызвать осложнения во взаимоотношениях» (I группа, женщина). Женщина будет вести более «независимую жизнь», она будет «развитой», «более важная роль в обществе изменит характер ее мыслей» и т. д.

3,2% опрошенных считают, что основные перемены следует отнести к числу свершившихся фактов, что эволюция общества настолько сложна, что появление новых возможностей для женщины не окажет существенного влияния на общественную жизнь. Так, например, один из опрошенных II группы заявил: «Между прочим, эмансипация принесла женщинам очень уж большие права. Женщине не следовало давать право голоса. У нее свои обязанности, у мужчин свои». «Роль женщины следует определить более четко. Она должна быть хозяйкой дома» (II группа, мужчина).

Рабочие, для которых изменения в общественной жизни мало заметны, высказываются пессимистически. «Не было ничего хорошего, когда женщина не имела права голоса, не стало лучше и теперь, когда она имеет это право». «Все это ничего не изменит». «Все останется точно так же». «Женщины всегда работают, от этого ничего не меняется». Весьма показательным для отношения женщин I группы к поставленному вопросу является факт отказа 18% опрошенных от ответа на него. Среди женщин II группы процент отказов отвечать на этот вопрос (характеризуемый как «отсутствие мнения») несколько ниже.

Часть вопросов, включенных в анкету, была посвящена выяснению взглядов на эволюцию семейных взаимоотношений, которые, по мнению Шомбара де Лова, меняются параллельно со взглядами. Анализ данной проблемы был проведен только после обобщения всех других вопросов, имеющих отношение к социальной структуре и семейной жизни, так как «эволюция семейных отношений является одновременно следствием и причиной преобразования социальной структуры».

Большинство опрошенных (64%) считает, что отношения женщины и мужчины за последнее двадцатилетие изменились. Изменение отношений со стороны мужчин признает меньшее число (48%). Процент утвердительных ответов колеблется в зависимости от возраста, пола и принадлежности отвечающего к той или иной социальной среде. Если ответы, полученные от мужчин, в большинстве своем совпадают, независимо от принадлежности к социальной среде, то среди женщин наблюдаются расхождения: утвердительных ответов от женщин I группы получено значительно меньше, чем от II. Объясняется это большей заинтересованностью женщин II группы в изменениях социальной структуры и в социальных преобразованиях.

Следует отметить, что такое объяснение Шомбара де Лова является фактическим уходом от ответа на поставленный вопрос или отражает непонимание причин изменения отношений между полами. Относительно рабочей среды даются более четкие ответы, отличающиеся, однако, отсутствием категоричности утверждений и осторожностью оценок.

Женщины I группы реже подтверждают изменения во взаимоотношениях, вероятно, потому, что они придавлены тяжелыми условиями своего существования и не верят в улучшения, считают что «все тщетно». Возможно, это происходит от того, что основные изменения в положении рабочих имели место еще в довоенный период, а не в последнее двадцатилетие. 30-е годы способствовали бурному росту самосознания рабочего класса и были отмечены таким динамизмом, который несравним с послевоенным периодом, даже если учесть подъем забастовочного движения в 1950—1951 гг. В настоящее же время наблюдается значительный подъем активности средних классов, и прежде всего техников и служащих. Эмансипация женщины, представляющей рабочий класс, реализована далеко не так полно, как в средних слоях. В этом смысле показательно высказывание одного из рабочих: «Мужчина не изменился. Он всегда считает себя хозяином, даже если это является всего лишь иллюзией. Все остается, как прежде».

Шомбар де Лов считает, что «взаимоотношения между полами в некоторой степени подчиняются извечным законам. Изменения внутри той или иной среды носят крайне незначительный характер» (стр. 83). Причем, как у мужчин, так и у женщин в возрасте

свыше 40 лет наблюдается затрудненное восприятие перемен, происходящих не только в окружающих их среде и обществе, но и в их собственной жизни. Все, в общем, признают, что перемены в поведении женщин более заметны, чем у мужчин, роль которых за последнее двадцатилетие изменилась крайне незначительно. Перемены в отношении мужей к женам тем заметнее, чем выше уровень среды. Число признающих данные факты уменьшается с возрастом опрошенных. Наличие этих перемен подтверждено 65,4% опрошенных II группы и 53,8% I группы. Признание же этого факта женщинами II группы достигает 79% (I группа не указана).

Шомбар де Лов определяет понятие «перемены» как «изменения в социальной среде опрашиваемого, которое вызывает сдвиги в образе жизни». Но как исследователь он находится в зависимости от степени осведомленности и культурного уровня опрашиваемых. Очевидно, здесь правильное было сделать вывод, что перемены, не признанные целым классом, не заслуживают названия перемен, ибо значительность социальных сдвигов зависит не от степени субъективного восприятия, а от реального воздействия на жизнь людей.

Признание перемены в поведении и характере женщины связывается прежде всего с ростом ее независимости. На вопрос «В чем состоит изменение отношения женщины к мужчине?» 70% женщин II группы и 25—36% мужчин и женщин в других группах в основном ответили: женщина стала не только «менее робкой» по отношению к мужчине, она уже не является «как в прошлом, верной и послушной, наподобие собаки», в то же время она «стала более уверенной», «вызывает к себе больше уважения», «ничего не принимает безоговорочно и более энергично защищает себя». Однако в ряде ответов мужчины отмечают и другое «Женщина стала менее женственной», «семья для нее значит меньше, чем раньше», «женщины стали менее постоянными» и т. п.

Все перемены в отношениях женщины к мужчине опрошенные объясняют ее участием в производстве, последствиями войны, принятием новых законов, «современной жизнью» в широком смысле слова, равным образованием с мужчиной и, далеко не в последнюю очередь, уровнем политического сознания женщины. Однако чаще всего в качестве причины изменений поведения женщины называются ее профессиональная деятельность и возможность зарабатывать наравне с мужчиной, что прежде всего сообщает женщине сознание равенства с ним.

Мужчина приспособился к новому характеру взаимоотношений и к новой роли женщины. Часты такие высказывания: «Мужчины в общем и целом приняли идею равенства» и стали «более терпимыми». «Они относятся к женщине как к спутнику», «как к товарищу». Одним из следствий этого является возрастание необходимости со стороны мужчины оказывать помощь женщине по хо-

зяйству. Однако, несмотря на признание факта равенства со стороны половины женщин обеих групп и значительной части мужчин (во II группе больше, чем в I), сообщения о помощи мужчин в хозяйстве подтверждены лишь 7 и 11% мужчин (I и II группы) и соответственно 17 и 18% женщин.

Примерно четвертая часть опрошенных проявила крайне умеренную удовлетворенность достигнутым прогрессом. При этом представители обоих полов критически высказались в адрес мужчин, отметив снижение у них таких качеств, как учтивость, предупредительность и уважение к женщине. Более того, в нескольких отзывах указывалось на проявление духа соперничества со стороны мужчин, рассматривающих женщину как конкурента в труде. Таким образом, женщина воспринимается мужчиной в двойном и взаимоисключающем качестве: друг и соперник. Указанные факты свидетельствуют о том, что тенденция к сближению двух полов не проходит без определенных и весьма существенных издержек: «С одной стороны, мужчина реагирует на утрату своих позиций отказом от выполнения обязанностей по отношению к женщине, с другой, женщина, достигнув почти полного равенства с мужчиной, не пользуется всеми своими преимуществами и не получает больше защиты от мужчины. Галантность, если она может быть принята в качестве признака почтительного отношения, утраченного в процессе выравнивания прав между полами, наполнена сексуальным и сентиментальным содержанием» (стр. 88—89).

Отметив в высказываниях женщин опасения в связи с утверждением таких отношений, когда прекрасный пол теряет свои прежние преимущества, получая взамен выгоды, не представляющиеся существенными и менее всего отражающиеся на улучшении его существования, Шомбар де Лов с тревогой отмечает, что более всего от упрочения нового порядка вещей страдает область чувств (стр. 89).

«Является ли современная женщина более счастливой по сравнению с женщиной в прошлом?» 75—80% опрошенных ответили, что «по крайней мере в некоторых отношениях» (стр. 90) современная женщина имеет право считать себя более счастливой, чем раньше: жизнь женщины в целом стала легче, она пользуется большей свободой, имеет возможность сама распоряжаться своим досугом и т. д. Однако у автора вызывает недоумение тот факт, что из числа этих доводов совершенно выпала возможность посвятить себя интересной и полезной деятельности, а также удовлетворение, которое может доставить тесный супружеский союз. Т. е. основные заботы женщины носят негативный характер и сосредоточены на том, чтобы освободиться от слишком тяжелых хлопот по хозяйству, от обязанностей, налагаемых профессией, и от подчинения мужу. Стремления позитивного характера сводятся к желанию пользоваться большим досугом и быть лучше обеспеченной в материальном отношении.

Вопрос об отношении к профессиональной занятости женщин выявил наличие диаметрально противоположных взглядов. Если для одних труд ассоциируется с ростом независимости женщины, то другие расценивают труд как форму порабощения. В пользу занятости женщин высказались только 21,7% мужчин обеих групп, в то время как среди женщин доля таких высказываний составляет 65% (I группа) и 52,3% (II группа). Возражений против работы почти не выдвигают незамужние и одинокие женщины, а также бездетные вдовы. Относительно же профессиональной занятости матерей подавляющее большинство как мужчин, так и женщин высказываются отрицательно, причем таких высказываний в I группе было больше, чем во II: только 5% мужчин и женщин I группы одобряют участие в труде женщин, у которых имеются малолетние дети, в то время как во II группе — соответственно 13 и 10%; 16,7% мужчин и 25% женщин I группы высказались за профзанятость женщин, имеющих детей школьного возраста, а во II группе — соответственно 20 и 30%.

В целом мужчины рабочей группы враждебнее настроены по отношению к профессиональной занятости женщин и ко всему, что отделяет их от семьи. Противоположный взгляд выразили женщины II группы, которые благосклонно относятся ко всему, что предоставляет им большую независимость и содействует дальнейшей эмансипации. Так, в пользу найма бездетных замужних женщин высказалось 81,7% женщин I группы и 90% — II; положительные ответы дали более половины мужчин I группы и третья часть II. Принципиальные возражения мужчин против найма женщин сопровождаются тем доводом, что женщина должна выполнять лишь такую работу, которая полнее всего соответствует ее возможностям. При этом указывается на необходимость дифференциации ролей мужчины и женщины.

Две трети опрошенных в обеих группах заявили, что работа замужней женщины является злом (*c'est un mal*) для общества. Женщины более, чем мужчины, склонны считать свой труд благом (*un bien*). Однако число таких ответов не превышает 0,05%. Доводы, выдвигаемые в защиту этой точки зрения, относятся, с одной стороны, к материальному положению, с другой — к семейному. В рабочей среде опасаются, «как бы женщины не вытеснили мужчин» и что они могут способствовать увеличению безработицы. Представители II группы заявляют, что рост занятости среди женщин вызывает «все большее и большее сокращение уровня заработной платы мужчин». Высказываются опасения, что семейная жизнь может утратить свои прелести, что «остается мало времени на воспитание детей», «стало больше разводов». В обобщенном виде эти мысли звучат так: труд замужней женщины есть «зло для общества, поскольку он разъединяет семью, являющуюся основой общества». Ответы, подтверждающие общественную полезность труда замужней женщины (13% мужчин и 23% женщин), аргу-

ментировались единственно соображением экономического порядка.

На вопрос о полезности труда замужней женщины для нее самой (а не для общества) 60% опрошенных ответили отрицательно и только 23% положительно. Причем положительные ответы дали 31,7% женщин II группы и 25% — I, 18,3 мужчин II группы и 17,7% — I.

В защиту положительного мнения приведены доводы, что работа дает женщине возможность обрести материальную независимость и способствует развитию ее способностей. Отрицательное мнение обосновывается указанием на неудовлетворительное ведение домашнего хозяйства или на усталость (эти две причины особенно часто приводятся в I группе). Мужчины обеих групп считают, что работающая женщина «может заразиться дурным влиянием», познакомиться с людьми «плохого поведения», приобрести «вульгарные свойства». Кроме того, высказано опасение, что слишком большое увеличение независимости женщины может явиться причиной семейных разногласий, ибо женщины «становятся менее женственными», «забывают о долге матери».

Влияние женского труда на равенство с мужчиной признают 63% опрошенных I и 68% II группы. Больше положительных ответов получено от женщин II (75%) и I групп (65%) по сравнению с мужчинами (61% в обеих группах). Среди отрицательных высказываний одни заявляют, что «мужчина и женщина равны, и женщине ради этого трудиться совершенно нет никакой необходимости». Другие вообще отказываются признать равенство, подчеркивая извечную разницу между мужчиной и женщиной и заявляя, что один пол служит дополнением другого. И третьи считают, что по своим психическим и физиологическим качествам женщина значительно уступает мужчине: «женщины слабовольны, непостоянны». 60% женщин и 51,6% мужчин II группы, 50% женщин и 40% мужчин I группы признают «благотворность» влияния труда, так как «работа вносит в жизнь женщины перемены», которые тем более значительны, чем в большей зависимости она находилась в семье. «Многие мужчины считают женщину существом неполноценным, однако, увидев, что она может успешно трудиться, меняют свое мнение». Особенно растет влияние женщины благодаря материальному вкладу, который она своим трудом вносит в семейный бюджет. Если женщина работает, то она значительно реже слышит упреки в том, что она плохая хозяйка (I группа). Представители II группы: отношения между мужем и женой становятся более искренними и более прямыми, возрастает взаимопонимание.

Равенство между полами считают нежелательным 17—20% опрошенных, причем в старых районах таких высказываний больше (27%), чем в новых (12,5%), где имеются молодые семьи, отличающиеся большей динамичностью и свободой взглядов. Ве-

роятно, все высказывания объединяет обеспокоенность тем, что исчезновение иерархии в обществе и семье внесет беспорядок, осложнит отношения между супругами, более того — заставит обе стороны страдать (стр. 67). Некоторые из опрошенных полагают, что женщина, добившись полного равенства, окажется «доминирующей фигурой в семье и будет распоряжаться». Женщины заявляют, что не в состоянии представить себе мужей, беспрекословно подчиняющихся своим женам, а следовательно, равенство явилось бы источником семейных разногласий. По мнению одних, равновесие между супругами невозможно, поскольку один из них постоянно стремится «командовать» другим; право командовать признается за мужчиной, поэтому «естественно, что хозяином положения должен быть мужчина», иначе он «оказывается в униженном положении и перестает считаться главой семьи», «женщина не должна стремиться зарабатывать одинаково с мужчиной». По мнению других, «женщине не годится быть равной во всем мужчине, каждый должен играть свою роль; женщине совсем не нужно стремиться к равенству, у женщины свое назначение, ее главная задача заключается в ведении домашнего хозяйства».

Таким образом, в пользу сохранения иерархии между полами высказалась довольно значительная часть опрошенных, однако же заявления о необходимости дифференцирования ролей мужчины и женщины явились преобладающими, причем они звучали не только в связи с темой о равенстве. На вопрос: «Считаете ли вы, что уровень образования жены должен быть несколько ниже, выше или равным образованию мужа?», более половины обеих групп ответили, что уровень образования супругов должен быть одинаковым. Значительное число женщин заявляет, что для них предпочтительно иметь более низкий уровень, и не видит практической возможности быть образованнее мужа. Некоторые из мужей придерживаются того же мнения.

Мужья считают, что и для семьи, и для них самих образованная женщина является «с практической точки зрения более желательной: женщина может иметь лучшее образование по сравнению с мужчиной, чтобы лучше воспитывать детей и развивать мужа» (I группа), «если поступать по-умному, то это может быть полезным мужу» (II группа). Женщин больше всего беспокоит вопрос о том, какое влияние уровень их образования может оказать на супружеские отношения, так как жена, образование которой выше, чем у мужа, склонна к большей агрессивности и недовольству мужем: «если жена образованней мужа, то он чувствует себя ниже ее» (I группа); «это мужчин раздражает», «тогда женщина захочет стать главой семьи» (II группа).

«Подобные опасения женщин, — делает вывод Шомбар де Лов, — являются, вероятно, следствием ощущения ими неполноценности, они не очень полагаются на свои качества, боясь, что последние могут их подвести, если им будет дана возможность играть в семье

главенствующую роль». Одна из опрошенных (причем она сама работает), к удивлению опрашивающих, заявила: «Жена должна быть менее образованной потому, что зарабатывает муж». Другая ответила шуткой: «Все это хорошо, однако мужчина должен знать больше, поскольку он сильнее».

В анкету был включен также следующий вопрос: «Влияет ли профессиональная занятость женщины на ее отношение к мужу?» В своих ответах подавляющее большинство опрошенных подтвердило, что занятость женщины вызывает в семье значительные перемены, причем в «худшую сторону» (стр. 70).

Таким образом, в принципе равенство мужчины и женщины не отрицается. В практической жизни, однако, независимость и самоутверждение женщины очень часто не встречают понимания и признания. «Может быть — ставит вопрос автор, — существуют опасения, что это движение пойдет слишком далеко? Или, может быть, в представлении людей при этом возникают образы неудавшихся супружеских отношений? Только изучение представлений о характере перемен, произошедших в условиях жизни женщины, может в какой-то мере помочь найти ответ на поставленный вопрос».

Шомбар де Лов приходит к заключению, что результаты анкетного опроса вскрывают противоречие, которое было подтверждено также рядом предыдущих опросов: профессиональный труд, как это следует не только из отзывов, но и из жизненных фактов, является для женщины «несчастьем». Фактически женщины, ограничивающие свои заботы семьей, а также их мужья в большинстве случаев обнаруживают, что в таком положении женщина более счастлива, чем в тех супружеских парах, где жене приходится работать.

Однако одним из источников счастья женщины является возможность иметь значительную свободу, уважение (*considération*) мужа, которому в значительной степени способствует труд. Разве основное назначение труда не заключается в преобразовании роли женщины в обществе? Но не откажется ли женщина от труда, как только она достигнет равенства с мужчиной? Или, может быть, характер труда в настоящее время является для женщины слишком тягостным, чтобы она могла получить от него удовлетворение? Если все обстоит именно так, то новое положение женщины, ее эмансипация не всегда желательны для нее! «Следует вспомнить, что значительное число обязанностей, возложенных на женщину, явилось следствием войны, когда женщина была вынуждена принять их на себя в силу трагичности обстоятельств. Современное общество, — заканчивает автор, — подготовлено к тому, чтобы справиться с изменениями в положении женщины».

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ РАБОТА ЖЕНЩИНЫ

С. В. КУЦЕНКОВА

С. Дзенцельска-Махниковская и И. Кульпиньская¹ зимой 1964/65 г. исследовали положение женщин, занимающих руководящие должности на предприятиях легкой промышленности (на текстильных, шерсто- и шелкоткацких, трикотажных, чулочных и швейных фабриках Лодзи). Авторы провели 157 интервью с женщинами — директорами и заместителями директоров предприятий, начальниками цехов, лабораторий, некоторых административных отделов и мастерами и 30 бесед с мужчинами, которые являлись начальниками опрашиваемых женщин.

Женщины составляют 46% всего трудящегося населения Лодзи, в текстильной промышленности их удельный вес возрастает до 60—70%. Однако среди руководящих работников их число незначительно. Почему же в такой «женской» отрасли промышленности только небольшой процент женщин находится на руководящей работе? Что мешает их росту? Чего не хватает им — желания, профессиональной подготовки или социальной активности?

Отношение к вопросу участия женщины в производственном труде рассматривается авторами в зависимости от исторического этапа. При этом отмечается, что в целом преобладает взгляд на женский труд как на труд, качественно более низкий.

Выяснилось, что занятые в лодзинской промышленности женщины имеют более высокий уровень образования и квалификации по сравнению с мужчинами, но не только не получают более высокого заработка, а, занимая те же должности, что и мужчины, в среднем имеют более низкую зарплату. Это объясняется укоренившимся взглядом на заработок женщины как на дополнение к доходам семьи.

Даже профессиональное среднее образование не создает для женщины равных с мужчиной возможностей в получении соответ-

ствующих должностей. Только очень высокая квалификация выравнивает шансы, что свидетельствует о сохранении патриархальных взглядов на женщину-работницу и ее труд. При этом авторы отмечают, что в Польше процент женщин, работающих на руководящих должностях в промышленности, значительно ниже, чем в СССР.

Хотя основной мотив труда женщины — необходимость в заработке, отношение ее к труду во многом зависит от уровня и характера ее производственной квалификации. Чем выше квалификация, тем более важными оказываются мотивы, связанные с профессией. Переменная квалификации важнее в отношении к труду, чем переменная пола, однако эта вторая выдвигается на первый план при трудоустройстве женщин. В связи с этим считается, что женщины «меньше заинтересованы» в работе.

Оценка отношения к женскому труду мужчин и всего общества в целом влияет на отношение к труду самих женщин. Отношение к женскому труду связано не только с традицией, но и с установками (т. е. постоянной готовностью к определенному поведению), мотивациями, мнениями, а также реальным поведением в труде. Анализ отношения к труду проводился путем исследования мнений, а также изучения негативных поступков работниц, например неявки их на работу без уважительной причины, низкой производительности труда, самовольного ухода с работы и др.

Перечисляются характерные особенности руководящей работы женщин: стремление их к своему утверждению в этой роли; противоречивость оценок их работы из-за напряженных ситуаций и конфликтов с окружением; влияние на подготовку их к этой роли разницы в психологической направленности мужчин и женщин, а также традиции воспитания.

Источником своего авторитета женщины (на руководящей работе) считают прежде всего образование, хорошую профессиональную подготовку и умение ладить с людьми. Те из женщин, которые связаны с производством (мастера, начальники цехов), большее значение придают профессиональной подготовке, другие, занимающиеся работой административного характера, — проблемам взаимоотношений с людьми.

Исследование показало, что чем ниже должность, тем меньше женщины уделяют внимания и времени общественной работе. И наоборот, чем выше должность, тем выше степень социальной активности женщины. Большинство исследуемых женщин ($\frac{2}{3}$) постоянно повышают свою квалификацию, участвуют в предложениях по рационализации работы, остальные считают, что характер работы не требует от них инициативы или что инициатива должна исходить от руководства.

Зависит ли разница в руководстве людьми и в том, как складываются отношения руководства с подчиненными, от пола руководи-

¹ S. Dzięcielska-Machnikowska, J. Kulpińska. *Awans kobiety* Łódź, 1966, 137 str.

дителей; оказывает ли пол работника влияние на отношение подчиненных к руководителям?

Выяснилось, что характер межличностных отношений на предприятии определяется прежде всего проблемами руководящей работы, размерами коллектива, характером и структурой коллектива и т. д. Отношения женщин — начальников цехов с высшим начальством (это, как правило, мужчины) в основном хуже, чем с подчиненными. Женщины — руководители административных отделов и мастера не жалуются на свои отношения ни с начальством, ни с подчиненными; их волнуют лишь встречающиеся в работе трудности. Женщины — руководители лабораторий заявляют, что в большинстве случаев они встречают понимание и уважение как со стороны своего непосредственного начальства, так и со стороны других руководителей производственных цехов. Многие высказывания женщин свидетельствуют о трудностях в руководстве женскими коллективами. Почти все они отмечают загруженность женщин домашними делами, недостатки организации труда (особенно мастера).

На вопрос: «Что мешает руководящей работе женщины?», мужчины (начальники респондентов) ответили, что у женщин не хватает физической силы, недостаточно развиты организаторские способности, им не хватает «профессиональной фантазии», инициативы, творчества в работе, хотя они добросовестны и точны. Основной помехой в работе женщин мужчины признали их домашние обязанности, их роль в семье и социальные последствия их производственного труда как для предприятия (женщины чаще болеют, они нераспорядительны, имеют длительные отпуска по беременности и родам и т. д.), так и для семьи.

Авторы классифицируют всех исследуемых женщин-руководителей на группы профессиональной карьеры: 1) получение должности после окончания средней школы или высшего учебного заведения; 2) производственная карьера в результате выдвижения на руководящие посты в народном хозяйстве — политики, проводившейся после 1945 г. из-за нехватки специалистов с высшим и специальным образованием; 3) рост (производственная карьера), а затем деградация из-за недостаточной подготовки и профессиональной квалификации. Первый тип профессиональной карьеры характерен для молодых женщин, имеющих приблизительно десятилетний стаж работы, второй и третий типы — для женщин, начавших работать еще до второй мировой войны.

Анализ трудовых биографий женщин-руководителей показал, что производственный рост женщин-мастеров осуществлялся на основе профессиональной подготовки, а женщин — начальников цехов — в результате получения высшего образования или благодаря «социальному росту» женщины.

Иначе складывается судьба женщин, занимающих административные должности: это или бывшие партийные работники,

которые не захотели вернуться к своей прежней работе, или те, кто рос на данном предприятии.

Анкетные данные свидетельствуют, что желание дальнейшего продвижения по службе выражает лишь 20% женщин, находящихся на руководящей работе: женщины-мастера обычно высказывают нежелание продвигаться по служебной лестнице, а женщины — начальники производственных цехов указывают на отсутствие возможностей роста.

В книге рассматриваются две основные социальные роли женщины: роль руководителя и работника, занятого трудом вне дома, и роль жены и матери, организатора домашней жизни. Совмещение этих двух ролей, по мнению авторов, как правило, не создает конфликтных ситуаций, поскольку исследуемая совокупность имеет тип семьи, где быт максимально устроен (дети находятся под надежной опекой) и, следовательно, мать может целиком посвятить себя профессиональному труду. Однако немаловажную роль при этом играет отношение мужа к работе жены.

В данной группе женщин преобладает позитивное отношение мужа к работе жены (учитывается не только вербальное, но и фактическое отношение мужа — его участие в выполнении домашних обязанностей, в уходе за детьми). Позитивное отношение к работе жены чаще всего проявляют те мужчины, жены которых имеют высшее или среднее образование. Фактическую же помощь жене по дому и уходу за детьми оказывают те мужья, жены которых заняты на административной работе или работают в качестве мастеров. Мужья тех женщин, которые руководят производственными цехами, чаще всего сами занимаются руководящей работой и не считают нужным помогать женам по дому, возможно, потому, что материальное положение семьи облегчает задачу организации дома. Те же аргументы можно было бы привести и в оправдание жен, но в силу сложившихся условий женщины не могут не заниматься домом, несмотря на образование, профессию, должность, заработок и нежелание заниматься домашними делами.

К сожалению, остается неизвестным, какому числу женщин удалось преодолеть барьеры и ограничения на пути производственного роста.

Во всяком случае, опрашиваемые женщины сообщали о трудностях на этом пути. Очевидно, здесь большую роль играют некоторые закономерности социально-психологического порядка, межличностные отношения, а также то, что и руководство и подчиненные еще не привыкли к выполнению женщинами таких функций. Хотя «теоретически принимается и во всеуслышание повторяется точка зрения, что производственный рост женщины зависит лишь от того, отвечает ли она требованиям «хорошего работника», — на самом деле применение этого критерия очень затруднено». Затруднено в силу того, что женщина боится забро-

силь дом, опасается ответственности, атмосферы нервозности и неуверенности, связанной с работой на руководящей должности, и потому отказывается от выдвижения.

Суть вопроса о производственном росте женщины сводится авторами к более рациональным и современным методам руководства производством. Большую роль должно при этом сыграть устранение противоречия между культурой труда и культурой человеческих взаимоотношений, а также противоречия между производственной ролью женщины и ее ролью в семье.

Причем это последнее противоречие можно разрешить двумя путями: посредством профессиональной активизации женщин до рождения детей и после того как дети подрастут и станут более самостоятельными (перерыв в производственном стаже) и посредством максимального облегчения домашнего труда женщины (создание для этого специальных организаций и новое разделение обязанностей в семье). Успех зависит от общественно-экономического положения страны в целом, ибо, замечают авторы, «наша программа эмансипации женщины заставляет нас заниматься образованием и профессиональной подготовкой женщин, но полученная ими квалификация часто не находит применения». Следовательно, основной аспект так называемого «женского вопроса» в настоящее время заключается в проблеме организации быта семьи, в путях разрешения дилеммы двух социальных ролей женщины.

О КНИГЕ К. ПШЕЦЛАВСКОГО «ГОРОД И ЧЕЛОВЕК»¹

А. Е. ВЫГОРБИНА

Исследуется влияние развивающейся урбанизации на формирование современного человека — человека эпохи социализма. Процесс урбанизации рассматривается на фоне характерных социальных особенностей XX в.

При этом различается урбанизация административно-демографическая (процентное возрастание численности жителей городов в соотношении с общей численностью населения, возрастание густоты заселения городов, расширение их административных границ), экономическая (процентный рост численности населения, занятого трудом вне сельского хозяйства, в соотношении с населением, занятым в сельском хозяйстве), «культурная» (процентное возрастание численности населения, пользующегося средствами «массовой культуры»: кинематография, телевидение, радио и т. д.), «пространственно-техническая» (рост технических средств, облегчающих жизнь человека: электрификация, газификация, коммуникация и др.; здесь можно говорить об урбанизированном селе и мало урбанизированном городе), «социально-психологическая» (сопоставляются условия жизни в сельской местности и большом городе).

Все эти явления процесса урбанизации способствуют образованию определенных социальных условий для формирования личности, ее психологии, типа ее взаимоотношений с людьми.

Особое внимание уделяется анализу социально-психологического аспекта урбанизации. Приводится схема развития личности на фоне особенностей социальных условий среды. Если в селе (типичном, традиционном) пространственная близость способствует социально-психологической близости, то в городе (типичном, большом) наоборот; в селе социальные контакты имеют личный характер, а в городе — деловой, кратковременный, неличный. Одним из основных типов социальных связей в селе являются соседские, в

¹ K. Przecławski. Miasto i człowiek. Warszawa, 1966, 230 str.

городе социальные связи формируются независимо от пространственной близости.

Житель города должен приспосабливаться к изменениям, новой ситуации, новым этическим установкам, в то время как в формировании нравственных норм жителя села основную роль играют традиции, причем нравственные нормы одинаковы для всей локальной общности.

Личность в городе освобождена от непосредственного контроля — поддается лишь институциональному контролю, отсюда необходимость признания различных установок поведения и более частые проявления общественной дезорганизации, что невозможно в селе, где поведение личности подвергнуто контролю общественности.

Разнородность общественных групп, профессий, общественных классов в городе создает большие возможности общественного продвижения, в селе личность занимает предназначенное для нее место в общественной, классовой и профессиональной структуре.

Примитивные условия жизни способствуют тому, что сельский житель умеет преодолевать трудности повседневной жизни, отличается трудолюбием и выносливостью, в то время как городской житель приспособлен к более легкой жизни, часто — к более легким заработкам.

Сельская семья — большая, состоит из трех поколений, с большим числом детей, со структурой, пожалуй, «патриархальной»; женщина не трудится вне домашнего хозяйства. Городская семья состоит из двух поколений, с небольшим числом детей (обычно не больше двух), опирается на равноправие сторон; женщина гораздо чаще работает в сфере какой-либо профессии вне дома.

В общем процесс экономического и культурного развития села весьма ограничен, хотя процесс урбанизации захватывает и село. Процесс развития города часто переступает его административные границы.

Роль женщины в семье и обществе в связи с процессом урбанизации радикально меняется. Урбанизация в современной Польше создает для женщин большие возможности общественного роста. Женщина трудится чаще не только ради заработка, но и для реализации определенных интересов. Труд женщины вне дома создает иные отношения в семье, приводя в большинстве случаев к уменьшению контакта между супругами. Их работа в разных местах, различие в интересах способствуют тому, что каждый стремится к своему профессионально-товарищескому кругу. Эволюция семьи идет в направлении все большей индивидуализации жизни ее членов. «Можно говорить о значительном распадении связи между членами урбанизированной семьи» (стр. 114).

Отмечается также ограничение традиционных функций семьи в связи с урбанизацией. Воспитанием детей большей частью занимаются школа, дома культуры, спортивные организации, не-

формальные группы молодежи, не говоря уже о влиянии радио, телевидения, кино, прессы. Вместе с тем школа перестала быть основным средством информации для молодежи, отделилась от жизни и ей труднее подготавливать молодежь к «взрослой» жизни. Отсюда различные попытки экспериментирования в составлении программ и организации школы (стр. 207). Школа и семья, по мнению автора, должны играть ведущую роль в подготовке подрастающего поколения к условиям урбанизации.

Приводятся данные (стр. 118), отражающие рост числа разводов в Польше. Число официальных разводов в 1962 г. достигло 18 068, что составляет 164% по сравнению с 1951 г. ($11\,012 = 100\%$). Процент разводов в Польше в 1950 г. был равен 4,4 на 10 тыс. чел., а в 1962 г. — 6,0; процент разводов для Варшавы: в 1962 г. — 22,9, для Лодзи — 14,8.

К. Пшецлавский подчеркивает, что разводы, особенно с точки зрения интересов детей, представляют большое социальное зло; поэтому необходима установка на устойчивость семьи: каждый должен сознавать свою ответственность за основание семьи.

Таким образом, урбанизация оказывает двойное влияние на жизнь человека, на становление и формирование личности — может способствовать и может затруднить его развитие.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СЕМЬИ В БОЛГАРИИ

А. Е. ВЫГОРБИНА

В статье «Молодая семья в свете одной анкеты»¹ рассматриваются данные опроса, проведенного в 1964 г. редакцией журнала «Молодежь» — органа ЦК комсомола. Были анкетированы 5000 молодых семей — представители многих профессий различных социальных слоев. Выбор территориальных единиц обусловлен стремлением охватить как наиболее крупные, так и наиболее малые отдаленные города и села.

Данные анкеты автор рассматривает в трех аспектах: «Техника и семья», «Жилище и одежда», «Внутрисемейная жизнь», большое внимание при этом уделяя роли технического прогресса в жизни семьи.

Оснащение дома бытовыми приборами способствует освобождению женщины от домашнего труда и приобщению ее к производству и общественной жизни, достижению равенства с мужчиной. Домашнее хозяйство теряет свою автономность, личность освобождается от домашней работы, однако становится зависимой от общественного снабжения продуктами, а также от различных видов общественных услуг. Эта зависимость является предпосылкой полного индивидуального освобождения.

Благодаря развитию массовых средств коммуникации происходит преодоление изоляции семьи.

Автор противопоставляет «прогрессивному значению техники преувеличение ее ценности», подчеркивая, что «техника может быть предпосылкой и компонентом счастья высокоразвитой человеческой личности, но никогда не может совпасть с ним».

На основании полученных ответов он делает заключение, что социалистический строй внес коренные улучшения в жилищные

условия рабочего класса Болгарии, однако в результате индустриализации, а также миграции из села в город возникают жилищные трудности. Кратко рассматриваются внутрисемейные отношения и, в частности, проблема руководства домом.

Подытоживая данные анкеты, Н. Попов делает следующий вывод, касающийся общих тенденций в развитии семьи в Болгарии: растет демократизация семейных отношений, исчезают старые предрассудки и консерватизм, утрачивается влияние материального фактора как единственной силы, которая скрепляет семейные узы.

¹ Н. Попов. Младото семейство в светлината на една анкета. «Септември», 1965, № 8.

ИССЛЕДОВАНИЕ СЕМЬИ И СЕМЕЙНОГО БЫТА НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

З. А. ЯНКОВА

Широкие хронологические рамки исследования¹ позволяют автору проследить связь семьи и семейного быта с ходом социально-экономических преобразований общества.

Так, полупатриархальному, полуфеодальному общественному строю народов дореволюционного Дагестана соответствует и тип семьи (большая патриархальная семья), и ее структура (деспотический характер взаимоотношений), и формы патриархально-феодального быта. Социалистические преобразования в Дагестане неизбежно влекут за собой соответствующие изменения семьи (сокращение ее численности, возникновение новой, демократической структуры) и трансформацию быта. Переход к строительству коммунизма открывает новый этап развития этого важнейшего социального института и первичной группы общества — этап ее дальнейшей стабилизации.

С. Ш. Гаджиева раскрывает значение современной семьи для преобразования социальных отношений и формирования всесторонне развитой, социально активной личности, исследует различные формы семейного быта и семейных обрядов, численность и типологию семьи, ее структуру и функции, показывая, как одни семейные формы и обряды изживаются, другие видоизменяются, третьи наполняются новым содержанием.

Автор четко различает понятия «пережиток» и «национальные традиции народов». Если первые, такие, как кровная месть, эндогамия, обычай избегания и другие обычаи, связанные с до-социалистическими общественными отношениями, не имеют социальных корней в современном обществе и окончательно преодолеваются, то вторые, такие, как гостеприимство, уважение к старшим, взаимопомощь родственников, напротив, приобретают новое звучание, органически входят в состав новых традиций семейного быта.

Анализируются и такие пережитки, которые сохраняются лишь в отдельных семьях и у отдельных лиц, групповое и индивидуальное сознание которых отстает от сознания общества в целом. Как правило, проявления такого рода пережитков не выходят за пределы отдельных семей и поэтому слабо поддаются общественной и правовой регламентации; это — старые формы разделения труда в семье, старый характер взаимоотношений членов семьи и т. д.

Рассматривается проблема фактического равенства женщины с мужчиной и опыт решения женского вопроса в условиях Советского Востока. Привлечение архивного материала, характеризующего формы и методы партийной работы среди женщин на разных этапах строительства социализма, позволило наглядно раскрыть динамику роста социальной активности женщин в годы Советской власти и значение этого процесса для формирования новых взаимоотношений в семье — новых форм разделения и кооперации труда, отношений взаимопомощи и взаимоподдержки, новой структуры вне рабочего времени, увеличения свободного времени, формирования нового человека в семье. В книге доказывается, что не только политическое и юридическое равноправие женщины с мужчиной, но и привлечение женщины к общественному производству, к общественной деятельности помогло ей преодолеть былое неравенство в быту. Новое социальное положение женщины, ее высокий социальный престиж изменили ее семейное положение и семейный статус.

Конкретно-социологический анализ семьи и семейного быта дополняется этнографическим. В частности, анализируются закономерности этнических процессов, происходящих в современном Дагестане. Тип, структура, функции семьи, непосредственно связанные с социально-экономическими преобразованиями в республике, единообразны у различных народов Дагестана, в то время как семейные обряды и обычаи, связанные с этими преобразованиями опосредованно, напротив, выявляют большую вариантность. Некоторые различия обнаруживаются и в положении женщины в зависимости от места жительства: горный район или долина, город или селение. Рассматривается проблема формирования новых черт быта, а также значение новых, советских праздников для воспитания нового человека.

Исследование С. Ш. Гаджиевой в целом носит социографический характер, и, как в любом другом исследовании подобного типа, в нем недостаточно внимания уделено вопросам теории семьи и быта, в том числе и разработке понятийного аппарата. В связи с этим некоторые проблемы, такие, как изменение структуры и типа семьи, трансформация функций семьи и быта и другие, имеющие большое теоретическое значение, не получают в работе всестороннего анализа.

¹ С. Ш. Гаджиева. Семья и семейный быт народов Дагестана. Махачкала, 1967, 175 стр.

СИМПОЗИУМ ПО ПРОБЛЕМАМ БРАКА, СЕМЬИ И БЫТА

М. А. АСКОЛЬДОВА

В январе 1967 г. в Вильнюсе проходил I Всесоюзный симпозиум социологов, посвященный проблемам брака, семьи и быта. Симпозиум был организован Исследовательской секцией по социологическим проблемам семьи и быта Советской социологической ассоциации и комплексной группой по исследованию проблем брака, семьи и быта при Министерстве высшего и среднего специального образования Литовской ССР.

Выбор места для проведения симпозиума определялся тем, что Министерство высшего и среднего специального образования Литовской ССР сумело организовать конкретные социологические исследования в ведущих вузах республики. В частности, при кафедре философии Вильнюсского государственного университета им. В. Капсукаса на общественных началах сложился коллектив научных работников (преподаватели и аспиранты вузов Вильнюса и Каунаса, сотрудники АН Литовской ССР и других учреждений и ведомств), изучающий проблемы брака, семьи и быта. В коллективе 23 исследователя — специалисты в области философии, экономики, медицины, педагогики, права, истории, этнографии. Руководит этой группой Н. Я. Соловьев. Кроме того, в республике сложилась традиция проведения симпозиумов по различным проблемам социологии.

В симпозиуме участвовало около 100 чел.: философы, социологи, экономисты, историки, педагоги, юристы, медики, демографы, архитекторы Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Вильнюса и других городов Советского Союза, а также местные аспиранты, студенты, научная общественность.

Симпозиум открыл председатель Исследовательской секции Советской социологической ассоциации А. Г. Харчев. Доклад «О состоянии современных исследований проблем семьи и быта в Литовской ССР» сделал Н. Я. Соловьев (Вильнюс). Отметив возросший интерес к социологическим проблемам семьи в Литовской ССР, он подчеркнул необходимость комплексного изучения этих

вопросов, что обеспечивает решение как общих, так и частных социологических проблем с позиций и методами различных общественных и естественных наук.

Работе социологической группы Ленинградского отделения Института философии АН СССР — головного учреждения по исследованию проблем семьи — был посвящен доклад А. Г. Харчева.

Изучение брака, семьи и быта велось в Ленинграде по трем основным направлениям: 1) исследование брака и отдельных аспектов брачно-семейных отношений, становление новой семьи и конфликты внутри семьи; 2) изучение семьи в системе города, ее структуры и расселения; 3) анализ досуга молодежи в связи с проблемой формирования личности и совершенствования общественных отношений. А. Г. Харчев остановился также на трудностях исследовательской работы: территориальной разобщенности социологов семьи и несравнимости данных исследований в различных социологических группах, недостаточном профессиональном уровне многих исследователей, неразработанности методологии и методики проблемы, сложности внедрения рекомендаций ученых в практику.

Несколько докладов было посвящено методологии и методике исследований брака и семьи. В докладах Л. В. Чуйко (Киев) «Статистические методы исследования брака» и С. И. Голода (Ленинград) «Социально-психологический эксперимент как метод социологического исследования проблем брака и семьи» охарактеризованы наиболее эффективные методы исследования проблемы. Анализ писем в газету как одного из важнейших социологических источников для исследования проблем семьи было посвящено выступлению С. Д. Лаптенка (Минск). В сообщении В. Ю. Крупянской (Москва) рассматривалась методика этнографического изучения национальных форм брака и семьи. Методологии и методике были посвящены также выступления социологов А. В. Мяловицкого из Ровно («Вопросы методологии и методики исследования причин разводов») и С. М. Абрамзона из Ленинграда.

Проблема структуры семьи как основного бытового коллектива и ее влияния на структуру быта в целом рассматривалась в докладах А. Л. Пименовой (Ленинград) (проблема услуги в семье), В. Я. Титаренко «Влияние семейных отношений на успеваемость детей» (Вильнюс), Г. П. Давыдова и Л. Пилипенко (Москва) (исследование времени учащихся). М. Г. Панкратова (Москва) и А. Даниляускас (Вильнюс) рассказали об особенностях формирования новой семьи в условиях сельской местности. Сообщение В. Квиклиса (Вильнюс) было посвящено некоторым вопросам брака, семьи и быта студентов. Г. А. Слесарев (Москва) познакомил с исследованием положения женщины на предприятии и в семье. Одной из актуальных проблем современности — проблеме рождаемости — было посвящено выступление К. Мыттуса (Таллин).

Л. Н. Терентьева (Москва) рассказала об итогах исследования семьи работниками Института этнографии АН СССР.

Много докладов было посвящено воспитательным функциям семьи, школы, пионерского лагеря, спортивных организаций, значению этих функций для формирования личности ребенка. С докладами по этим вопросам выступили З. Баерюнас (Вильнюс), В. Сакавичус (Вильнюс), Р. Богдановичус (Вильнюс), В. Стакионене (Каунас), С. Дулинкас (Вильнюс), Г. П. Давыдов (Москва), Р. Г. Гурова (Москва).

Участие в симпозиуме представителей различных общественных наук позволяло многие вопросы быта ставить и решать комплексно. Это относится, в первую очередь, к характеру обсуждения новых принципов градостроительства, планирования и прогнозирования развития пространственных форм организации быта, оптимальных форм нового жилища, строительства домов-комплексов.

В своем сообщении Г. И. Лаврик (Киев) подчеркнул необходимость дальнейшего, более координированного сотрудничества социологов и архитекторов, а также необходимость проведения комплексных исследований социологами, педагогами, этнографами, психологами для решения важнейших проблем проектирования жилищного и культурно-бытового строительства. Анализу конкретно-социологического исследования проблем архитектуры и градостроительства были посвящены доклады и сообщения архитекторов Евреинова (Киев), Вайнштейна (Киев), осветивших важнейшие новые процессы в жизни нашего общества.

С сообщением о проблемах брака и семьи в современной польской социологии семьи выступил В. В. Юстицкий (Вильнюс). Научной критике решения проблем семьи в современном католицизме был посвящен доклад Ю. Лазаускаса (Вильнюс). Обзор литературы, вышедшей на английском языке по проблемам положения женщины, сделала М. А. Кириллова (Москва).

Группа докладов была посвящена проблемам становления социального равенства женщины, ее положению в современной семье и обществе (на материалах Литвы): Я. Андриушквичене (Вильнюс) охарактеризовала изменения структуры свободного времени женщины, Н. В. Панова (Вильнюс) осветила проблему женского труда и И. Величкене (Вильнюс) убедительно доказала связь организации труда и здоровья женщины.

Большой интерес представляют доклады: З. А. Янковой (Москва), впервые воспроизведшей сложную структуру бытовых ролей женщины и показавшей значение различных ролей для процесса формирования личности женщины, Н. С. Волги (Киев), по-новому осветившего взаимосвязь динамики развития семьи и типологии жилища, Н. Я. Соловьева (Вильнюс), проанализировавшего факторы, причины и поводы разводов, Н. Г. Юркевича (Минск), посвятившего свое сообщение важнейшей и мало исследованной про-

блеме стабилизации семьи, Н. В. Андреевской (Москва), сумевшей убедительно продемонстрировать значение семьи для процесса социализации личности.

На симпозиуме были не только сделаны новые теоретические обобщения и выводы, но и приняты практические рекомендации: о создании общего социологического журнала и отдела в нем «Социология брака, семьи и быта», об улучшении информационной работы, переводов, о необходимости публикаций интересных работ зарубежных социологов по проблемам брака, семьи и быта. Советские специалисты обратились в ЦСУ СССР с предложением и просьбой о расширении программы сбора и разработки данных о браках и разводах. В частности, было отмечено, что необходимы: а) дополнительные данные по году рождения вступающих в брак, по однолетним интервалам возраста (хотя бы до 50 лет), по национальности жениха и невесты, их социальной принадлежности, добрачному семейному положению; б) разработка данных о разводах дополнительно к существующей программе по году вступления в брак, однолетним интервалам возраста разводящихся, их национальности, социальной группе, числу детей, месту проживания детей после расторжения брака.

В условиях становления социологии семьи, как особого направления науки, I Всесоюзный симпозиум способствовал информированности и координации научно-исследовательских работ, продемонстрировал необходимость совместных усилий представителей различных общественных наук для комплексной постановки и решения сложнейших проблем брака, семьи и быта. Успешное решение этих проблем будет зависеть от четкой разработки концептуальных схем и понятийного аппарата, четкой разработки научной теории, совершенствования методологии, методики и техники конкретного социологического анализа, включая математические методы.

На основе материалов симпозиума был подготовлен сборник статей «Проблемы быта, брака и семьи» (составители — Ю. Лазаускас, З. А. Янкова, Н. Я. Соловьев; редакционная коллегия — А. Гульбинскене, Я. Жюрлис, Н. Я. Соловьев, З. А. Янкова), который выйдет в свет в Вильнюсе в 1970 г. (издательство «Минтис»).

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1

Брак, семья, демография в СССР

З. А. Янкова. В. И. Ленин о социальной активности женщин . . .	5
Б. Ц. Урланис. Население СССР за 50 лет	16
Б. Я. Смуглевич. Динамика показателей здоровья и состояние здравоохранения	30
М. Л. Стронгина. Проблемы развития больших городов и агломераций	49
А. Г. Харчев, К. Л. Емельянова. Брак: идеал и действительность	61
З. И. Файнбург. К вопросу об этической мотивации брака . . .	66
З. А. Янкова. О семейно-бытовых ролях работающей женщины .	76
В. З. Роговин. Проблемы семьи и бытовой морали в советской социологии 20-х годов	88
В. П. Левкович. Обычаи и обряды и их роль в совершенствовании семейных отношений	115
Л. И. Петрова. Современные проблемы женщины и международное женское движение	122

РАЗДЕЛ 2

Брак, семья, демография за рубежом

Р. Хилл (США). Современные тенденции в теории семьи	136
О. Бурич, А. Зечевич (Югославия). Семейные отношения и их место в системе социальных связей Югославии	153

РАЗДЕЛ 3

Обзоры, информация

М. А. Кириллова. О некоторых проблемах брака и семьи в современной американской социологии	166
П. С. Белянин. Итоги международного исследования положения замужней женщины в обществе	179
С. В. Куценкова. Производственная работа женщины	190
А. Е. Выгорбина. О книге К. Пшецлавского «Город и человек» .	195
Тенденции развития семьи в Болгарии	198
З. А. Янкова. Исследование семьи и семейного быта народов Дагестана	200
М. А. Аскольдова. Симпозиум по проблемам брака, семьи и быта	202